

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА

Военно-научный журнал

**№ 1(6)
2016**

*Издается
с ноября 2014 г.*

Учредители:

Новосибирское высшее военное командное училище

**Новосибирское региональное отделение
Академии военных наук Российской Федерации**

**Благотворительный фонд поддержки Новосибирского высшего
военного командного училища и его выпускников**

Редакционный совет:

- Разгонов В.Л.** начальник Новосибирского высшего военного командного училища, полковник (председатель редакционного совета)
- Гурский А.И.** канд. филос. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, полковник в отставке
- Диев В.С.** д-р филос. наук, проф., декан философского факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета
- Донских О.А.** д-р филос. наук, проф., PhD университета им. Монаша (Австралия), заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления
- Курочко М.М.** канд. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии и религиоведения Военного университета МО РФ, ученый секретарь Совета Военно-философского общества Национальной ассоциации объединений офицеров запаса Вооружённых Сил «Мегапир», полковник запаса
- Лопуха А.Д.** д-р пед. наук, проф., профессор кафедры тактики Новосибирского высшего военного командного училища, полковник в отставке
- Ламин В.А.** д-р ист. наук, проф., член-кор. РАН, директор Института истории СО РАН
- Собольников В.В.** д-р психол. наук, проф., главный учёный секретарь Академии полярной медицины и экстремальной экологии человека (г. Новосибирск)
- Федорук М.П.** д-р физ.-мат. наук, проф., ректор Новосибирского национального исследовательского государственного университета
- Шиловский М.В.** д-р ист. наук, проф., заведующий кафедрой истории России Новосибирского национального исследовательского государственного университета

Редакционная коллегия:

- Балабушевич В.Ю.** канд. филос. наук, доц., профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, подполковник в отставке
- Кокоулин В.Г.** д-р ист. наук, доц., старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища, профессор кафедры истории России Новосибирского национального исследовательского государственного университета
- Лихоманов И.В.** канд. филос. наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища
- Лопуха Т.Л.** канд. пед. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища
- Свилин С.Ю.** начальник отдела (организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров) Новосибирского высшего военного командного училища, подполковник

СОДЕРЖАНИЕ

Об итогах деятельности журнала «Гуманитарные проблемы военного дела» в 2015 г. и планах редакционной коллегии на 2016 г.	5
---	---

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА И ПРАВО

<i>Зорин О.Л., Аристов В.В.</i> Суды чести в российской армии: историко-правовой аспект.....	7
<i>Климзов А.Г., Качан Г.С., Винеткина И.В.</i> Особенности обеспечения экологической безопасности военной службы при чрезвычайных ситуациях	9
<i>Шапашев М.А., Салханов Е.Р.</i> Основные направления совершенствования межведомственного взаимодействия в условиях социально-политического конфликта в пограничном пространстве Республики Казахстан	12

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА

<i>Балабушевич В.Ю., Гурский А.И.</i> Христианская теория «справедливой войны»: философско-социологический анализ.....	16
<i>Гомель Н.И., Неверко М.В.</i> Управление сознанием военнослужащих в контексте решения задач обеспечения информационной безопасности государства	22

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

<i>Авдеев В.В., Литовченко В.А.</i> Разведывательно-диверсионная деятельность формирования «Бранденбург-800» на западно-европейском театре военных действий	29
<i>Вербовой О.И.</i> Опыт десантных действий Дунайской флотилии в Ясско-Кишиневской наступательной операции.	32
<i>Еремин И.А.</i> Трудоустройство инвалидов Первой мировой войны в Западной Сибири.....	40
<i>Калинин А.Ф.</i> Русские воины на американских полях сражений	43
<i>Кокоулин В.Г., Балабушевич В.Ю.</i> Праздник 23 февраля: «новое вино в старые меха»?	48
<i>Курсакова Е.Н.</i> Влияние Великой Отечественной войны на развитие легкой промышленности Алтайского края в 1946-1956 гг.	56
<i>Пиков Г.Г.</i> Философия войны киданей (III-XIII вв.)	62
<i>Шевченко В.Н.</i> Армия и промышленность: к вопросу о мобилизации людских ресурсов Сибири в годы Великой Отечественной войны	73
<i>Шекшеев А.П.</i> Алексей Никанорович Тялшинский: атаман Енисейского казачьего войска.....	76

ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ»

<i>Герш Б.Г.</i> Социально-психологические причины использования ненормативной лексики военнослужащими.....	84
<i>Дорошенко Е.В.</i> Анализ результатов констатирующего эксперимента по развитию гуманитарной культуры курсантов Военного института внутренних войск МВД России.....	90
<i>Зоренко Е.И.</i> Современное военное образование глазами курсантов: приоритеты ценностей и справедливости.....	93
<i>Разонов В.Р., Лопуха Т.Л.</i> Профессиональное воспитание военных кадров России.....	97
<i>Рябков Д.В., Беловолова С.П., Беловолов В.А.</i> Профессиональная деятельность офицера: аксиологический подход ..	102
<i>Страбыкин А.Г.</i> Самообразование курсантов военных вузов	106
<i>Чернов С.А.</i> Методологические и методические подходы к оценке эффективности подготовки специалистов в высших военных учебных заведениях при индивидуализации процессов обучения и воспитания	109

К 50-летию НВВПОУ – НВВКУ (1967-2017)

<i>Андрушевич О.А.</i> Слово об отце	117
<i>Бочаров В.А.</i> Наше училище начиналось так.	119
<i>Гурский А.И., Балабушевич В.Ю., Бочаров В.А., Конопацкий А.К.</i> Он стал для нас во всем примером... ..	122
<i>Пепеляев А.В.</i> Время и мы (зарисовки курсанта 21 роты 1983-1987 г.г.)... ..	132
<i>Шилов А.Н.</i> Вспомнить всё!	136

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

I Научно-практическая конференция «Евразийская интеграция и безопасность» (18 марта 2016 г., г. Новосибирск)..	141
III Межвузовская итоговая конференция военно-научного общества курсантов Новосибирского высшего военного командного училища (25 марта 2016 г., г. Новосибирск)	143
Сведения об авторах	145
От редакционной коллегии	147

CONTENTS

On the results of activity of the journal «Humanitarian problems of military affairs» in 2015 and the plans of the editorial board in 2016	5
--	---

MILITARY POLICY, ECONOMY AND RIGHT

<i>Zorin O.L., Aristov V.V.</i> Courts of honour in the Russian Army: historical and legal aspect	7
<i>Klimzov A.G., Kachan G.S., Vinetkina I.V.</i> Features of ecological safety of military service in emergencies	9
<i>Shapashev M.A., Salkhanov E.R.</i> Main areas of improvement of interagency cooperation in conditions of social and political conflicts in the border areas of the Republic of Kazakhstan	12

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF MILITARY SCIENCE

<i>Balabushevich V.Y., Gurskiy A.I.</i> Christian theory of “just war”: philosophical and sociological analysis	16
<i>Gomel N.I., Neverko M.V.</i> Mind control of soldiers in the context of solving the task of ensuring information security	22

MILITARY HISTORY AND CULTURE

<i>Avdeev V.V., Litovchenko V.A.</i> Intelligence and subversive activities of the formation “Brandenburg-800” on the West-European theater of operations in the Second World War	29
<i>Verbovoi O.I.</i> Landing actions of the Danube flotilla in Yassko-Kishenevsky offensive operation.....	32
<i>Eremin I.A.</i> Resettlement of disabled soldiers of First World War in the West Siberia	40
<i>Kalinin A.F.</i> Russian soldiers at the American.....	43
<i>Kokoulin V.G., Balabushevich V.Yu.</i> Holiday of February, 23: «New wine in old bottles»?	48
<i>Kursakova E.N.</i> The influence of the Great Patriotic war on the development of consumer goods industry of Altai region in 1946–1956.....	56
<i>Pikov G.G.</i> Again to the problem of the role of war in the history of nomadic societies	62
<i>Shevchenko V.N.</i> Army and industry: the issue on mobilization of human resources in Siberia during the Great Patriotic war....	73
<i>Shekshev A.P.</i> Alexey N. Talsinsky: ataman of the Yenisei Cossack army	76

MILITARY SOCIOLOGY, PEDAGOGICS AND PSYCHOLOGY

<i>Gersh B.G.</i> Social and psychological causes of using of profanity by servicemen	84
<i>Doroshenko E.V.</i> Analysis of results of ascertaining experiment on development of humanitarian culture of cadets of the Military institute of interior ministry troops of Russia.....	90
<i>Zorenko E.I.</i> Modern military education by the eyes of cadets: priorities of values and justice	93
<i>Razgonov V.L., Lopoukha T.L.</i> Professional training of military personnel of Russia	97
<i>Ryabkov D.V., Belovolova S.P., Belovolov V.A.</i> Professional experience of officer: axiological approach	102
<i>Strabykin A.G.</i> Self-education of cadets of military schools	106
<i>Chernov S.A.</i> Methodological and methodical approaches to evaluating the effectiveness of training of specialists in higher military schools by the individualization of training and education.....	109

TO THE 50th ANNIVERSARY OF NVVPOU – NVVKU (1967 – 2017)

<i>Andrushevich O.A.</i> Word on the father	117
<i>Bocharov V.A.</i> Our military school started so... ..	119
<i>Gurskiy A.I., Balabushevich V.Yu., Bocharov V.A., Konopatsky A.K.</i> He became for us an example... ..	122
<i>Pepeliaev A.V.</i> Time and we (sketches by cadets in 1983–1987)	132
<i>Shilov A.N.</i> Remember all!	136

SCIENCE LIFE

I scientific-practical conference “Eurasian Integration and Security” (March 18, 2016, Novosibirsk)	141
III Inter institution conference of military and scientific society of students of the Novosibirsk Higher Military Command School (March 25, 2016, Novosibirsk)	143
Information about authors	145
From editors	157

**ОБ ИТОГАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛА
«ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА»
В 2015 г. И ПЛАНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ НА 2016 г.**

Уважаемые читатели! Редколлегия журнала «Гуманитарные проблемы военного дела» считает необходимым познакомить вас с некоторыми итогами деятельности журнала в прошедшем году.

В 2015 году вышли в свет четыре номера журнала: №№ 1(2), 2(3), 3(4), 4(5). Из них два номера носили тематический характер: журнал № 1(2) был посвящен 70-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне, содержание журнала № 3(4) составили материалы II Всероссийской научной конференции «Гуманитарные проблемы военного дела» (Новосибирск, 20 ноября 2015 г.).

В четырех номерах журнала были опубликованы 123 статьи и доклада, 4 рецензии, 5 материалов информационного характера, которые принадлежат перу 114 авторов.

Среди авторов, любезно предоставивших свои материалы для публикации в журнале:

докторов наук – 18;

кандидатов наук – 44;

профессоров – 11;

доцентов – 26;

главных и старших научных сотрудников – 3;

магистров – 2;

аспирантов, адъюнктов, соискателей – 14;

преподавателей и сотрудников военных вузов – 66;

слушателей и курсантов – 9.

Авторы материалов, опубликованных в журнале, представляют четыре страны (Российская Федерация, Республика Беларусь, Республика Куба, Япония), 11 городов Российской Федерации (Абакан, Барнаул, Бийск, Вольск, Воронеж, Кострома, Москва, Новосибирск, Рязань, Санкт-Петербург, Томск), а также Минск (Республика Беларусь), Гавана (Республика Куба), Токио (Япония).

Активное участие в подготовке материалов, опубликованных на страницах журнала, принял профессорско-преподавательский состав ряда российских и зарубежных вузов, среди которых:

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул;

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко Министерства обороны Российской Федерации, г. Кострома;

Военная академия Республики Беларусь, г. Минск;

Военная академия связи имени С.М. Буденного Министерства обороны Российской Федерации, г. Санкт-Петербург;

Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина Министерства обороны Российской Федерации, г. Воронеж;

Вольский военный институт материального обеспечения (филиал) Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулева, г. Вольск;

Гаванский университет, Республика Куба, г. Гавана;

Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова, г. Кострома;

Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, г. Новосибирск;

Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск;

Новосибирский государственный технический университет (НГТУ), г. Новосибирск;

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, г. Новосибирск;

Новосибирский гуманитарный институт (НГИ), г. Новосибирск;

Новосибирский филиал Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург), г. Новосибирск;

Новосибирское высшее военное командное училище Министерства обороны Российской Федерации, г. Новосибирск;

Российский государственный социальный университет (РГСУ), г. Москва;

Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова Министерства обороны Российской Федерации, г. Рязань;
Университет Тохоку, Япония, г. Токио;
Юридический институт Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск.

В журнале были представлены публикации преподавателей, сотрудников и учащихся учреждений среднего профессионального образования и общеобразовательных учреждений, среди них:

Бийский промышленно-технологический колледж, г. Бийск;
Образовательный центр «Горностай», г. Новосибирск.

Ряд публикаций принадлежит авторам, представляющим государственные научные и научно-исследовательские учреждения, общественные объединения:

Академия безопасности и правопорядка (АБиП);
Академия военных наук Российской Федерации;
Всеславянский союз журналистов;
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск;
Международная славянская академия наук, образования, искусств и культуры (МСА);
Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, г. Москва;
Петровская академия наук и искусств (ПАНИ);
Российская академия естествознания (РАЕ);
Союз журналистов России;
Союз казаков России;
Союз казачьих журналистов Сибири и Дальнего Востока;
Хакасская республиканская организация «Общество Мемориал», г. Абакан;
Экспозиционный (военно-исторический) отдел Дома офицеров Новосибирского гарнизона Министерства обороны Российской Федерации, г. Новосибирск.

С ноября 2015 г. журнал «Гуманитарные проблемы военного дела» входит в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** на платформе **Научной электронной библиотеки**.

В декабре 2015 г. запущен и функционирует в тестовом режиме **официальный сайт журнала «Гуманитарные проблемы военного дела» (www.nvvku-журнал.рф)**. На сайте можно ознакомиться со свежим номером журнала и с архивом издания.

В ноябре 2016 г. будет проводиться **III Всероссийская конференция «Гуманитарные проблемы военного дела»**, ее материалы будут опубликованы в журнале «Гуманитарные проблемы военного дела» № 3(8) за 2016 г. Приглашаем всех заинтересованных лиц к участию в ее работе.

1 июня 2017 г. Новосибирское высшее военное командное училище будет отмечать пятидесятилетие со дня своего образования. С первого номера журнала за 2016 г. открывается новая рубрика **«К пятидесятилетию НВВПОУ – НВВКУ (1967-2017)»**. Всех ветеранов и выпускников училища просим присылать свои материалы по истории училища, воспоминания, заметки, фотографии. Наиболее интересные из них будут опубликованы на страницах журнала.

Просим читателей журнала высказать свои предложения по улучшению деятельности журнала, его содержанию и оформлению.

Адрес редакционной коллегии:

Новосибирское высшее военное командное училище, кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ул. Иванова, 49, Новосибирск, 630117. **E-mail: gumproblemey@gmail.com**

Редколлегия журнала «Гуманитарные проблемы военного дела»

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА И ПРАВО

УДК 355.131(09)

О.Л. Зорин, В.В. Аристов

*Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина
г. Воронеж*

olozor06@rambler.ru

СУДЫ ЧЕСТИ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются правовые основы создания и функционирования судов чести в российской армии. На основе анализа исторического материала формулируется вывод о главенствующей роли мотива сохранения чести не только в военной карьере офицера, но и во всей его жизни. Суды чести служили мощным инструментом правового и нравственного воздействия на офицерский состав. Помимо общественного порицания, офицеры, нарушившие воинскую честь и достоинство других военнослужащих, могли быть уволены с военной службы, а в дореволюционной армии по приговору суда офицерской чести – вызваны на поединок. Ликвидация товарищеских судов чести офицеров в постсоветский период существенно уменьшила эффективность деятельности по укреплению морально-нравственных основ военной службы, защите воинской чести и достоинства военнослужащих. Реальная правовая ситуация диктует необходимость восстановления офицерских судов чести в Вооруженных Силах Российской Федерации. Авторы статьи предлагают расширить возможности и роль офицерских собраний в правовом и нравственном воспитании данной категории военнослужащих, указывают на необходимость разработки этического кодекса для офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: Вооруженные Силы Российской Федерации, воинская честь, достоинство офицера, офицер, офицерское собрание, поединок, правонарушение, суд чести, этический кодекс.

Военно-исторический опыт России показывает, что для российского офицера честь играла главенствующую роль не только в военной карьере, но и во всей его жизни даже после завершения службы. Ее потеря означала не только конец военной службы, но и лишение определенного социального статуса, так как такого человека исключали из жизни дворянского общества, обеспечивающего поступление в армию большинства офицеров.

За совершение проступков, нарушающих нормы и правила поведения на службе и в быту, вводились суды чести офицеров российской армии, а затем и товарищеские суды чести, которые успешно функционировали в войсках со времени своего создания в 1863 г. и до момента ликвидации в 2001 г. В главе IX «Положения об охране воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных» (приказы военного министра 1863 г. № 249 и 1865 г. № 131), устанавливающей «Особенные правила об увольнении со службы по приговору суда общества офицеров», говорилось: «Для охраны достоинства военной службы офицеры, замеченные в неодобрительном поведении или поступках, хотя не подлежащих действию военно-уголовных законов, но не совместных с понятиями о воинской чести и доблести офицерского звания, или изобличающих в офицере отсутствие правил нравственности и благородства, подвергаются суду офицерского общества. Суду этому представляется также разбор случающихся между офицерами ссор и обид» [3, 228].

Начиная с 1919 г. суд чести мог рассматривать дела в отношении всех категорий военнослужащих, так было до принятия в 1956 г. «Положения об офицерских товарищеских судах Советской Армии и Военно-морского флота. Однако, уже в 1973 г., выходит положение о товарищеских судах чести прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы в Вооруженных Силах СССР, согласно которому данные суды призваны охранять честь и достоинство воинского звания прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы [2].

Помимо общественного порицания, военнослужащие, нарушившие воинскую честь и достоинство других военнослужащих, могли быть уволены с военной службы, а в дореволюционной армии по приговору суда офицерской чести – вызваны на поединок.

Так, с 1894 по 1910 г. в русской армии состоялось 322 поединка (дуэли), из них 256 – по постановлению судов чести, 19 – помимо них, 47 – с разрешения командира части. В 315 поединках использовалось огнестрельное оружие (с дистанции от 12 до 50 шагов). В остальных случаях – холодное оружие. В поединках за этот период приняли участие: 4 генерала, 14 штаб-офицеров, 187 капитанов и штабс-капитанов, 367 поручиков, подпоручиков и прапорщиков, 72 гражданских лица. Смертью или тяжелым ранением закончилось 30 поединков. Остальные были бескровны или закончились легкими ранениями одного или обоих участников. Ни одно дело об офицерских поединках не было доведено до судебного разбирательства [1].

С началом перестройки и переходом страны на рыночные отношения офицерская честь руководством страны оказалась невостребованной и приказом Министра обороны Российской Федерации от 29 ноября 2001 г. № 472 был признан не действующим в Вооруженных Силах Российской Федерации приказ Министра обороны СССР 1980 г. № 275 «Об утверждении Положения о товарищеских судах чести офицеров в Вооруженных Силах СССР».

Таким образом, данное важное правовое средство укрепления морально-нравственных основ военной службы, а также защиты воинской чести и воинского достоинства оказалось фактически ликвидировано без каких-либо на то оснований.

В наши дни представители российского судейского сообщества в лице председателя Верховного Суда России В. Лебедева указали на необходимость вернуть в Вооруженные Силы Российской Федерации офицерские суды чести на основании неутешительной статистики офицерской преступности, согласно которой, к примеру в 2012 г. по сравнению с 2011 г., при снижении на 13,1 % общего количества участников преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, отмечался рост на 6,1 % числа офицеров, совершивших такие преступления, и на 22 % доли военнослужащих данной категории в общей структуре участников указанных правонарушений [4].

Примечательно, что одним из первых документов, изданных генералом армии С. Шойгу на посту главы военного ведомства, был приказ № 3666 от 11 декабря 2012 г. «О мерах по предупреждению и пресечению в Вооруженных Силах Российской Федерации правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения», в котором отражена озабоченность военного руководства значительным числом правонарушений, совершенных офицерским составом, в состоянии алкогольного опьянения, наносящих вред престижу военной службы и авторитету Вооруженных Сил в целом.

На наш взгляд, использование и расширение потенциала офицерских собраний, вместо ликвидированных товарищеских судов чести офицеров, сыграло бы значительную роль среди прочих мер правового и нравственного свойства в формировании и охране воинской чести, достоинства и деловой репутации офицеров, а также их воспитании. Сегодня существует настоятельная необходимость разработки и принятия своего рода этического кодекса для офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации, который в концентрированном виде будет отражать сущность и специфику морально-нравственных принципов и норм в сфере военно-служебных и внеслужебных отношений.

Библиографический список

1. Виниченко М. История и традиции офицерского корпуса [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://observer.materik.ru> (дата обращения – 20.01.2016).
2. Гриневич Д.С. Суд чести как ведущая общественная организация в российской армии XIX-XX веков [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://военпоергаво.ru> (дата обращения – 20.01.2016).
3. Коровин В.М., Подлужный В.И., Свиридов В.А. Подготовка офицерских кадров в России: Традиции и современность. Воронеж, 2004.
4. Куликов В. Офицерам пора и честь знать // Российская газета. 2012. 17 февраля.

O.L. Zorin, V.V. Aristov

*N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy
Voronezh*

olozor06@rambler.ru

COURTS OF HONOUR IN THE RUSSIAN ARMY: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

The article considers the legal bases of creation and functioning of the courts in honor of the Russian Army. Based on analysis of historical data it is concluded the dominant role of the motif of conservation honor not only in the military officer's career, but in his life. The courts of honor served as a powerful tool for legal and moral impact on the officers. In addition to the public censure officers who have violated military honor and dignity of other soldiers, they could be dismissed from military service, and in the pre-revolutionary army under the sentence of a court officer's honor – due to a duel. Elimination of friendly courts for officers in the post-soviet period has substantially reduced the effectiveness of efforts to strengthen the moral foundations of military service, the protection of military honor and dignity of the military. The actual legal situation dictates the need to restore the officers' honor courts in the Armed Forces of Russian Federation. The authors propose to empower the role of officer assemblies in the legal and moral education of this category of personnel, indicate the need to develop a code of ethics for officers of the Armed Forces.

Keywords: Armed Forces of Russian Federation, military honor, the dignity of the officer, the officer, the officers' club, fight, crime, court of honor, codex of ethics.

А.Г. Климзов, Г.С. Качан, И.В. Винеткина

*Военная Академия связи им. С.М. Буденного
г. Санкт-Петербург*

*klimzovmed@yandex.ru
ka4an_genna@mail.ru
thebestviv2014@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

В статье рассматриваются теоретические основы решения вопросов обеспечения экологической безопасности в Вооруженных Силах Российской Федерации на современном этапе. Авторами дается определение экологической безопасности, рассматривается содержание мероприятий организационного и эксплуатационно-технического характера, направленных на обеспечение экологической безопасности, подчеркивается их актуальность. Особое значение придается выполнению мероприятий по обеспечению экологической безопасности при чрезвычайных ситуациях. Классификация чрезвычайных ситуаций проводится по видам источников и по масштабу, тяжести последствий. Чрезвычайные ситуации экологического характера, как правило, являются следствием антропогенной деятельности и природных явлений. Система обеспечения экологической безопасности в условиях чрезвычайных ситуаций должна предусматривать два этапа защиты войск: этап заблаговременной защиты и этап непосредственной защиты. Авторы раскрывают содержание выделенных этапов. Управление мероприятиями по обеспечению экологической безопасности осуществляет экологическая служба Вооруженных Сил Российской Федерации. Большое значение имеет то обстоятельство, что силы и средства, которыми располагает Министерство обороны, интегрированы в Единую государственную систему предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. При возникновении чрезвычайных ситуаций Вооруженные Силы Российской Федерации должны тесно взаимодействовать с органами гражданского управления.

Ключевые слова: безопасность, военные объекты повышенного риска, защита личного состава, экологическая безопасность, Вооруженные Силы, чрезвычайные ситуации экологического характера.

В последние годы в Вооруженных Силах Российской Федерации пристальное внимание уделяется вопросам экологии, особенно вопросам экологической безопасности. Требования экологической безопасности распространяются на все техногенные объекты и виды антропогенной деятельности: воинские части, промышленные и сельскохозяйственные предприятия, вооружение и военную технику, обеспечение повседневной деятельности войск и т. д.

Под экологической безопасностью понимается совокупность свойств, состояний, действий и процессов большинства объектов, деятельность которых может приводить к жизненно важным ущербам природной среде и отдельным людям [1].

Комплекс мероприятий по обеспечению экологической безопасности включает в себя организационные и эксплуатационно-технические мероприятия по охране окружающей среды, рациональному природопользованию и защите личного состава от экологически неблагоприятных факторов.

К организационным мероприятиям относятся:

- планирование и выполнение мероприятий по обеспечению экологической безопасности;
- сбор, анализ, оценка и прогнозирование влияния на окружающую природную среду, личный состав, население, вооружение и военную технику вредных воздействий экологически опасных факторов, возникающих в процессе военной деятельности;
- экологическое обследование объектов и территорий;
- экологический мониторинг окружающей среды;
- осуществление взаимодействия и сотрудничества с уполномоченными государственными органами, осуществляющими государственный контроль за соблюдением выполнения природоохранного законодательства;
- правовое обеспечение охраны окружающей среды и рационального природопользования.

К эксплуатационно-техническим мероприятиям относятся:

- экологическое нормирование и паспортизация военных объектов;

– обеспечение экологической безопасности при эксплуатации вооружения, военной техники и военных объектов, в ходе подготовки и проведения хозяйственных работ, ликвидации и утилизации вооружения, военной техники, военных объектов;

– защита личного состава от экологически неблагоприятных факторов природного и антропогенного происхождения.

Управление мероприятиями по обеспечению экологической безопасности осуществляет экологическая служба Вооруженных Сил Российской Федерации. Ее основными задачами являются: комплексное управление и проведение единой военно-технической политики в области обеспечения экологической безопасности деятельности войск; формирование нормативной и правовой основы экологической безопасности войск; организация и обеспечение функционирования системы экологического контроля и др.

Особое значение придается выполнению мероприятий по обеспечению экологической безопасности при чрезвычайных ситуациях.

Под чрезвычайной ситуацией понимается обстановка, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которая может повлечь или повлекла за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Классификация чрезвычайных ситуаций проводится, как правило, по видам источников и по масштабу, тяжести последствий. По видам источников чрезвычайные ситуации подразделяются на техногенные, природные, экологические, биолого-социальные, военные, конфликтные, космические.

Чрезвычайные ситуации техногенного характера возникают в результате промышленных, социально-экономических, бытовых и других аварий и катастроф в различных областях деятельности человека. По характеру явлений и объектов возникновения аварий и катастроф их подразделяют на следующие основные группы: происходящие из-за аварий и катастроф на химически опасных объектах, радиационно-опасных объектах, пожаро- и взрывоопасных объектах, гидродинамически опасных объектах, транспорте, коммунально-энергетических сетях.

Чрезвычайные ситуации природного происхождения (ПЧС) в зависимости от вида явлений подразделяются на геологические (землетрясения, извержения вулканов, оползни, снежные лавины); метеорологические (ураганы, бури, смерчи, грозы); гидрологические (наводнения, заторы и зажоры льда в руслах рек, цунами на морских акваториях); ландшафтные пожары (лесные, торфяные, степные, полевые, подземные пожары горючих ископаемых) [3].

Чрезвычайные ситуации экологического характера (ЭЧС), строго говоря, являются следствием антропогенной деятельности и природных явлений. Экологические чрезвычайные ситуации в зависимости от сферы их возникновения подразделяются на группы: изменение состояния суши, изменение состояния атмосферы, гидросферы, биосферы.

Экологическое загрязнение окружающей среды, а, следовательно, ухудшение состояния здоровья людей, возникновение планетарных эффектов в биосфере в общем случае происходят по двум направлениям: в процессе обычной антропогенной деятельности людей в условиях невозмущенных природных явлений и при различных чрезвычайных ситуациях. Степень загрязнения окружающей среды при определенных условиях может достигнуть опасного для нее уровня. Непосредственными объектами экологического загрязнения являются почва, воздух и водные источники наземного и подземного вида. В конечном счете это приводит к глобальному загрязнению литосферы, атмосферы и гидросферы, что в пределе может вызвать изменение состояния всей биосферы.

В Вооруженных Силах Российской Федерации потенциальными источниками, загрязняющими окружающую природную среду, являются:

- военные объекты, вооружение и военная техника;
- внешние объекты в районе дислокации и их деятельность.

Наиболее опасными в экологическом отношении являются военные объекты повышенного риска, т. е. потенциально опасные военные объекты: радиационно опасные, химически опасные, взрывоопасные, пожароопасные. К подобного рода объектам относятся:

- надводные корабли и подводные лодки с ядерными установками на борту;
- полигоны испытаний ядерного оружия;
- склады и базы с элементами ядерного оружия;
- объекты химического производства;
- склады, базы и арсеналы различного рода боеприпасов, агрессивных жидкостей [2].

Основными мероприятиями по защите от экологически опасных факторов природного характера являются:

- сбор информации о потенциальных источниках опасных экологических воздействий на личный состав, вооружение, военную технику;
- планирование и выполнение мероприятий по экологической защите личного состава, вооружения и военной техники;
- прогнозирование последствий длительного воздействия экологически опасных факторов на личный состав, вооружение и военную технику;
- снижение воздействия экологически опасных факторов на личный состав, вооружение и военную технику, комплексное использование имеющихся технических средств и способов защиты.

Вооруженные Силы Российской Федерации должны тесно взаимодействовать при возникновении чрезвычайных ситуаций с органами гражданского управления, т. к. обеспечение экологической безопасности является важной государственной задачей.

В Российской Федерации создана Единая государственная система предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, которая объединяет органы управления, силы и средства пяти уровней исполнительной власти – подсистем: федеральной, региональной, территориальной, местной и объектовой. Возглавляет и координирует эту деятельность Министерство по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС). Силы и средства включают: войска Гражданской обороны – для решения задач в военное и мирное время; гражданские невоенизированные формирования на местном и объектовом уровне – для решения задач защиты от чрезвычайных ситуаций в мирное время.

В порядке взаимодействия к решению задач предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций могут привлекаться ведомственные силы и средства, в том числе от Министерства обороны. В каждом соединении должна быть создана своя система обеспечения экологической безопасности в условиях чрезвычайных ситуаций, которая предусматривает два этапа защиты войск: заблаговременную защиту и непосредственную защиту.

Заблаговременная защита от чрезвычайных ситуаций включает: мероприятия и способы обеспечения устойчивости и смягчения последствий воздействия возможных негативных факторов и мероприятия по своевременному их прогнозированию.

Непосредственная защита предполагает проведение упреждающих мероприятий по предупреждению и снижению ущерба от чрезвычайных ситуаций, включая мероприятия и способы ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций.

Этап заблаговременной защиты от экологических чрезвычайных ситуаций будет характеризоваться следующими особенностями:

во-первых, особое внимание должно уделяться выявлению, наблюдению и прогнозированию возможности возникновения техногенных, природных аварий и катастроф вблизи района дислокации войск, а также на объектах соединения, части; для этого оперативная группа соединения должна поддерживать устойчивое информационное взаимодействие с региональными и местными центрами и службами МЧС и экологическими службами;

во-вторых, целям защиты от экологических чрезвычайных ситуаций должны служить регулярные учения с подразделениями внештатных формирований по защите от чрезвычайных ситуаций;

в-третьих, необходимо ввести регулярный инструментальный контроль за экологической обстановкой и в случае ее резкого ухудшения срочно принимать меры по ограничению или ликвидации функционирования источников увеличения экологических нагрузок.

При угрозе или возникновении экологических чрезвычайных ситуаций особое внимание должно уделяться своевременному и надежному оповещению о факте чрезвычайной ситуации, всестороннему обеспечению жизнедеятельности в условиях радиоактивного, химического заражения и загазованности воздуха вредными веществами в зонах происшествий, зонах объектовых и ландшафтных пожаров, а также непрерывному контролю за изменением экологической обстановки в районе дислокации войск. В случае необходимости может проводиться эвакуация людей из зон опасной экологической обстановки.

При ликвидации последствий экологических чрезвычайных ситуаций в районе дислокации войск основные усилия направляются на локализацию и обеззараживание районов пролива компонентов ракетных топлив, горюче-смазочных веществ и других токсичных веществ; локализацию и тушение пожаров; контроль зараженности и очистку воды; проведение всестороннего медицинского обследования военнослужащих и населения военных городков, оказавшихся в зонах опасной экологической обстановки [4].

Проблема обеспечения экологической безопасности военной службы (в т. ч. при чрезвычайных ситуациях), снижения и устранения действия экологически опасных факторов остается

чрезвычайно актуальной для Вооруженных Сил Российской Федерации и требует самого серьезного внимания со стороны органов военного управления, командиров и начальников всех степеней.

Биографический список

1. Военная экология: учебник для высших военных учебных заведений / И.П. Айдаров, Б.Н. Алексеев, А.В. Бударягин и др. М.: Издательство «Русь-СВ», 2000.
2. Правила обеспечения экологической безопасности войсковой части – МО РФ, 1999.
3. Экология. Изд. 4-е, доп. – Ростов на Дону: изд-во «Феникс», 2003.
4. Экология и вооруженные конфликты: учебное пособие /А.Г. Климзов. – СПб.: ВАС, 2009. С. 96.

A.G. Klimzov, G.S. Kachan, I.V. Vinetkina

*Military Academy of Telecommunications named S.M. Budyonny
St. Petersburg*

*klimzovmed@yandex.ru
ka4an_genna@mail.ru
thebestviv2014@gmail.com*

F ECOLOGICAL SAFEFEATURES OFETY OF MILITARY SERVICE IN EMERGENCIES

The article discusses the theoretical basis of the resolution of problems of environmental safety in the Russian Federation at the present stage of the Armed Forces. The authors give a definition of environmental safety, considers the content of organizational and operational and technical measures aimed at ensuring environmental safety, it emphasizes their relevance. Of particular importance is the implementation of measures to ensure environmental safety in emergenciesituations. Classification of emergenciesituationsis carried out by type of sources and scale, the effects of gravity. Emergencies ecological character, as a rule, are the result of human activities and natural phenomena. Environmental security system in emergenciesituations should provide two stages of protection forces: a step in advance, and protect stage immediate protection. The authors reveal the contents of the selected stages. Management to ensure environmental safety in an environmentally service of the Armed Forces of Russian Federation. The great importance has the fact that the forces and means at the disposal of the Ministry of Defence, are integrated into the unified state system of prevention and liquidation of emergency situations. When emergencies Armed Forces of Russian Federation need to work closely with the civil administration.

Keywords: security, high-risk military targets, protection of personnel, environmental security, armed forces, emergency of ecological character.

УДК 32.321.01

М.А. Шапашев, Е.Р. Салханов

*Военный институт Национальной гвардии Республики Казахстан
Республика Казахстан, г. Петропавловск*

esalhanov@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В ПОГРАНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

В настоящей статье рассматриваются проблемы совершенствования межведомственного взаимодействия в условиях социально-политического конфликта в пограничном пространстве Республики Казахстан. Авторы подчеркивают, что в современных условиях существенно возрастает количество угроз и вызовов безопасному существованию и развитию Республики Казахстан. Существует серьезный потенциал возникновения конфликтов на территории Казахстана и в ряде сопредельных с Казахстаном стран. Это актуализирует весь комплекс проблем, связанных с организацией взаимодействия между Национальной гвардией Республики Казахстан, Пограничной службой Комитета национальной безопасности Республики Казахстан и Вооруженными силами Республики Казахстан. Авторами выявляются факторы, обуславливающие необходимость совместных действий ведомств. Позиция авторов публикации заключается в том, что межведомственное взаимодействие Национальной гвардии Республики Казахстан и Пограничной службы Комитета национальной безопасности Республики Казахстан должно носить непрерывный характер и осуществляться как на стратегическом, так и на оперативно-тактическом уровнях. В

статье выделяются основные направления подобного взаимодействия и констатируется то обстоятельство, что основой качественного ведомственного взаимодействия в пограничном пространстве в условиях возникновения социальных конфликтов выступает нормативно-правовая база, всесторонне раскрывающая деятельность ведомств в той или иной ситуации, а также высокая ответственность руководителей и начальников всех степеней по поддержанию этого взаимодействия.

Ключевые слова: Вооруженные силы, Комитет национальной безопасности, межведомственное взаимодействие, Национальная гвардия, пограничное пространство, Пограничная служба, Республика Казахстан, социально-политический конфликт, терроризм.

Анализ происходящих за последние десятилетия событий и явлений показал, что в современных условиях существенно возрастает угроза безопасному существованию и развитию человечества. При этом осуществление четкого ведомственного взаимодействия играет важную роль в решении ряда первоочередных задач, возникающих в пограничном пространстве Республики Казахстан. Причинами таких угроз являются: политические и социальные конфликты, террористические акты, стихийные бедствия, крупные технологические аварии и катастрофы, проявления инфекционных болезней среди людей, диких и домашних животных.

На основании оценки международной обстановки Н.А. Назарбаев среди долгосрочных целей государства в качестве приоритета номер один выделяет национальную безопасность, призванную обеспечивать развитие Казахстана как независимого суверенного государства при сохранении его полной территориальной целостности. В своем послании глава государства подчеркнул, что «последовательное включение Казахстана по мере его экономического роста в мировую экономику вольно или невольно может увлечь страну в непредсказуемый водоворот различных региональных конфликтов военно-политического, экономического и конфессионального характера» [1, 123].

Серьезный потенциал возникновения конфликтов на территории Казахстана обусловлен прежде всего угрозой терроризма, социальной обеспокоенностью населения на национальной, этнической и политической почвах, нестабильной общественной обстановкой в различных регионах страны.

В ряде сопредельных с Казахстаном стран (республиках бывшего СССР) также существуют политические, экономические, территориальные и иные противоречия, оказывающие непосредственное влияние на социально-политическую ситуацию в нашей стране.

Актуальность данной проблемы требует углубленного развития и изучения теории конфликтов, формулирования научно обоснованных выводов о характере совместных действий силовых ведомств с целью локализации социальных, вооруженных и невооруженных конфликтов.

Не вызывает сомнений и тот факт, что в настоящее время существует необходимость совершенствования военной теории с учетом национальных интересов Казахстана. Развитие современной Национальной гвардии и ее качественное совершенствование должно проводиться в общей системе мероприятий военного строительства, а практическое применение и правомерность действий должны опираться на результаты научных исследований. При этом нужно учитывать, что применение Национальной гвардии Республики Казахстан, Пограничной службы Комитета национальной безопасности Республики Казахстан и Вооруженных сил Республики Казахстан при разрешении социально-политических противоречий будет различным из-за существенных отличий в их структуре, специфике решаемых задач, а также форм и способов действий.

Отсутствие отечественных научных исследований по вопросам межведомственного взаимодействия, основам и закономерностям применения Национальной гвардии по периодам обострения конфликта, актуализирует необходимость развития теории конфликтологии, внедрения ее выводов в обязательную программу профессиональной подготовки офицеров органов управления, а вопросов ведомственного взаимодействия – в программу обучения курсантов военно-учебных заведений. Немаловажное значение имеет обучение военнослужащих Национальной гвардии Республики Казахстан юридическим основам действий в различных условиях обстановки.

Офицеры органов управления должны четко представлять и уметь определять основные направления деятельности по организации взаимодействия в условиях разрешения социально-политических противоречий с использованием военной силы, а также вырабатывать предложения и меры военного и невоенного характера по их предотвращению. Немаловажно представлять природу конфликтов, фазы их зарождения и развития.

В зависимости от причин и условий составными частями социально- политических конфликтов могут быть:

- межнациональные конфликты;
- массовые беспорядки;
- незаконные массовые пересечения государственной границы;
- терроризм, бандитизм и др.

Необходимость совместных действий ведомств при разрешении социально-политических конфликтов связано:

- с постоянным обострением социальных проблем, экономическим кризисом, ростом безработицы, и противоправной деятельностью в пограничном пространстве Казахстана;
- с появлением ряда общественно-политических движений и организаций, добивающихся своих целей радикальными методами;
- с выявлением граждан, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с экстремизмом и террористической деятельностью;
- с конфликтами на национально-этнической почве;
- с искусственным насаждением идей реакционных течений ислама с целью провоцирования межрелигиозных разногласий в Республике Казахстан;
- с притоком на территорию нашего государства беженцев из других государств;
- с конфликтами при делении пригодных для земледелия и скотоводства территорий с богатыми природными ресурсами.

Какие факторы снижают качество межведомственного сотрудничества, а порою приводят к ситуации его полного отсутствия? К ним можно отнести:

- несоответствие нормативно-правовой базы и планов совместного применения разном ведомственных сил;
- отсутствие четко регламентированных нормативных документов, определяющих организацию совместных действий и взаимодействия ведомств в условиях чрезвычайного положения;
- отсутствие единых (объединенных) систем управления и всестороннего обеспечения войск и взаимодействующих органов;
- отсутствие интегрированной системы прогнозирования и отслеживания военно-политической, стратегической и оперативной обстановки в различных регионах Республики Казахстан;
- отсутствие согласованного централизованного планирования действий Вооруженных сил и взаимодействующих сил для решения совместных и самостоятельных (ведомственных) задач;
- несогласованность ведомственных программно-уставных документов по подготовке войск и органов к совместным действиям в случае возникновения кризисных ситуаций;
- разобщенность инфраструктуры военной организации государства.

Совершенствование положительного опыта взаимного сотрудничества и отказ от неэффективных способов и методов организации взаимодействия является важнейшей задачей в сфере налаживания совместных действий между Национальной гвардией Республики Казахстан и Пограничной службой Комитета национальной безопасности Республики Казахстан.

Достижение этой задачи может быть максимально успешным при соблюдении следующих принципов и условий сотрудничества ведомств:

- непрерывности взаимодействия на всех уровнях;
- строгом соблюдении законности при выполнении служебных задач;
- ответственности в реализации совместных планов и взятых на себя обязательств;
- сосредоточении основных усилий на наиболее важных задачах государства и обеспечении национальной безопасности;
- четком распределении приоритетов, выборе координирующего ведомства (осуществляется в зависимости от стоящих перед государством задач и условий достижения максимальных результатов).

Непрерывное межведомственное взаимодействие Национальной гвардии Республики Казахстан и Пограничной службы Комитета национальной безопасности Республики Казахстан должно осуществляться как на стратегическом, так и на оперативно-тактическом уровнях.

В качестве основных направлений подобного взаимодействия можно выделить:

- взаимный обмен информацией;
- выработка и совершенствование уже существующих нормативно-правовых документов, относящихся к компетенциям Национальной гвардии Республики Казахстан и Пограничной службы Комитета национальной безопасности Республики Казахстан;
- расчет сил и средств, определение порядка взаимодействия при проведении совместных специальных операций и учений;
- совместные действия ведомств в условиях чрезвычайного положения в пограничном пространстве и осуществление всего спектра задач по поддержанию общественного порядка в случаях социально-политического конфликта;
- совместное поддержание режима государственной границы (пограничного режима);
- совместное выявление и пресечение каналов незаконного перемещения через государственную границу запрещенных товаров и контрабанды;

- сотрудничество и участие в международных мероприятиях борьбы с терроризмом, нелегальной миграцией, незаконным оборотом наркотических средств, оружия, радиоактивных веществ;
- проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий по преступлениям, отнесенным к компетенциям Министерства внутренних дел и Комитета национальной безопасности Республики Казахстан;
- обеспечение общественной безопасности при проведении массовых мероприятий;
- разработка планов и осуществление совместных действий при возникновении провокационных и конфликтных ситуаций в пограничной полосе и пограничной зоне;
- организация сотрудничества в процессе научно-исследовательской работы;
- обсуждение на совместных заседаниях острых и проблемных вопросов, касающихся деятельности Национальной гвардии Республики Казахстан и Пограничной службы Комитета национальной безопасности Республики Казахстан.

Взаимодействие Национальной гвардии Республики Казахстан и Пограничной службы Комитета национальной безопасности Республики Казахстан организуется на основе планов (схем) взаимодействия, разрабатываемых совместно соответствующими руководителями и начальниками данных ведомств.

Исходя из вышеизложенного, отметим, что основа качественного ведомственного взаимодействия Национальной гвардии Республики Казахстан и Пограничной службы Комитета национальной безопасности Республики Казахстан в пограничном пространстве в условиях возникновения социальных конфликтов зависит от правильно отработанных нормативно-правовых актов, всесторонне раскрывающих деятельность ведомств в той или иной ситуации, а также от степени ответственности руководителей и начальников всех степеней по поддержанию этого взаимодействия.

Библиографический список

1. Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Казахстан – 2030». Алматы: Білім баспасы, 1997. – С. 123.
2. Терентий Л.М. Угрозы безопасности Российской Федерации в пограничном пространстве как следствие влияния её геополитического положения: дисс. полит. наук. М., 2004.
3. Микрюков В.Ю. Теория взаимодействия войск. М.: «Вузовская книга», 2002.
4. Дутбаев Н.Н. Обеспечение национальной безопасности: международный опыт и реалии Казахстана: дисс... канд. полит. наук. Алматы, 2004.

M.A. Shapashev, E.R. Salkhanov

*Military Institute of the National Guard of the Republic of Kazakhstan
Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk*

esalhanov@mail.ru

MAIN AREAS OF IMPROVEMENT OF INTERAGENCY COOPERATION IN CONDITIONS OF SOCIAL AND POLITICAL CONFLICTS IN THE BORDER AREAS OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

This article discusses the problems of improving interagency cooperation in the context of social and political conflict in the border area of the Republic of Kazakhstan. The authors emphasize that in modern conditions significantly increases the number of threats and challenges to secure the existence and development of the Republic of Kazakhstan. There is a serious potential for conflict in the territory of Kazakhstan and a number of neighboring countries of Kazakhstan. This updates the whole range of problems associated with the organization of cooperation between the National Guard of the Republic of Kazakhstan, the Border Service of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan and the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan. The authors identified factors that contribute to the need for joint action agencies. Position of authors publishing is that interagency cooperation of the National Guard of the Republic of Kazakhstan and the Border Service of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan should be ongoing and take place at both the strategic and the operational and tactical levels. The article highlights the main directions of this cooperation and stated the fact that the basis of the qualitative institutional cooperation in the border area in the conditions of the emergence of social conflicts in favor of normative-legal base, fully reflects the activities of departments in a given situation, as well as the high responsibility of managers and supervisors at all levels for the maintenance of this interaction.

Keywords: Armed Forces, National Security Committee, interagency cooperation, National Guard, border area, Border Guard Service, Republic of Kazakhstan, social and political conflict, terrorism.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА

УДК 323

В.Ю. Балабушевич. А.И. Гурский

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

*vbalab@yandex.ru
angur@ngs.ru*

ХРИСТИАНСКАЯ ТЕОРИЯ «СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ»: ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются генезис и основное содержание христианской теории «справедливой войны», ее место в европейской средневековой военно-философской мысли и влияние как на развитие представлений о мире, войне и армии, так и на военно-политическую практику последующих исторических эпох. Христианская теория «справедливой войны» – одна из трех наиболее влиятельных точек зрения средневековой христианской мысли на проблему войны и мира (наряду с христианским пацифизмом и христианской теорией «священной войны», являющейся дальнейшим развитием теории «справедливой войны»). Христианская теория «справедливой войны» предполагает избирательное отношение к войнам и вооруженным конфликтам. Ее сторонники пытаются выработать определенные критерии деления войн на «справедливые» (которые следует поддерживать) и «несправедливые» (которые следует осуждать). В основании идеи «справедливой войны» находится положение о необходимости повиновения властям, установленным от Бога. Главная задача христианской концепции «справедливой войны» состоит в том, чтобы доказать, будто человек, взявшийся за оружие, освященное церковью, становится борцом против зла или того, что в его мнении или общественном мнении представлялось как зло. Война интерпретируется как средство борьбы против зла вообще в земной жизни. В рамках статьи рассматривается вклад в разработку теории «справедливой войны» ряда европейских мыслителей: Оригена, Амвросия Медиоланского, Августина Блаженного, Фомы Аквинского, Св. Раймонда из Пеннафорте, Пьера де Гро, кардинала Генриха из Суз.

Ключевые слова: армия, военно-философская мысль, война, мир, «священная война», «справедливая война», Средневековье, христианство, христианский пацифизм.

В современной идейно-политической борьбе по проблемам войны и мира оппоненты довольно часто апеллируют к теории «справедливой войны». Чтобы понять современные интерпретации вышеназванной теории, следует помнить о ее средневековых корнях. Концепция «справедливой войны» оформляется в рамках военно-философских идей Средних веков и эволюционирует в последующие исторические эпохи.

Методологические проблемы исследования военно-философских идей Средневековья

Специфика средневековой философии отразилась на трактовке ее представителями проблем войны и мира.

Рассматривая военно-философские взгляды мыслителей Средневековья, следует учитывать следующие моменты:

во-первых, на трактовку средневековыми философами военно-философских проблем мощное воздействие оказало господство религиозного мировоззрения в общественном сознании данной эпохи;

во-вторых, адекватное понимание военно-философских идей, сформулированных средневековыми мыслителями невозможно без осознания того обстоятельства, что в рассматриваемый период сложился союз между философией и богословием; произошло подчинение (прямое или косвенное) философского дискурса идеологическим целям церкви (недаром философию тогда называли «служанкой богословия»);

в-третьих, средневековые философы широко использовали военно-теоретическое наследие древних мыслителей, особенно идеи Платона и Аристотеля, интерпретировав их в приемлемом для религиозного мировоззрения духе;

в-четвертых, на взгляды конкретных мыслителей эпохи Средневековья по вопросам войны и мира существенное влияние оказывала их позиция по проблеме соотношения светской и духовной власти;

в-пятых, при рассмотрении военно-философских проблем широко практиковалась морально-этическая аргументация.

Даже беглое знакомство с военно-философскими воззрениями Средневековья позволяет обнаружить весьма широкий разброс высказанных точек зрения и позиций. Их диапазон колеблется от полнейшего отрицания войн и всяких форм социального насилия до ярко выраженной апологии вооруженного насилия.

Подобного рода противоречия вполне объяснимы. Поскольку основные философские проблемы рассматривались средневековыми мыслителями через призму религиозных писаний, именно в сакральных текстах и комментариях к ним искался ключ к пониманию таких феноменов как общество, социальное насилие, политика, мир, война, вооруженные конфликты, армия.

Давно замечено, что *авторы священных текстов крайне непоследовательны в вопросах войны и мира, а выступления теологов по этим проблемам весьма изменчивы*. Религиозные взгляды на войну во многом детерминированы конкретной экономической, социальной и политической ситуацией в обществе, отношением конфессий и религиозных объединений к политике, сложившейся системой религиозно-государственных отношений. Теологические интерпретации проблем войны и мира отражают (хотя и в специфической форме) реальные социально-политические позиции, ориентиры, интересы классов, социальных групп, политических элит. Именно поэтому позиция религии по отношению к войне во многом зависит от складывающейся политической ситуации и конкретной расстановки политических сил. Зависимость теологических интерпретаций войны от политической реальности вполне очевидна для историков философии.

Добавим к отмеченному выше, что философы, добываясь понимания религиозных текстов, обращались к различному гносеологическому «инструментарии». Так, в эпоху Средневековья для интерпретации библейских текстов европейские мыслители использовали буквалистический, аллегорический и мистический подходы [1, 37-41], что позволяло на базе одних и тех же фрагментов сакральных текстов приходиться к совершенно различным выводам.

Проблемы мира, войны и армии в европейской средневековой философии

Классическое античное общество – это общество рабовладельческое, насквозь пронизанное насилием. В нем не могло быть и речи о равенстве между эллинами и варварами, свободными гражданами и рабами. Сама постановка вопроса об этом казалась абсурдной, противоречащей закономерному ходу вещей. Социально-философская мысль античности, отражающая мировосприятие рабовладельцев и свободных греков, рассматривала войны в духе господствующих космологических представлений как события естественные и неизбежные.

Первоначальное христианство же четко провозгласило принципы равенства всех людей перед Богом, ненасилия и, естественно, расценило войны как деяния, несовместимые с духом Евангелий. Однако по мере того как статус христианства изменялся от религии «гонимой» к религии «терпимой» и далее – к религии «имперской», идея несовместимости войны с учением Христа все настойчивее оспаривалась.

Столь решительный поворот не может быть объяснен исключительно «божественной волей» или субъективными предпочтениями тех или иных христианских лидеров. Для понимания происшедшего следует выявить земную, социальную основу имевших место в системе христианского мировоззрения трансформаций.

Первоначальное христианство отличалось резким неприятием сложившихся в обществе норм жизни, верой в близкий сокрушительный слом существующего порядка, причем не человеческой, а божественной силой. Постепенно, однако, на первый план выдвигается искупительная жертва Христа как гарантия спасения людей, которое обеспечивается верой в эту жертву. Надежда на внешний, физически осязаемый катаклизм общества сменяется идеалом революции духа, незримо совершающейся в душах людей. Таким образом, «возвещенный Христом мир все более понимается как мир внутренний, духовный, вполне совместимый с социальными противоречиями, с жестокостью, насилием и, в конце концов, войнами» [7, 135].

К тому же с течением времени изменялся социальный состав приверженцев христианства. Раннее христианство являлось религией угнетенных низов, учением обездоленных и страждущих. Однако со временем очищенная от «грехов молодости» христианская доктрина оказалась вполне приемлема для господствующих классов, политической элиты. Поэтому и христианские интерпретации войн все в большей степени стали ориентироваться «не на миролюбивые упования масс, а на политические амбиции правящей верхушки» [7, 135].

В европейской средневековой философии сформировались два основных подхода к проблеме войны: *религиозно-нацифистский* и *апологетический*. Странники первого подхода обличали войну

как грех, а последователи второго стремились минимизировать этот грех, с одной стороны, и оправдать – с другой.

Апологетический подход представлен двумя основными концепциями: *христианской концепцией справедливой войны* и *христианской концепцией священной войны*.

Таким образом, в рамках средневековой философии обнаруживаются три наиболее влиятельных точки зрения на проблему войны и мира:

- 1) *христианский пацифизм*;
- 2) *христианская теория «справедливой войны»*;
- 3) *христианская теория «священной войны»*.

Естественно, что все предлагаемые христианством решения проблемы войны и мира подкрепляются авторитетом Священного Писания. Христианский пацифизм опирается на идеи первоначального (апостольского) христианства и соответствующим образом интерпретирует евангельские первоисточники. Апологетический взгляд на войну оформляется несколько позже – в период трансформации христианства в сторону организованной вселенской церкви и связан с несколько иным прочтением евангельских сюжетов.

В рамках настоящей статьи рассматривается лишь одна из трех выделенных нами точек зрения на проблему войны и мира – христианская теория «справедливой войны».

Сущность и содержание христианской теории «справедливой войны»

Христианская теория «справедливой войны» предполагает избирательное отношение к войнам и вооруженным конфликтам. Ее сторонники пытаются выработать определенные критерии деления войн на «справедливые» (которые следует поддерживать) и «несправедливые» (которые следует осуждать).

В основании идеи «справедливой войны» находится положение о необходимости повиновения властям, установленным от Бога. В связи с этим чаще всего цитируются слова апостола Павла из Послания к римлянам: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (*Рим. 13, 1*); «...начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое» (*Рим. 13, 4*). Очень важно в данной связи и знаменитое место в Евангелии от Марка: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (*Марк. 12, 16*). Наконец, идея «справедливой войны» может быть непосредственно выведена из высказывания Христа: «Возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (*Матф. 26, 52*), впрочем, эта же фраза часто используется и для обоснования пацифистских воззрений.

Главная задача христианской концепции «справедливой войны» состояла в том, чтобы доказать, будто человек, взявшийся за оружие, освященное церковью, становится борцом против зла или того, что в его мнении или общественном мнении представлялось как зло. Таким образом, война интерпретировалась как средство борьбы против зла вообще в земной жизни. Вся история человечества от Грехопадения до Искупления и Страшного Суда, равно как и история жизни отдельного человека, рассматривалась в качестве *великой духовной войны*. Земные войны и вызываемые ими несчастья – всего лишь бледное отражение этой величайшей схватки.

Некоторые историки христианства отмечают, что уже у *Оригена* (ок. 185 – ок. 254), являвшегося сторонником христианского пацифизма, можно обнаружить в эмбриональном виде идею «справедливой войны». Однако для ее полного обоснования в христианской святоотеческой литературе должны были сложиться соответствующие социальные предпосылки. Они возникли в IV в., благодаря превращению христианства в государственную религию Рима.

Амвросий Медиоланский (ок. 340-397) первым среди отцов церкви занялся обоснованием доктрины «справедливой войны». Непримирымый борец против язычников, решительный и волевой церковный организатор, миланский епископ Амвросий до начала карьеры священнослужителя был видным военным и никогда не разделял пацифистских взглядов. В трактате «О христианской вере» Амвросий пишет: «Как может Римское государство спастись от нападения?.. Не знаки и орлы должны вести армию в бой, но Твое имя и вера, о Иисус» (*Ambrosius Mediolanensis. De fidei Christiana. II. 16 // PL. T. XVI. Col. 587-590*). В другом своем труде «Об обязанностях духовенства» Амвросий приводит многочисленные примеры из Ветхого Завета, когда древние иудеи были вынуждены вести «справедливые войны» (*Ambrosius Mediolanensis. De officiis // PL. T. XVI. Col. 25-194*).

Амвросий, вслед за Цицероном, полагал, что есть два способа совершения несправедливости: первый – самому эту несправедливость совершать, второй – допускать, чтобы другие, совершающие несправедливость, оставались безнаказанными. Отсюда следовал вывод, что и войны бывают такие,

какие было бы несправедливо не вести. Право же определять, какая война праведная, а какая нет, то есть несправедливая, по мнению Амвросия, имела только церковь, являющаяся вместилищем и мерилем справедливости. Таким образом, церковь наделялась правом решать вопросы войны и мира, а на христианина возлагалась обязанность участвовать в войне, объявленной церковью справедливой.

В своем учении о войне Амвросий основной упор все-таки делает на проблеме сохранения мира, согласно закону справедливости. Если война, считал он, способствует восстановлению мира, то такая война справедлива. Справедлива, таким образом, война внешняя, ведущаяся во имя спасения отечества от варваров-агрессоров, справедлива и гражданская война, ведущаяся во имя спасения общества от «разбойников».

Оправдание войны при помощи ссылки на божественный промысел заходит у Амвросия так далеко, что он, по сути, приближается к идее «священной войны». Возможно, что таковая не получила окончательного оформления в его мировоззрении лишь потому, что не имела еще конкретно-исторической актуальности.

Наиболее полное выражение христианская концепция «справедливой войны» нашла в трудах самого крупного западного теолога периода патристики *Августина Блаженного* (354-430). Его даже называют «теологом войны».

Рассмотрим *основные военно-философские взгляды Августина Блаженного*:

1) Августин в трактате «О граде Божьем» представил христианскую концепцию истории. Вся мировая история, начиная с Каина и Авеля, являет собой картину борьбы двух градов – небесного и земного, Божьего и дьявольского: в основании одного града лежит «любовь к Богу, доходящая до ненависти к себе самому», в основании другого – «любовь к себе самому, доходящая до ненависти к Богу».

2) До тех пор пока длится история эти два града остаются переплетенными, перемешанными, сосуществующими, так что ни одно из существующих государств не может быть полностью отождествлено с градом Божьим. Они будут разделены лишь на Последнем Суде. Поэтому цели и задачи государства и христианства не всегда совпадают.

3) Августин выдвигает тезис, что конечной целью всяких действий является мир. Августин объясняет, что стремление к миру – в природе всех существ и что, если мы любим правильно, то есть «любя то, что следует любить», – а именно в этом состоит добродетель, – между людьми не будет конфликтов. Мир является целью всех политических действий. Он утверждает, что «мир является инстинктивной целью всех созданий, и даже предельной целью войны», «поскольку даже злые, когда начинают войну, поступают так, чтобы защитить мир своего народа».

4) Однако мир может быть справедливым или несправедливым. Человек, который «стремится навязать собратьям свое господство», ищет «мира несправедливости». Справедливый мир – это дар Божий. Он дорог людям, несмотря на их греховность.

5) Вечный мир признается Августином идеалом христианства, высшим благом «града божьего». Однако он в то же время считал, что поскольку в мире существует зло, человеческий грех и несправедливость, вечный мир для людей не возможен. Вечный мир возможен только в «граде небесном», где царят спокойствие и порядок. Блага этого мира распространяются лишь на христианские государства.

6) Христиане своей деятельностью должны способствовать Богу в утверждении справедливого мира. Инструментом утверждения справедливого мира может выступать справедливая война. Соответственно несправедливая война способствует установлению несправедливого мира.

7) Впервые в христианской литературе Августин вводит разделение войн на справедливые и несправедливые. Война справедлива, по мнению Августина, если она соответствует божественному замыслу, воле Бога, его законам и предписаниям. Справедливая война, по Августину, – это война в защиту церкви и веры. Таким образом, мыслитель вводит религиозный критерий определения социального характера войны [3; 4; 8; 9, 11-12].

Законченную форму доктрина «справедливой войны» обретает в XIII в. Существенный вклад в ее дальнейшее обоснование внес крупнейший западноевропейский теолог и философ периода схоластики Фома Аквинский (1225/26-1274):

1) Согласно взглядам Фомы Аквинского, изложенным в его фундаментальном труде «Сумма теологии», войны, как и у Августина Блаженного, делятся на справедливые и несправедливые.

2) По мнению Аквината, имеется три главных критерия, обращаясь к которым можно определить, какая война справедлива, а какая – нет: *во-первых*, это – *объявление войны компетентной и авторитетной инстанцией* (высокими государственными инстанциями, «законной властью»; *во-вторых*, – это *справедливый характер причин, приведших к войне*; и, *в-третьих*, – это *благонамеренность* стороны, претендующей на справедливость «своей» войны (что предполагает законность целей войны и средств ее ведения). Среди перечисленных критериев последний

представляет особый интерес, поскольку благонамеренность определяется католическим мыслителем как направленность действия на «осуществление добра или недопущение зла», что в определенных условиях можно рассматривать как оправдание войн, ведущихся во имя торжества определенных идеологических или религиозных систем ценностей [2; 6, 29].

Интересные детали доктрины «справедливой войны» обнаруживаются в творениях почитаемого католика Св. Раймонда из Пеннафорте (1180-1275), который отвел ей место в своей «Сумме случаев» («Summa casibus»): «Отмечено, чтобы война считалась справедливой, требуются пять условий: лицо (persona), объект (res), причина (causa), дух (animus) и власть (auctoritas). Лицо: пусть это будет светское лицо, которому дозволено проливать кровь, а не духовное, которому это запрещено, кроме случая настоятельной необходимости. Объект: пусть это будет защита достоинства или родины. Причина: пусть война будет начата по необходимости, чтобы в результате сражений был добыт мир. Дух: пусть ни чувство ненависти, ни желание отомстить не воодушевляют воюющих. Власть: пусть война будет объявлена именем церкви, в первую очередь, если предстоит сражаться за веру, или именем принца. Если же какое-либо из этих условий не будет соблюдено, пусть война будет объявлена несправедливой» [5].

На протяжении всего средневековья представление о справедливой войне подвергается лишь незначительным изменениям.

Так, Пьер де Гро в трактате «Сад благородных» воспроизвел все критерии, присутствовавшие в произведении Св. Раймонда, кроме, быть может, «лица». Причина этого кроется, очевидно, в том, что в беспокойные XIV-XV вв. клирики частенько вовлекались в политические междоусобицы без необходимости, которую можно было бы счесть настоятельной.

Кроме того, понятие «справедливой войны» послужило для кардинала Генриха из Суз основанием для определения семи типов войн, четыре из которых являются справедливыми и дозволенными, а три – несправедливыми и недозволенными, прежде всего для властей, которые их объявляют. Эта классификация находится в его трактате «Золотая сумма» («Summa aurea»).

К справедливым и дозволенным войнам трактат относит:

1) войну, которую верующие ведут с неверными (т. н. «римская война»), «...эта война – справедливая, и я называю ее римской, ибо Рим есть голова и прародительница нашей веры»;

2) войну, которую верующие, подвластные законному государю, ведут против верующих, которые «не являются в полной мере врагами, но мятежниками или уклоняющимися» (т. н. «судебная война»);

3) войну, ведущуюся властями, имеющими на это законное право, и в законных формах;

4) войну против «войны своевольной», иными словами, противостояние агрессору, поскольку «всегда дозволяется встречать силу силой».

В качестве несправедливых и недозволенных войн Генрих из Суз выделяет:

1) войну, которую ведут верующие против законной власти, став на путь мятежа (эта война называется «войной надменной»);

2) войну, в которую вступают христиане друг с другом по одному своему авторитету без санкции авторитета, имеющего на то право («война своевольная», по терминологии автора);

3) войну, в которой христиане сражаются против властей, ведущих с ними законную войну (ее Генрих из Суз характеризует как «войну безрассудную»).

Разработка принципов «справедливой войны» встречается и в других произведениях общественной мысли позднего средневековья.

Значение христианской теории «справедливой войны» для жизни общества и развития военно-философской мысли

Теория «справедливой войны» оказала значительное влияние как на развитие военно-философской мысли, так и на военно-политическую практику.

Во-первых, в результате разработки, развития и распространения доктрины «справедливой войны» общество получило возможность разрешить противоречия между традиционными (апостольскими) христианскими ценностями и реалиями средневекового общества, между общественным идеалом мира, справедливости и насилием, жестокостью, пронизывающими общественную жизнь.

Во-вторых, в рамках концепции «справедливой войны» оформляется исторический взгляд на войну как один из этапов становления отношений между людьми.

В-третьих, в том обстоятельстве, что и в средние века люди продолжали убивать друг друга, можно усмотреть крах «умиротворительной» концепции церкви и переход к теории «позитивного» насилия.

В-четвертых, в рамках теории «справедливой войны» были сформулированы нормы, обуславливающие применение силы, были заложены основания такой этики и такого права, которые, не упраздняя войны, становились препятствием и осуждением насилия над слабым, безоружным, подчиняли саму войну задачам высшего духовного порядка.

В-пятых, разработка теории «справедливой войны» означала появление, впервые в человеческой истории, возможности удержания вооруженных столкновений в пределах определенных «правил»; лишь в послесредневековую эпоху становления индустриального общества конечной целью войны провозглашается победа, и тогда «на войне становится все дозволенным».

В-шестых, дальнейшим развитием теории «справедливой войны» стала теория «священной войны» (иногда ее называют теорией «крестового похода»).

Библиографический список

1. Балабушевич В.Ю. Библиейские тексты в вопросах и ответах (в помощь изучающим курсы философии, религиоведения и культурологи). Новосибирск: НВОКУ, 1995.
2. Дмитриев Т. Насилие и мораль: европейская традиция // Политический журнал. 2007. № 7-8.
3. Кардини Ф. История средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987.
4. Кернс Эрл. Е. Дорогами христианства. История Церкви. М.: Протестант, 1992.
5. Кокс В. Теория справедливой войны [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.logon.org/>; <http://www.ccg.org/>.
6. Кондратов Т.Р. Идеология. Политика. Война: Критика буржуазных, реформистских и ревизионистских концепций. М.: Воениздат, 1983.
7. Митрохин Л.Н. Философия религии: (опыт истолкования Марковского наследия). М.: Республика, 1993.
8. Флори Ж. Идеология меча. Предистория рыцарства. СПб.: Евразия, 1999.
9. Хехсманн Х. Августин Блаженный о мире // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «ДИАЛОГ». М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003.

V.Y. Balabushevich, A.I. Gurskiy

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

*vbalab@yandex.ru
angur@ngs.ru*

CHRISTIAN THEORY OF «JUST WAR»: PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS

This article discusses the genesis and the main content of the Christian theory of “just war”, its place in the European medieval military-philosophical thought and influence on the development of ideas about the world war and the army, and the military-political practice of subsequent eras. Christian theory of “just war” is one of the three most influential perspectives of medieval Christian thought on the issue of war and peace (along with Christian pacifism and the Christian theory of the “holy war”, which is a further development of the “just war” theory). Christian theory of “just war” implies selective attitude to wars and armed conflicts. Her supporters are trying to establish certain criteria for dividing the wars in the “just” (which should be kept) and “unjust” (which should be condemned). The basis of the idea of “just war” is a provision on the need for obedience to the authorities established by God. The main task of the Christian concept of “just war” is to prove that the person who has taken up arms, consecrated the church becomes a fighter against evil, or the fact that in its opinion or public opinion was seen as evil. The war is interpreted as a means to fight against evil in all life on earth. As part of the article examines the contribution to the development of the theory of “just war” by some European thinkers: Origen, Ambrose, Augustine, Thomas Aquinas, St. Raymond of Pennaforte, Pierre de Gros, Cardinal Henry of Susa.

Keywords: army, military and philosophical thought, war, peace, “holy war”, “just war”, Middle Ages, Christianity, Christian pacifism.

Н.И. Гомель, М.В. Неверко

Военная академия Республики Беларусь
Республика Беларусь, г. Минск

mar77811082@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ СОЗНАНИЕМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются вопросы манипулирования общественным сознанием в условиях деструктивного информационного воздействия в интересах решения задач информационно-психологического противоборства. Авторы выявляют существенные особенности манипулятивного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание, сосредоточивая особое внимание на специфике манипулирования сознанием военнослужащих в целях его изменения в направлении, выгодном манипулятору. Материалы статьи дают возможность познакомиться с теоретическим обоснованием современных техник манипулирования. Раскрывается алгоритм манипуляции, читатель имеет возможность на конкретных примерах познакомиться с содержанием основных этапов процесса манипуляции. Авторская позиция заключается в том, что манипулирование сознанием возможно только благодаря контролю над информацией и коммуникацией, которые определяют установки, представления, правила и образцы человеческой деятельности. Манипуляция, как правило, нацелена на то, чтобы заставить большинство (или меньшинство) участвовать (или не участвовать) в определенных социальных процессах. Она выступает в качестве одного из основных средств социального контроля и базируется на жестком использовании информационного аппарата и аппарата формирования идей. Манипулирование связано с целенаправленным искажением информации. В статье рассматриваются наиболее эффективные способы преобразования информации. Военнослужащие Вооруженных Сил Республики Беларусь, являясь неотъемлемой частью общества, также подвержены деструктивному воздействию. При этом в условиях политической нестабильности или нарастания военной угрозы именно военнослужащие будут представлять собой наиболее важный объект информационно-психологического воздействия. В связи с этим авторы выделяют наиболее эффективные приемы противодействия манипулированию сознанием. На первый план выдвигаются критический анализ поступающей информации, организация получения информации из разных источников, эффективная информационно-пропагандистская и контрпропагандистская деятельность, проводимая со всеми категориями личного состава Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Ключевые слова: алгоритм манипуляции, деструктивное информационно-психологическое воздействие, информация, идеологическая подготовка, информирование, национальная безопасность, манипулирование, эффективность манипулятивного воздействия.

Одна из главных задач современного государства – обеспечение информационной безопасности личности, которая характеризуется защищенностью ее психики и сознания от негативных информационных воздействий: манипулирования, дезинформации.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь отмечается, что одним из основных национальных интересов в информационной сфере является реализация конституционных прав граждан на получение и распространение полной, достоверной и своевременной информации, а среди основных угроз национальной безопасности названо «деструктивное информационное воздействие на личность, общество и государственные институты, наносящее ущерб национальным интересам» [8, 10].

Вполне очевидно, что информационное воздействие на человека осуществляется не только государственными средствами массовой информации и официальным электронным ресурсом, но и внешними каналами информационного воздействия, оказывающими зачастую деструктивное воздействие на индивидуальное и общественное сознание.

Постоянный рост влияния информационной сферы характерен для современного этапа развития общества. *Сформировалась зависимость национальной безопасности государств от обеспечения развития ее информационной сферы, которая будет постоянно возрастать по мере развития информационных технологий и процесса глобализации* [3, 115–131].

Военнослужащие Вооруженных Сил Республики Беларусь, являясь неотъемлемой частью общества, также подвержены деструктивному воздействию. При этом в условиях политической нестабильности или нарастания военной угрозы именно военнослужащие будут представлять собой наиболее важный объект информационно-психологического воздействия.

Целью данной статьи является выявление особенностей манипулирования сознанием в условиях деструктивного информационно-психологического воздействия, а также особенностей применения

манипулятивных техник к такой специфической категории, как военнослужащие. Авторами рассматриваются наиболее эффективные приемы противодействия манипулированию сознанием.

Анализ технологий манипулирования общественным сознанием предполагает необходимость определиться с самим понятием «манипулирование сознанием». Оксфордский словарь английского языка трактует социальную манипуляцию как *«акт влияния на людей или управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка»*.

Наиболее часто выделяют четыре характерные особенности манипуляции:

во-первых, манипуляция – программирование мнений и устремлений масс, их настроений и даже психического состояния с целью обеспечить такое их поведение, которое нужно тем, кто владеет средствами манипуляции;

во-вторых, манипуляция – это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции;

в-третьих, манипуляция – это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний;

в-четвертых, к людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам.

Факт манипулятивного воздействия на личность можно считать состоявшимся, если человек под воздействием полученных сигналов перестраивает свои воззрения, мнения, настроения, цели – и начинает действовать по новой программе. *Манипуляция – это не насилие, а соблазн* [10].

В контексте данной статьи нас интересуют вопросы манипулирования сознанием военнослужащих, в целях его изменения в направлении выгодном манипулятору. Необходимым условием манипуляции служит присутствие *образа врага*, организующего толпу как целое. Легендарный крик толпы: «Распни Его!» – служит древнейшим свидетельством формирования управляемой толпы на основе религиозных установок и яркого образа врага.

Как доказывает опыт «цветных революций» и «арабской весны», формирование управляемой толпы посредством серии манипуляций становится ключевым инструментом процесса легитимизации и делегитимизации властных институтов в современном мире. Этот же опыт свидетельствует и том, что вооруженные силы и другие силовые структуры государства становятся первоочередными объектами манипулятивного воздействия. Показателен в этой связи пример проведения психологической операции, проводимой США против иракской армии. Была организована широкомасштабная адресная психологическая операция против командования и военнослужащих вооруженных сил Ирака с целью убедить их отказаться от участия в боевых действиях против войск коалиции и не подчиняться приказам на применение оружия массового уничтожения. Так, в одном из подобных сообщений говорилось: «Если Вы будете участвовать в боевом применении оружия массового поражения, то Ваши действия будут рассматриваться как военное преступление. Если Вы можете воспрепятствовать использованию оружия массового поражения, сделайте это» [5].

Убедительным свидетельством успешного манипулятивного воздействия являются и события, происходящие на Украине. Спекуляции на религиозно-этнической и национальной почве, создание «образа врага» в лице Российской Федерации позволяют осуществлять эффективное манипулятивное воздействие на значительную часть населения и военнослужащих Вооруженных Сил Украины. Отличительной особенностью данного воздействия является то, что оно осуществляется официальным, государственным информационным ресурсом, подконтрольным олигархическому капиталу и западным политтехнологам.

Теоретическое обоснование техник манипулирования имеет давнюю историю и основывается на древнегреческом понятии «стратагема» как военной хитрости, уловке, призванной ввести противника в заблуждение и добиться победы, не прибегая к сражению. Данное понятие использовалось древнегреческими историками Геродотом и Ксенофонтом (трактат «О командовании конницей»), а также древнеримским автором Секстом Фронтинумом («Стратагемы»).

Ядро манипуляции: скрытое сообщение, команда объекту, призванная изменить его поведение, – это, прежде всего, высококачественный интеллектуальный продукт, призванный обойти защитные психологические барьеры, встроиться в систему, получив контроль над ее деятельностью в заданном сегменте. Аналогией здесь может служить деятельность вируса в клеточном организме.

Алгоритм манипуляции включает в себя несколько основных этапов:

1) Анализ культурно-психологических особенностей целевой аудитории или ключевого информатора, составление культурно-психологического *портрета* целевой аудитории. Используются различные опросы, фокус-группы и глубинные интервью с представителями целевых групп при участии аналитиков и военных психологов.

2) Построение в СМИ виртуальной картинке заданного события, совместимой с психологическими установками и картиной мира целевой аудитории и выводящей ее на нужную модель поведения в рамках целевого ориентира манипуляции. Сегодня виртуальная картинка формируется с

использованием передовых компьютерных технологий и достижений кинематографии, что, как отмечают исследователи, делает ее в массовом восприятии более реальной и яркой, чем подлинная реальность.

3) Планирование реального события, имеющего символическое значение и служащего пусковым механизмом, вынуждающим целевую аудиторию поверить в реальность заданной извне виртуальной картинки и действовать в соответствии с ней.

4) Контроль над СМИ: управление информационными фильтрами, призванное синхронизировать в СМИ информационные потоки и закрепить положительные результаты манипуляции.

5) Важным элементом манипуляции служит планирование отвлекающих и шоковых событий для *отключения* способности критически мыслить, повышения уровня внушаемости целевой аудитории, превращения ее в толпу, руководимую *стадным инстинктом* и управляемую извне.

Если основной целью классической войны служит физическое уничтожение врага, то целью информационной войны, ведущейся посредством различных манипулятивных технологий, служит уничтожение врага в духовном аспекте посредством разрушения его ценностей, а также смыслового контекста, в котором эти ценности укоренены. Необходимым элементом здесь служит манипуляция исторической памятью: девальвация в массовом сознании исторических событий, имеющих символическое значение и объединяющих людей в социально-культурную общность. Примеров могут служить попытки девальвации значимости победы СССР в Великой Отечественной войне и его роли в достижении победы над фашизмом во Второй мировой войне.

Манипулирование сознанием возможно только благодаря контролю над информацией и коммуникацией, которые определяют установки, представления, правила и образцы человеческой деятельности.

Манипуляция, как правило, нацелена на то, чтобы заставить большинство (или меньшинство) участвовать (или не участвовать) в определенных социальных процессах. Она есть одно из основных средств социального контроля и базируется, прежде всего, на жестком использовании информационного аппарата и аппарата формирования идей. Информация сегодня – это источник реальной силы, поэтому тот, «кто владеет информацией, владеет всем».

Манипулирование связано с целенаправленным искажением информации. При этом особую роль играет символизация информации, которая напрямую связана с созданием «воображаемых миров».

В передаваемой манипулятором информации особое значение имеет кодирование, которое может рассматриваться как одновременный «акт придания формы и соблюдения формальностей». Объективация информации совершается с помощью кодификации и обеспечивает, по сути, возможность «контроля личности». Кодификация информации – это ее структурирование, изменение ее статуса, создание информационных схем. Все это дает возможность вкладывать в сознание людей то, что нужно иметь в сознании до понимания его содержательного компонента.

Целенаправленное преобразование информации может осуществляться несколькими способами:

1) *искажение информации* (от открытой лжи до смещения понятия по семантическому полю); - *утаивание информации* (сокрытие, умалчивание, избирательная подача материала);

2) *манипулирование со способом подачи материала* (сообщение должно быть воспринято необходимым отправителем образом);

3) *манипулирование со временем подачи информации* (порядок подачи сведений, время их озвучивания и обсуждения непосредственно влияют на оценку и усвоение информации);

4) *подпороговая подача информации* (связана с учетом особенностей информационной рецепции, которые не осознаются коммуникаторами и формируются на дорефлексивном уровне);

5) *перегрузка адресатов сведениями, отобранными по какому-либо параметру* (что преследует цель заставить адресата отказаться от предоставляемой информации); часто с этим связано формирование (скрытое, естественно) у адресатов убеждения в том, что информация им, якобы, не нужна или она для них крайне опасна [10].

Манипуляция – это всегда сокрытие воздействия, когда скрывается как оно само, так и его результаты, а также намерения манипулятора.

Сокрытие воздействия может осуществляться благодаря:

– направленному созданию «мифа», «легенды», при помощи которых затушевывается цель и факт воздействия;

– использованию специально организованных ритуалов, процедур, маскирующих информацию, под них зашифрованную;

– использованию техники «наивной искренности», «естественной спонтанности».

Само воздействие возможно тогда, когда эффективно определены *мишени воздействия* (механизмы, с помощью которых оно осуществляется). К ним можно отнести: упор на низменные чувства и агрессивные реакции и устремления; возбуждение чувства собственности, обладания, враждебного отношения к «чужим» и «непохожим»; возбуждение потребности в признании, в

безопасности, в чувстве общности. При этом существует закон: *чем шире аудитория, на которую необходимо оказать воздействие, тем универсальнее должны быть используемые мишени.*

Заставить объект признать неполноценность и ущербность своих собственных ценностей и представлений на фоне показательной яркости и привлекательности ценностей врага – цель манипулятивной программы.

Рассмотрим пример реализации алгоритма манипуляции сознанием на фоне известных событий, связанных с посадкой самолета Матиаса Руста на Красной площади в Москве в 1987 г.

Целевая аудитория: ключевой информатор М. Горбачев.

Виртуальная картинка, созданная в СМИ: распад и деградация системы ПВО – символа военной мощи СССР. Беспомощность, неспособность высшего военного руководства страны выполнять свои функции.

Целевой ориентир: дискредитация и отставка высшего военного руководства; дискредитация СССР как могущественной военной державы; девальвация образа Советской Армии в массовом сознании.

Символическое событие: беспрепятственный пролет легкомоторного самолета через всю территорию страны и посадка его на Красной площади в Москве.

Управление информационными потоками: синхронный поток публикаций, направленных на дискредитацию Советской Армии, несмотря на то, что полет Руста был зафиксирован советскими ПВО на границе СССР, но в силу психологического комплекса, сформировавшегося по поводу сбитого в 1984 г. корейского пассажирского Боинга 007 команды на уничтожение самолета Руста не поступило.

Целевой ориентир манипуляции был достигнут: освобождены от занимаемых должностей министр обороны, начальник Генерального штаба, главком ПВО и многие другие военные руководители, а ряд высших военных чиновников получил взыскания. Имидж СССР как могущественной военной державы получил сильнейший удар. И это притом, что полет М. Руста, будучи уголовным правонарушением, не представлял реальной военной угрозы и поэтому не имел значения в качестве критерия оценки эффективности ПВО и обороноспособности страны в целом. Эффективность данной модели манипуляции способствовала появлению ее успешных или менее успешных ремейков. Достаточно вспомнить как неудавшиеся попытки пролета в воздушное пространство Республики Беларусь, так и провокационную историю с разбрасыванием плюшевых «мишек» над ее территорией.

Организация условий манипуляции связана с контролем за внешними переменными взаимодействия: физическим окружением, культурными и социальными контактами.

Физические условия предполагают выбор места воздействия (или его специальную организацию) и сенсорный комплекс, с ним связанный.

Культурный фон включает учет особенностей ситуации общения, определяемых культурными источниками, традициями, языком, нормами, стереотипами восприятия и стратегиями вынесения суждений, системой предрассудков и т. п.

Социальный контекст предполагает учет совокупности переменных общения как реальных, так и условных на макро- и микросоциальном уровнях.

Условием успешной манипуляции является то обстоятельство, что в подавляющем большинстве случаев преобладающее большинство граждан служит пассивным объектом информационного воздействия: не тратит ни душевных и умственных сил, ни времени на то, чтобы усомниться в получаемой информации.

Всякая манипуляция сознанием есть взаимодействие. Жертвой манипуляции человек может стать лишь в том случае, если он выступает как соавтор, соучастник. Проводятся мобилизационные кампании в социальных сетях, служащие одним из основных элементов информационного воздействия на массовое сознание. Точный расчет темы и выбор ключевых информаторов приводит к тому, что информационная кампания переходит в автокогерентный режим с волнообразным расширением массовой аудитории. Так, например, после террористического акта, совершенного в Минске на станции метро «Октябрьская», через социальные сети активно распространялись слухи о взрывах в общественном транспорте с целью дестабилизации общественной обстановки.

При рассмотрении вопросов манипулирования массовым сознанием необходимо выделить субъекты и объекты манипуляции.

Субъект манипулирования – лицо или группа лиц, в интересах которых осуществляется манипулирование. Как правило субъекты манипулирования составляют от 1 до 3 % населения. К ним примыкают до 20 % «информированной» аудитории, владеющей верной интерпретацией сведений и понимающей, что происходит. Именно из этой аудитории рекрутируются медиаторы, группы давления и поддержки, люди, оказывающие обратное влияние на субъектов манипулирования.

Субъекты манипулирования, прежде всего, должны прекрасно владеть формами вербального воздействия, они должны обладать энергией, волей, амбивалентными моральными установками,

фанатизмом, целеустремленностью, верой в себя, установкой на незаменимость. Наиболее прочную базу субъектов манипуляции составляют некомпетентность и малообразованность массы, ее установки на моральное, практически-политическое оправдание деятельности «субъектов», ее неспособность самостоятельно решать вопросы своего существования.

Объекты манипуляции – ведомое большинство. Человеку все труднее становится разбираться в происходящем. Знанию он предпочитает его облегченную интерпретацию, утрачивая системный образ действительности. Поэтому порой осознание социально-политической жизни резко понижается. Это сопряжено как с желанием «вручить себя другому», так и с культом вождя, с его идеализацией и символизацией. Следует особо подчеркнуть, что в современном обществе, по данным большинства социологических опросов, только 60 % людей интересуются политикой, а 25 % вообще аполитичны. Поэтому манипуляция достигает наибольшей эффективности тогда, когда она имеет не ярко выраженную политическую окраску, а ориентируется на нарочито заземленные повседневные интересы масс, с чем связан успех популистских методов воздействия.

Возникает как бы двойная, двухуровневая система коммуникации, цели которой в зависимости от адресатов информации принципиально различные. Массовая коммуникация при этом нацелена на тиражирование психологических и социальных клише, на репродукцию господствующих в обществе идеологий и культур. Разрыв между уровнями «господина» и «раба» в массовом масштабе культивирует недопонимание, неравенство, несправедливость.

Разница есть и в характере передаваемых сообщений. Для развитых стран свойственна акцентировка достоинств общества и конструктивный анализ недостатков при увеличении объема информации «катастрофического» и социально-развлекательного характера. В странах «третьего мира» превалирует развлекательно-оптимистическая информация. Если же акцент делается на негативе, это быстро ведет к возрастанию пессимистических, деструктивных настроений в обществе. *Исследование объекта манипуляции позволяет говорить о том, что успех воздействия во многом определяется не характером информации, манерой ее подачи и средствами распространения, а качествами самого объекта.* Как правило объект обладает уже сформировавшимися системами предпочтений, установок, социальным опытом и картиной мира. Он подсознательно ждет подтверждения силы и легитимности своих взглядов, их значимости и важности. Поэтому обычно отвергает все, что им противоречит: люди склонны интерпретировать информацию в привычных «координатах», ценностных иерархиях и искать ее там, где она подается в соответствии с их представлениями, убеждениями и верованиями. Информация, которая этому не соответствует, объектом манипуляции игнорируется, забывается, сублимируется. Поэтому подача новых сведений должна осуществляться в привычной информативной форме, учитывая особенности когнитивных и социокультурных «фильтров», избирательность восприятия и его инерционные механизмы.

Эффективность манипуляции связана с выработкой умения у объектов самостоятельно интерпретировать информацию соответствующим образом в нужном направлении. Поэтому главная задача субъекта манипуляции – верное, адекватное понимание объекта воздействия, поиск оптимальных механизмов «вписывания», внедрения в его когнитивные схемы. Отсюда следует важный вывод: *убеждают не слова, а внешние «приметы-коммуникаторы», соответствие стереотипам и ожиданиям конкретных групп объектов.*

Как правило используются две модели манипулирования: «психическая» и «рациональная».

«Психическая модель» использует автоматические реакции индивида, группы на те или иные психологические стимулы. Сущность манипулирования связана с отбором стимулов, вызывающих необходимую реакцию.

«Рациональная модель» связана с осмысленным и хорошо продуманным обманом. Эта модель сопряжена с использованием ряда приемов:

- сокращение и дозирование доступной информации;
- использование секретности, т. е. преднамеренное утаивание информации;
- активизация пропаганды, тенденциозной информации;
- информационная перегрузка, купирующая возможность адекватно усвоить и верно оценить представляемые сведения, что толкает людей к использованию только официальных вариантов.

Методов манипуляции сознанием, используемых в средствах массовой информации, довольно много, но чаще всего выделяются следующие:

- 1) использование внушения;
- 2) перенос частного факта в сферу общего, в систему;
- 3) использование слухов, домыслов, толкований в неясной политической или социальной ситуации;
- 4) метод под названием «нужны трупы»;
- 5) метод «страшилок»:

- б) замалчивание одних фактов и выпячивание других;
- 7) метод фрагментации;
- 8) многократные повторы или «метод Геббельса»;
- 9) метод абсолютной лжи: «чем чудовищнее ложь, тем легче в нее верят» (Геббельс);
- 10) создание лжесобытий, мистификация;
- 11) подмена фактов красивыми лозунгами: например, «Свобода! Равенство! Братство!»;
- 12) Метод диссонанса: продвижение альтернативных фактов, ценностей и представлений, разрушающих механизмы трансляции исторической памяти, общие символы и ценности целевой группы [1].

Вышеперечисленные приемы широко используются в практике ангажированных СМИ, активно участвующих в процессах информационно-психологического воздействия, организуемых с целью доминирования в информационном пространстве, оказания деструктивного воздействия на широкие слои населения и отдельные социальные группы. В этой связи важнейшее значение приобретает проведение таких направлений идеологической работы, как информационная и контрпропагандистская деятельность [12].

При рассмотрении проблем манипулятивного воздействия необходимо обратить особое внимание на вопросы организации противодействия деструктивному информационному воздействию. Анализ организации и проведения идеологической работы с личным составом позволяет сделать вывод о том, что одной из основных форм противодействия манипуляции личностью является *критический анализ поступающей информации, организация получения информации из разных источников*.

Современная психолого-педагогическая литература [1; 4; 11; 13; 14], практика идеологической работы в войсках позволяют выделить наиболее эффективные направления информационно-пропагандистской работы, проводимой с личным составом Вооруженных Сил Республики Беларусь в целях эффективного противодействия деструктивному информационно-психологическому воздействию. Таковыми являются: информирование и идеологическая подготовка. Однако следует учитывать, что для достижения положительных результатов при проведении информирования либо идеологической подготовки необходимо ставить своей целью: повышение уровня компетентности; критичность восприятия; формирование научного образа мышления.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1) Эффективность манипулятивного воздействия на общественное сознание находится в прямой зависимости от уровня внутригосударственной общественной стабильности, степени поддержки широкими слоями общественности государственной политики во всех сферах государственной жизнедеятельности.

2) Деструктивное информационно-психологическое воздействие приносит положительный результат лишь в том случае, если когнитивный диссонанс в общественном сознании базируется на явных недостатках, ошибках и провалах органов государственного управления. Экономический и социально-политический кризис в обществе, резкое расслоение в уровне доходов населения, слабость и неэффективность государственных институтов власти – все эти факторы существенно упрощают манипулятивное воздействие.

3) Главным и определяющим фактором успешного противодействия деструктивному воздействию являются общественная стабильность и идеологическая зрелость общества, способность человека объективно оценивать общественно-политическую обстановку.

4) Вооруженные Силы, являясь важнейшим государственным институтом обеспечения национальной безопасности и общественной стабильности, подвергаются негативному информационно-психологическому воздействию, а в особых случаях являются его основным объектом.

5) Одной из основных форм противодействия манипуляции сознанием личности (коллектива) являются критический анализ поступающей информации, организация получения информации из разных источников, эффективная информационно-пропагандистская и контрпропагандистская деятельность, проводимая с личным составом Вооруженных Сил Республики Беларусь.

Библиографический список

1. Вирен Г. Современные медиа. Приемы информационных войн: учеб. пособие. М., 2013.
2. Грачев Г.В. Информационно-психологические операции во внутриполитической борьбе в России в современных условиях // Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний. М., 1999.
3. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия М., 1999.
4. Караяни А.Г. Информационно-психологическое противоборство в современной войне. М., 2013.
5. Караяни А.Г. Информационное противоборство в современной войне [электронный ресурс]. 2015. Режим доступа: <http://psyfactor.org/psywar30.htm>.

6. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Алгоритм, 2006.
7. Контроль сознания и методы подавления личности: хрестоматия. – Минск, 2001.
8. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Минск, 2011.
9. Лепский В.Е., Рапуто А.Г. Моделирование и поддержка сообществ в Интернет. М.: Институт психологии РАН, 1999.
10. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях. – [Электронный ресурс]. 2015. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru>.
11. Новиков В.К. Информационное оружие – оружие современных и будущих войн. – М.: Горячая линия – Телеком, 2014.
12. Об утверждении Инструкции о порядке организации идеологической работы в Вооруженных Силах: приказ Министра обороны Республики Беларусь от 10 сентября 2014 г. № 967.
13. Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика: курс лекций. М.: Телеком, 2014.
14. Прокофьев В.Ф. Тайное оружие информационной войны. М., 1999.
15. Фрэзер Д. Золотая ветвь. М.: ИПЛ, 1983.
16. Шейнов В.П. Манипулирование сознанием. Минск, 2009.

N.I. Gomel, M.V. Neverko

*Military academy of the Republic of Belarus
Belarus Republic, Minsk*

mar77811082@yandex.ru

MIND CONTROL OF SOLDIERS IN THE CONTEXT OF SOLVING THE TASK OF ENSURING INFORMATION SECURITY

The article deals with the manipulation of public consciousness in the conditions of the destructive impact of the information in the interests of solving the problems of information and psychological warfare. The authors identify the essential features of manipulative influence on individual, group and social consciousness, focusing particular attention on the specifics of the military mind control in order to change it in a direction favorable to manipulator. The article allows to get acquainted with the theoretical basis of modern techniques of manipulation. Expands manipulation algorithm, the reader has the opportunity to get acquainted with concrete examples in essential steps of the process of manipulation. The author's position is that the manipulation of consciousness is only possible thanks to the control over the information and communication that define the setup, views, rules, and patterns of human activity. Manipulation usually aims to force the majority (or minority) engage (or not engage) in certain social processes. It stands as one of the main means of social control and is based on the hard use of the information system and apparatus of forming ideas. Manipulation is due to deliberate distortion of information. This article discusses the most effective ways to convert data. The servicemen of the Armed Forces of the Republic of Belarus, as an integral part of society, are also prone to destructive influences. In the context of political instability or the rise of a military threat is the military will be the most important object information and psychological impact. In this regard, the authors identify the most effective methods to counter the manipulation of consciousness. In the foreground a critical analysis of the information received, the organization of information from different sources, effective advocacy and counter-propaganda activities carried out by all categories of personnel of the Armed Forces of the Republic of Belarus.

Keywords: manipulation algorithm, destructive information and psychological impact, information, ideological training, information, security, manipulation, manipulative influence efficiency.

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

УДК а94(47+57)“1917/1991”

В.В. Авдеев, В.А. Литовченко*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск**vadim-avdeev@mail.ru
litovchienko vladimir@mail.ru***РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ
«БРАНДЕНБУРГ-800» НА ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОМ ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Статья знакомит с разведывательно-диверсионной деятельностью немецкого формирования «Бранденбург-800» на западно-европейском театре военных действий в начале Второй мировой войны. Рассматривается история формирования «Бранденбург-800», его эволюция, структура, способы комплектования личным составом, решаемые задачи, эпизоды боевой деятельности, место в иерархии разведывательно-диверсионных структур фашистской Германии. Авторы приводят примеры боевого применения подразделений формирования «Бранденбург-800» при выполнении разведывательных и диверсионных задач. При этом отмечается, что во время выполнения задач, поставленных командованием, «бранденбуржцы» полностью пренебрегали правилами и обычаями ведения войны, не останавливаясь перед явными военными преступлениями. С началом Второй мировой войны функции абвера были значительно расширены, на него дополнительно возлагалась борьба с антифашистским Сопротивлением в самой Германии и в оккупированных ее войсками странах и областях. Личный состав «Бранденбурга-800» активно включился в выполнение такого рода задач. После принятия руководством фашистской Германии политического решения о подготовке к войне против СССР «Бранденбург-800» приступил к планированию будущих боевых действий на Востоке. В качестве возможных боевых задач для подразделений «Бранденбурга-800» рассматривались: обеспечение захвата на территории СССР оперативно важных объектов (мостов, туннелей, оборонных предприятий), которые они должны были удерживать до подхода передовых частей германской армии и противодействие уничтожению частями советских войск при отступлении запасов продовольствия, сырья и промышленных товаров, разрушению заводов, шахт, мостов военного значения, железнодорожных магистралей.

Ключевые слова: абвер, «Бранденбург-800», Вторая мировая война, диверсионная деятельность, разведывательная деятельность, движение Сопротивления, театр военных действий, мобильные группы.

В начале 1940 г. абверу было поручено, сообразуясь с общим планом оккупации Голландии, Бельгии и Люксембурга, подготовить мероприятия, которые позволили бы с помощью военных хитростей захватить важнейшие шоссейные и железнодорожные мосты через реку Маас у Маастрихта и Геннепа. Только при этом условии немецкие войска могли быстро достигнуть укрепленной линии Пеель в Голландии, а в дальнейшем деблокировать свои парашютные десанты, сброшенные у Роттердама. Аксию с захватом мостов через Маас у Маастрихта провело подразделение добровольцев, подготовленное центром абвера в Бреслау.

Ранним утром 10 мая 1940 г. передовой отряд, которому были приданы диверсанты «Бранденбурга», переодетые в голландскую униформу, выехал на велосипедах в направлении Маастрихта. В ходе боевого столкновения с голландскими пограничниками часть группы (включая ее командира лейтенанта Хоке) была уничтожена, а все три моста через Маас взлетели на воздух, так как диверсанты не успели их разминировать. Однако акция близ Геннепа удалась. Силой одного разведдозора из 1-й роты «Бранденбурга» мост через Маас был захвачен, и пока ошеломленные голландцы приходили в себя, по мосту уже двигались немецкие танки. Хитрость «бранденбуржцев» заключалась в том, что в составе дозора было несколько «военнопленных немцев», которых дозор якобы конвоировал в штаб, а у каждого «пленного» под одеждой были автоматы и гранаты. Одетые в форму голландских пограничников «конвоиры» были представлены агентами абвера, работавшими в Голландии. Таким образом, именно у Геннепа было впервые достигнуто тактическое взаимодействие диверсантов вермахта и агентов разведки.

Перед 3-й ротой «Бранденбурга» стояла задача не допустить подрыва 24 стратегических объектов в Бельгии. Подразделения роты скрытно подошли к намеченным объектам и атаковали их. Противник был так ошеломлен, что «бранденбуржцам» удалось сохранить 18 из 24 объектов.

В тыл британской, бельгийской и французской армий под видом беженцев просачиваются 5200 диверсантов – автоматы и взрывчатка спрятаны под матрацами в детских колясках и на грузовиках

«с захваченными из дома вещами». Люфтваффе выбрасывает на парашютах манекены (в Арденнах) и устройства, имитирующие автоматную стрельбу, чтобы деморализовать бельгийскую армию. Группы захвата абвера выдвигаются к резиденции королевы в Гааге, блокируют министерства и армейские штаб-квартиры.

Мобильные группы диверсантов на тяжелых мотоциклах перерезают линии телефонной связи, захватывают стратегические объекты (телеграфы, мосты, электростанции), обеспечивая прорыв вермахта к Маасу и через Арденны. Спецгруппа «Б» во Франции приступает к проведению акций саботажа и диверсий. Эскадрилья особого назначения люфтваффе выбрасывают оружие и взрывчатку на парашютах в условленных местах.

Во второй фазе Западной кампании вермахта один из взводов 1-й роты «Бранденбурга» был задействован 19 июня 1940 г. на «линии Мажино» в Верхнем Эльзасе. После прорыва передовых отрядов немцев через укрепленные районы Маттсталь и Виндстейн взвод должен был выйти к нефтепромыслам у Пешельбронна и не допустить их подрыва. Благодаря быстрым действиям войск взводу удалось незаметно подобраться к объекту и внезапным ударом его захватить. Занятые последними приготовлениями к взрыву французские саперы были захвачены врасплох и взяты в плен.

В мае 1940 г. немецкое командование, обеспокоенное концентрацией на севере Норвегии остатков разбитой норвежской армии, поручает «бранденбуржцам» сложное и важное задание – выявить и уничтожить группы норвежских солдат, укрывающихся в северных областях страны. Истребительный отряд (100 человек в форме солдат норвежской армии) провел успешный рейд, который еще раз подтвердил готовность подразделения действовать в любых погодных условиях и при любых обстоятельствах.

Первые же успехи «Бранденбурга» в Западной кампании способствовали тому, что у командования вермахта появился растущий интерес к развитию этого особого рода войск. 15 августа 1940 г. в Берлине создается штаб «Бранденбург», под командование которого передаются одноименный батальон, а также все иные разрозненные части глубинной разведки. С этого момента «Бранденбург» становится полком и входит в золотую пору своего существования. Командовал полком майор Кевиш, затем на смену ему пришел полковник Хелинг фон Ланценауэр. В составе полка было 3 батальона, вспомогательные подразделения и батальоны специального назначения для действий на восточном фронте.

1-й батальон нового полка остался под командованием капитана фон Хиппеля в бывшей казарме артиллерийского полка рейхсвера на окраине Бранденбурга. Там же располагался и штаб полка, пока его не перевели в Берлин. Предназначался батальон для тогда еще только планировавшейся кампании на Востоке.

2-й батальон во главе с капитаном Якоби, размещенный в Бадене (под Веной), состоял из венгерских, румынских и балканских немцев. В его задачу входили операции в Юго-Восточной Европе.

3-й батальон (командир – капитан Рудлеф) дислоцировался сначала в Ахене, а потом в Дюрене. В него входили немцы из западноевропейских, южноафриканских и южноамериканских стран. Полем деятельности этого подразделения была Западная Европа. Численность каждого батальона достигала 1000 человек.

Первому батальону, самому многочисленному, были приданы специальные вооруженные отряды «Нахтигаль» («Соловей»), «Бергман» («Горец») и другие, служившие для выполнения особых поручений в захватываемых советских городах. Им ставились задачи:

- воспрепятствовать уничтожению частями советских войск при отступлении запасов продовольствия, сырья и промышленных товаров, разрушению заводов оборонной промышленности, шахт, мостов военного значения, железнодорожной магистрали;
- обеспечить захват на территории СССР оперативно важных объектов – мостов, туннелей, оборонных предприятий, которые они должны были удерживать до подхода передовых частей германской армии.

Наряду с увеличением численности личного состава в полку были образованы два новых подразделения, специализирующихся на африканских и ближневосточных операциях – «группа береговых диверсантов» и «тропическая команда».

Помимо этого, полк располагал отдельной ротой связи и штабной ротой, которые дислоцировались в Бранденбурге. Все перечисленные организационно-штатные изменения происходили, что называется, «без отрыва от производства».

Все эти батальоны предназначались для ведения диверсионной войны в тылу противника перед вторжением на его территорию регулярных войск вермахта. К таким действиям относились преимущественно рейды, направленные на захват важных в военном отношении объектов: мостов, туннелей, узлов коммуникаций и т. д. В ходе обучения диверсанты учились разряжать заложенные противником взрывные заряды и удерживать захваченные объекты до подхода авангардов своих войск.

Вместе с тем «бранденбуржцы» выполняли и разведывательные задачи. От личного состава полка требовались высокие физические и психологические кондиции в экстремальных условиях. Кандидаты на службу в эту часть отбирались из числа солдат и офицеров, проявлявших склонность к риску и авантюрам при условии знания иностранных языков. Поисковая работа проводилась также среди специалистов в различных областях: снайперов, водолазов, саперов, парашютистов, связистов и прочих. Многие уже успели принять участие в боевых действиях. В процессе тренировок особое внимание уделялось скрытному передвижению, навыкам «бесшумного умерщвления», стрельбе из различных типов оружия, марш-броскам, ориентации на местности, выживанию и маскировке.

При выполнении боевых заданий диверсанты пускались на все возможные ухищрения: наиболее часто они действовали в гражданской одежде или в обмундировании вражеской армии, что формально противоречило нормам международного права. Разрешалось использование всех возможных средств обмана противника. Так, бойцы «Бранденбурга», переодетые в чужие мундиры, часто маскировались под санитарный обоз с ранеными либо транспортную колонну. Диверсанты переодевались в одежду железнодорожников, шахтеров, притворялись почтальонами, сторожами и даже беженцами. Во время рейдов немцы полностью пренебрегали правилами и обычаями ведения войны, не останавливаясь перед явными военными преступлениями.

Следует отметить, что с началом Второй мировой войны функции второго отдела абвера были расширены, на него дополнительно возлагалась борьба с антифашистским сопротивлением в самой Германии и в оккупированных ее войсками странах и областях. Выступления немецких антифашистов и противников нацистского режима достигли таких масштабов, что справиться с ними силами одной СД было уже невозможно. Понадобились опыт и кадры абвера. Даже яростный защитник ведомства Канариса западногерманский историк Г. Бухгейт, всячески стремящийся обелить его деятельность, признает, что во время «восточного похода» только одной фронтовой разведкой абвера было «обезврежено» 20 тыс. советских граждан, причем это лишь частичное признание участия абвера в массовых убийствах на территории СССР. Это ставило абвер в особое положение на иерархической лестнице разведывательного сообщества нацистского рейха.

До конца 1940 г. «бранденбуржцы» успели вместе с испанскими фалангистами (члены фашистской партии в Испании) противостоять англичанам в Гибралтаре, взять под охрану нефтескважины в Румынии, отправить «специальную арабскую бригаду» на Ближний Восток (Сирия, Ливан, Ирак) для участия в боевых действиях против Великобритании.

В апреле 1941 г. немецкие войска вторглись на территорию Греции и Югославии. Согласно плану командования вермахта, бойцам 2-го батальона «Бранденбурга» предстояло захватить ряд ключевых объектов на Дунае. Параллельно с этим они должны были координировать действия наступающих немецких частей и осуществлять разведку вражеской территории. С возложенными на них задачами «бранденбуржцы» справились в очередной раз блестяще.

В ночь с 5 на 6 апреля, предшествовавшую началу германской агрессии против Югославии и Греции, солдаты этого батальона захватили стратегически важный югославский перевал Железные Ворота на Дунае. На следующий день рота диверсантов 2-го батальона «Бранденбург-800» захватила мост через Вардар на территории Греции, что обеспечило быстрый захват Салоник немецкими танкистами.

21-27 апреля подразделения 2-го батальона в ходе неожиданного рейда в тылу Британского экспедиционного корпуса захватили остров Эвия в заливе Волос, вынудив таким образом англичан к отступлению через Фермопильский перевал. 26 апреля немецкие парашютисты захватили Коринфский перешеек, а также город Коринф с находящимся в нем аэродромом. 2-й батальон «Бранденбурга», поддержав парашютистов, захватил несколько окрестных селений и стал первой немецкой частью, вошедшей в Афины.

Библиографический список

1. Сергеев Ф. Тайные операции нацистской разведки, 1933-1945. М.: Политиздат, 1991. 415 с.
2. Петров В.В. Операции военной разведки (энциклопедия военного искусства). Минск: Литература, 1997. 640 с.
3. Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха / Авторизованный перевод с немецкого Н.Н. Лаврова. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 320 с.
4. Ненахов Ю. Войска спецназначения во Второй мировой войне. М.: АСТ; Харвест, 2000. 736 с.
5. Энциклопедия Третьего рейха / Сост. С. Воропаев. М.: Локид; Миф, 2000. 485 с.
6. Уильямсон Г. Элитные части вермахта. М.: АСТ, 2003. С. 34-39.
7. Неподаев Ю. Спецназ адмирала Канариса: Карманное войско фюрера. М.: Эксмо, 2004. 352 с.
8. Бухгайт Г. Абвер – щит и меч III Рейха. М.: Эксмо, 2005. 480 с.

V.V. Avdeev, V.A. Litovchenko

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

*vadim-avdeev@mail.ru
litovchienko vladimir@mail.ru*

**INTELLIGENCE AND SUBVERSIVE ACTIVITIES OF THE FORMATION
«BRANDENBURG-800» ON THE WEST-EUROPEAN THEATER
OF OPERATIONS IN THE SECOND WORLD WAR**

The article introduces the intelligence and subversive activities of the formation of the German “Brandenburg-800” on the West-European theater of military operations at the beginning of the Second World War. It is analysed the history of the formation of “Brandenburg-800”, its evolution, structure, methods, manning, tasks, episodes of combat activity, a place in the hierarchy of intelligence and subversive structures of Nazi Germany. The authors provide examples of the use of military units of the formation “Brandenburg-800” in carrying out intelligence and subversive tasks. It is noted that during the execution of the tasks set by the command, “Brandenburg” completely ignored the rules and customs of war, not hesitating to war crimes. On the beginning of Second World War, the Abwehr functions have been considerably enlarged, it is further entrusted with the fight against the anti-fascist resistance in Germany itself and occupied countries and regions. The personnel of the “Brandenburg-800” was actively involved in the execution of such tasks. After the adoption of the leadership of Nazi Germany's political decision to prepare for war against the USSR “Brandenburg-800” started planning future military operations in the East. As possible combat missions for the formation “Brandenburg-800” were considered: providing capture the territory of the USSR rapidly important objects (bridges, tunnels, defense enterprises), which they were to hold until the arrival of advanced units of the German army and the opposition to the destruction of parts of the Soviet troops during the retreat food supplies, raw materials and manufactured goods, destruction of factories, mines, military significance of bridges, rail lines.

Keywords: Abwehr, “Brandenburg-800”, Second World War, sabotage, intelligence activities, resistance movement, theater of operations, mobile groups.

140.8.:94(477).“1939/1945”

О.И. Вербовой

*Военно-морской политехнический институт
г. Санкт-Петербург*

O.Verbovoy@lengu.ru

**ОПЫТ ДЕСАНТНЫХ ДЕЙСТВИЙ ДУНАЙСКОЙ ФЛОТИЛИИ В ЯССКО-КИШИНЕВСКОЙ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ОПЕРАЦИИ**

Настоящая статья посвящена участию Дунайской военной флотилии в Яско-Кишиневской наступательной операции. К лету 1944 г. советские войска вышли к левому берегу Днестра от Днестровского лимана до города Дубоссары. Дальнейшее наступление на южном крыле советско-германского фронта должно было развернуться в бассейне Дуная, где существовала серьезная минная опасность и дислоцировались значительные военно-морские силы противника. Успешное решение наступательных задач требовало организации активного взаимодействия сил флота, сухопутных войск и военно-воздушных сил. Дунайская флотилия, воссозданная в апреле 1944 г., была всесторонне подготовлена к выполнению всего комплекса задач по содействию советским сухопутным войскам в бассейне Дуная. Автор статьи исследует уникальный опыт десантных действий флотилии при форсировании Днестровского лимана в нижнем течении Дуная, раскрывает соотношение сил противоборствующих сторон, их замыслы, уровень подготовки и характер действий в сложнейших условиях. При этом подчеркивается зрелый и творческий характер решений, принимаемых командованием Дунайской флотилии, мужество и героизм моряков-дунайцев, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими войсками и их союзниками.

Ключевые слова: Дунайская военная флотилия, Керченская бригада бронекатеров, сектор береговой обороны, отдельный зенитный артиллерийский дивизион, береговой отряд сопровождения, отдельный батальон морской пехоты, десантник, комендор, моторист.

Войска южного крыла советско-германского фронта в августе 1944 – мае 1945 гг. последовательно вели крупные наступательные операции на придунайском операционном направлении. В результате Яско-Кишиневской, Белградской, Будапештской и Венской стратегических наступательных операций были разгромлены мощные группировки гитлеровских войск, выведены из войны на стороне Германии ее европейские союзники Румыния, Болгария, Венгрия и Австрия, освобождены от ига немецких оккупантов Югославия и придунайские районы Чехословакии, освобождена восточная часть Австрии. Советские войска вышли на непосредственные подступы к границам Германии с юго-востока. В ходе Яско-Кишиневской, Белградской, Будапештской и Венской наступательных операций советским войскам пришлось форсировать реки Дунайского бассейна, вести наступление вдоль их берегов, осуществлять неоднократные маневры значительными силами сухопутных войск через реки Дунайского бассейна, вести временами длительные сражения за придунайские города, превращенные противником в мощные приречные узлы сопротивления. Дунайская флотилия, воссозданная в апреле 1944 г., была всесторонне подготовлена к выполнению всего комплекса задач по содействию советским сухопутным войскам в бассейне Дуная.

Успешное завершение разгрома гитлеровских войск на Правобережной Украине и в Крыму, в Белоруссии и на Львовско-Сандомирском направлении создали благоприятные условия войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов, Черноморскому флоту и его Дунайской флотилии для разгрома группы немецко-фашистских армий «Южная Украина», завершения освобождения Молдавии и юго-западной части Украины, перенесения военных действий на Балканы с ближайшей задачей освобождения Румынии и Болгарии.

Перед войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов к началу августа 1944 г. в составе группы войск противника «Южная Украина» были сосредоточены германские, румынские и венгерские армии из сорока семи дивизий и пяти бригад.

Эта группировка противника насчитывала 900 тыс. чел. личного состава, 7600 орудий и минометов, 404 танка и штурмовых орудия, 810 боевых самолетов [1]. Силы флота Румынии в Констанце и Сулине насчитывали девяносто пять различных боевых кораблей, катеров и вспомогательных судов. Кроме того, на нижнем Дунае базировалась 1-я флотилия кораблей обороны побережья и 7-я флотилия десантных кораблей гитлеровской Германии, передислоцированных из черноморских баз Румынии, Болгарии в первой половине августа, насчитывавших до семидесяти боевых кораблей и вспомогательных судов. В дельте Дуная была сосредоточена румынская речная дивизия (более пятидесяти боевых кораблей и вспомогательных судов), полк морской пехоты и плавучие батареи в гирлах Дуная. На аэродромах в Констанце и Сату Маре базировалось до ста восьмидесяти различных самолетов морской авиации Румынии [2].

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов имели в общей сложности девяносто одну стрелковую дивизию, шесть танковых и механизированных корпусов, один кавалерийский корпус, три укрепленных района, три отдельных стрелковых бригады. Всего оба фронта насчитывали в своем составе 1250 тыс. личного состава, 16000 орудий и минометов, 1870 танков и самоходных артиллерийских установок, более 200 боевых самолетов [3]. Черноморский флот и его Дунайская флотилия имели в своем составе около двухсот пятидесяти боевых кораблей и катеров, свыше трехсот боевых самолетов.

Дунайская флотилия была воссоздана из соединений и частей расформированной 13 апреля 1944 г. Азовской флотилии. К лету 1944 г. Дунайская флотилия (командующий контр-адмирал С.Г. Горшков, член Военного Совета капитан 1 ранга А.А. Матушкин, начальник штаба капитан 1 ранга А.В. Свердлов), как оперативное объединение разнородных сил Черноморского флота, была полностью подготовлена к совместным действиям с сухопутными войсками на придунайском направлении.

В состав Дунайской флотилии входили: бригада бронекатеров (командир капитан 3 ранга П.И. Державин, начальник штаба капитан 3 ранга С.В. Милуков, начальник политотдела капитан 2 ранга А.Я. Пышкин) – 22 бронекатера, 10 полуглиссеров, 10 катеров «ЗИС»; 4-я отдельная бригада речных кораблей (командир капитан 2 ранга П.В. Давыдов, начальник штаба капитан 3 ранга Н.М. Мелик-Мурадов, начальник политотдела капитан 2 ранга Ф.Н. Аверлюков) – монитор «Железняков», 14 бронекатеров, 12 минометных катеров, 22 катера-тральщика, 15 полуглиссеров; сектор береговой обороны (комендант подполковник И.Н. Яблонский) – 22 орудия калибром 152-76 мм и 213-й отдельный зенитный артдивизион; 369-й отдельный батальон морской пехоты (командир майор С.Г. Григорьев); 613-я штурмовая рота морской пехоты; 62-й отдельный дивизион дымомаскировки и дегазации.

В соответствии с планом Ставки Верховного Главнокомандования 2-му и 3-му Украинским фронтам ставилась задача прорвать оборону противника на двух далеко отстоящих друг от друга участках – северо-западнее Ясс и южнее Бендер. Такую сильную группировку войск противника предстояло разгромить по двум сходящимся направлениям войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов в районе Яссы – Кишинев. Согласно замыслу Ставки Советского Верховного Главнокомандования 46-й армии 3-го Украинского фронта совместно с Черноморским флотом и его Дунайской флотилией ставилась задача форсировать Днестровский лиман, овладеть крепостью Аккерман (Белгород-Днестровский), стремительно выйти к

дельте Дуная и отрезать пути отхода 3-й румынской армии через Дунай в Добруджу.

Чтобы успешно осуществить десант через Днестровский лиман, на левом крыле 46-й армии была создана особая группа под командованием заместителя командующего армией генерал-лейтенанта Л.Н. Бахтина. Форсирование ею лимана обеспечивалось дунайской флотилией и Одесской группой военно-воздушных сил Черноморского флота (180 самолетов).

Сущность этой операции заключалась в том, чтобы одновременно и скрытно высадить две десантные группы юго-восточнее и северо-западнее Аккермана и овладеть городом. В последующем во взаимодействии с главными силами 46-й армии планировалось наступление в юго-западном направлении к реке Когильник для окружения и уничтожения 3-й румынской армии.

Противник не ожидал форсирования советскими войсками водного пространства шириной в одиннадцать километров. В истории Великой Отечественной войны трудно найти прецедент, чтобы преодолевалась столь широкая водная преграда. На побережье, занятое и укрепленное противником, требовалось десантировать две бригады морской пехоты, части 1-го гвардейского укрепленного района, 3-й отдельный мотоциклетный полк и специальные подразделения общей численностью более 8000 чел., около 200 орудий и минометов и 10 танков.

В целях скрытности было решено начать высадку десанта в ночь на второй день наступления главных сил фронта, причем без предварительной авиационной и артиллерийской подготовки. Чтобы отвлечь внимание противника, предусматривалось ложное десантирование с моря на косу Бугаз. Исходя из этого Дунайская флотилия должна была форсировать широкий водный рубеж одновременно на двух направлениях: севернее крепости Аккерман от Калагалеи к Мологе-Чигиры Сухие и южнее крепости от Роксолян к Шабо, захватить переправы на реке Хаджидер и обеспечить быструю переправу войск приморской группы 46-й армии, поддержать ее наступление на приморско-дунайском направлении, а затем, развивая наступление на Поддавку, окружить противника северо-западнее лимана.

Высадкой десантов в Жебрияны (Приморское), Вилково и Сулину обеспечить прорыв Дунайской флотилии в дельту Дуная, локализовать действия румынской Дунайской дивизии речных кораблей. Таким образом, в июле-августе 1944 г., задолго до начала Яско-Кишиневской операции, боевая и политическая подготовка соединений, кораблей и частей флотилии проводилась с учетом задач, которые предстояло решать войскам 3-го Украинского фронта в наступлении на причерноморском фланге и в бассейне Дуная.

Бригада бронекатеров и 4-я отдельная бригада речных кораблей отрабатывали задачи: высадку десантов на приморском и приречном флангах; прорыв речного оборонительного рубежа; артиллерийскую поддержку приморского и приречного флангов сухопутных войск; содействие сухопутным войскам в форсировании крупных водных преград. Бригада бронекатеров и 4-я отдельная бригада речных кораблей провели совместные с частями морской пехоты учения по темам: высадка десанта на приморском фланге противника; высадка десанта на приречном фланге противника; прорыв в дельту реки с моря через приречный оборонительный рубеж противника; учения по связи и другие.

На этих учениях практически проверялись оперативно-тактические расчеты, связанные с решением задач содействия сухопутным войскам, отрабатывалась организация управления силами при быстро изменявшейся оперативной обстановке.

Командование сектора береговой обороны флотилии уделяло большое внимание артиллерийской разведке, отработке организации управления артиллерийским огнем, тактическому взаимодействию с артиллерией приморской группы 46-й армии [4].

Штаб флотилии, штабы соединений организовывали всестороннее изучение театра предстоящих военных действий, состава и базирования сил флота, авиации и сухопутных войск противника, отрабатывали методы управления силами и материально-техническое обеспечение боевых действий. Все это позволило выработать у офицерского состава единство оперативно-тактических взглядов на способы и формы боевого использования разнородных сил и боевых средств при решении предстоящих оперативных задач, что благоприятно сказалось на боевых действиях моряков Дунайской флотилии во время Яско-Кишиневской операции.

На западном побережье Днестровского лимана от Царьградского гирла до Паланки оборонялись 15-я, 2-я и 10-я румынские дивизии, 2-я отдельная кавгруппа, штрафной батальон и небольшие подразделения немецких войск, усиленные двадцатью семью артиллерийскими батареями калибром 75-122 мм и зенитной артиллерией. Наибольшая плотность артиллерии была сосредоточена в районе Аккермана. Войска противника совершенствовали свою оборону более четырех месяцев. На западном побережье Днестровского лимана были вырыты и оборудованы три линии окопов полного профиля, связанные с опорными пунктами обороны и отдельными дзотами. Вся береговая черта была минирована и прикрыта проволочными заграждениями.

Город Аккерман являлся главным узлом сопротивления противника и был подготовлен к круговой обороне и уличным боям. На косе Бугаз имелись долговременные огневые точки, насыщенные артиллерией

и минометами, державшие под огнем Царьградское гирло лимана. Приморский участок фронта аккерманской группировки противника до острова Сосин имел развитую противодесантную оборону в пунктах возможной высадки наших десантов, прикрывался береговыми батареями и полевой артиллерией. Общая глубина главной полосы обороны достигала шести-восьми километров, а на важных направлениях – десяти-пятнадцати километров. Созданию сильной обороны способствовала и местность: главная полоса обороны проходила по выгодным рубежам вдоль рек по господствующим высотам, по западному берегу Днестровского лимана и по берегу Черного моря.

В междуречье рек Серета и Прута противником был создан укрепленный район, состоящий из трехсот пятидесяти крупных железобетонных сооружений.

Опираясь на заранее подготовленную оборону, широкую водную преграду и выгодные условия местности, противник рассчитывал надежно прикрыть свой приморский фланг и дельту Дуная.

Решение командующего войсками 46-й армии генерал-лейтенанта И.Т. Шлемина сводилось к следующему: войсками трех стрелковых и механизированного корпусов, усиленными артиллерией, прорвать оборону противника перед правым флангом 46-й армии от Чобручи до Цуркара, далее развивать удар в юго-западном направлении, обходя 3-ю румынскую армию с северо-запада; в дальнейшем, на второй день наступления, силами специальной приморской левофланговой группы войск генерал-лейтенанта А.Н. Бахтина во взаимодействии с Дунайской флотилией и береговой артиллерией Одесской военно-морской базы форсировать Днестровский лиман, овладеть аккерманским узлом сопротивления противника; после форсирования Днестровского лимана и переправы на его западное побережье войск генерал-лейтенанта А.Н. Бахтина; совместными действиями войск правого и левого приморского флангов окружить и уничтожить основные силы 3-й румынской армии между рекой Когильник и Днестровским лиманом, а затем наступать в дельте Дуная к Пруту [5].

Командующий Дунайской флотилией контр-адмирал С.Г. Горшков решил высадить одновременно две десантные группы в районах Шабо-Тырг и Молога (юго-восточнее и северо-западнее Аккермана), которым ставилась задача при поддержке береговой артиллерии, артиллерии 46-й армии, авиации Черноморского флота и прорвавшихся в лиман кораблей Дунайской флотилии овладеть западным побережьем лимана на участке Шабо-Тырг, Аккерман, Молога, создать плацдарм, обеспечивавший переправу основных сил десантной группы 46-й армии. Решено было осуществить форсирование Днестровского лимана ночью, внезапно, без предварительной артиллерийской и авиационной подготовки. От успешности высадки десанта в качестве передового отряда, во многом зависело выполнение задачи по форсированию лимана.

11-12 августа штабом Дунайской флотилии были разработаны и согласованы основные оперативно-боевые документы: план операции и схема решения, организационный приказ и схема организации сил, участвовавших в операции; боевой приказ и плановая таблица действий, наставление по форсированию Днестровского лимана; схема решения на прорыв в лиман с моря бронекатеров 4-й отдельной бригады речных кораблей, схема маршрутов движения высадочных средств с десантом на переходе через Днестровский лиман. Кроме указанных документов штабом флотилии разрабатывались: схемы управления и связи, оргмероприятия по проверке готовности сил к выполнению поставленных задач, план навигационно-гидрографического обеспечения; план материально-технического обеспечения и другие документы [6]. В соответствии с организационным приказом командующего Дунайской флотилией была установлена следующая организация сил, участвовавших в форсировании Днестровского лимана:

– 1-я группа высадки (командир группы капитан 3 ранга А.Н. Шальнов) включала четыре отряда высадочных средств и отряд паромов. Командирами 1-4 отрядов высадочных средств и отряда паромов назначались офицеры флотилии. Для форсирования Днестровского лимана этой группе высадки выделялось: 241 десантная лодка, 20 паромов, 13 полуглиссеров, 15 буксирных катеров. Эти высадочные средства должны были сосредоточиться в районе Калагалея (ныне Николаевка), принять первый эшелон десанта (штурмовой отряд 369-го отдельного батальона морской пехоты и два батальона 83-й отдельной бригады морской пехоты (16-й и 305-й) общей численностью 2838 чел.); форсировав лиман, высадить десантные части на участке Молога-Чигиры Сухие.

– 2-я группа высадки (командир группы капитан-лейтенант Л.П. Потапов) состояла из четырех отрядов высадочных средств, отряда паромов и отряда обеспечения (командиры отрядов – офицеры флотилии). Ей было выделено 168 десантных лодок, 11 паромов, 11 буксирных катеров и 2 катера-дымзавесчика. Высадочные средства 2-й группы высадки сосредоточивались в районе Роксоляны для приема усиленной роты 369-го отдельного батальона морской пехоты, частей 1-го гвардейского укрепленного района общей численностью 1216 чел. и высадки в районе Шабо-Тырг.

– 2-й эшелон десанта составляли 255-я отдельная морская стрелковая бригада, 252-й батальон амфибий, 3-й отдельный гвардейский мотоциклетный полк, 144-й отдельный батальон морской пехоты и части 1-го гвардейского укрепрайона, не вошедшие в 1-й эшелон десанта. Эти соединения и части (более 20 тыс. чел.) должны были перебрасываться на захваченный плацдарм сразу же после высадки 1-го эшелона

десанта.

– Отряд прорыва в Днестровский лиман (командир отряда капитан 2 ранга П.П. Давыдов) состоял из восьми бронекатеров, двух минометных катеров, двух катеров-тральщиков и двух полуглиссеров. Этому отряду ставилась задача обстрелом западного побережья Царьградского гирла и демонстрацией высадки с моря отвлечь внимание противника от районов высадки десанта северо-западнее и юго-восточнее Аккермана, а затем прорваться в лиман для содействия войскам десантной группы 46-й армии и артиллерийской поддержки десанта на берегу. Этому же отряду ставилась задача оказать содействие 10-му отдельному артиллерийско-пулеметному батальону в форсировании ставосьмидесятиметрового Царьградского гирла.

– Артиллерийская группа сектора береговой обороны Дунайской флотилии и Одесской военно-морской базы (командир группы комендант сектора береговой обороны флотилии подполковник И.Н. Яблонский) включала двадцать шесть стволов артиллерии 122-152 мм калибра. Артиллерийскую поддержку частям, форсировавшим Днестровский лиман, оказывала и артиллерия десантной группы войск 46-й армии, но ее орудия (преимущественно 76 мм) не могли вести огонь на всю тактическую глубину обороны противника из-за ограниченной дальности их стрельбы. Поэтому подавление огневых точек в глубине обороны противника и контрбатареинная борьба с его дальнобойными батареями могла вестись только дальнобойной морской артиллерией и прорвавшимися в лиман бронекатерами. Корректировка огня обеспечивалась корректировочными постами, высаженными в первом эшелоне десанта.

– Авиационная группа состояла из ста восьмидесяти самолетов ВВС Черноморского флота. На нее возлагались задачи авиационной поддержки десантной группы войск 46-й армии и Дунайской флотилии, участвовавших в форсировании Днестровского лимана [7].

Накануне Яско-Кишиневской операции Военный Совет флотилии выпустил специальную листовку с обращением к морякам-дунайцам, которая была доведена до войск на митингах, прошедших во всех частях и на кораблях: «Дунайцы! Вы ждали этого часа, часа наступления и справедливой мести врагу. Он наступил. Вперед! Смелее захватывайте плацдарм. Окружайте и уничтожайте врага, если он не сдается в плен. Этого требует наша совесть и пепел заживо сожженных советских людей. Вперед, моряки! Вас ждет истерзанная врагом Советская Молдавия! Вас ждет город русской славы Измаил!» [8]. Политуправление Черноморского флота и политотдел флотилии выпустили массовым тиражом памятки комсоргам, серию листовок и плакатов. Разнообразная по форме, целеустремленная по содержанию политико-воспитательная работа сыграла существенную роль в подготовке сил и средств к операции, в мобилизации личного состава на безупречное выполнение поставленных боевых задач.

В 21 ч. 00 мин. 21 августа 1944 г. началась посадка войск и погрузка техники на суда, а в 23 ч. 40 мин. суда и плавсредства первой десантной группы (северной), имея на борту 2316 чел. десанта, вышли намеченным курсом из Калагалеи на Мологу и Чигиры Сухие. В 1 ч. 50 мин. 22 августа отряды высадочных средств второй десантной группы (южной) с 1216 десантниками вышли из Роксолян в направлении Шабо. В целях маскировки перехода десантных групп и отвлечения внимания противника от Днестровского лимана одиночные самолеты начали бомбардировку его западного побережья, как это делалось в дни, предшествовавшие высадке десанта. Противник прекратил обстрел Роксолян и освещение ракетами западного побережья лимана, стараясь не демаскировать свои огневые точки и расположение войск. Отряд кораблей артиллерийской поддержки из четырех бронекатеров под командованием капитан-лейтенанта С.И. Борботько, заранее занявший исходные позиции на подступах к Царьградскому гирлу, в 2 ч. 40 мин. 22 августа открыл огонь по вражеским опорным пунктам на косе Бугаз. Этот же участок был обстрелян нашей береговой артиллерией и минометами. Обстрел противника на косе Бугаз продолжался в течение одного часа.

Наши демонстративные действия дезориентировали противника и отвлекли его внимание от десанта, позволив десантникам более десяти километров пройти по лиману незамеченными. Вражеские наблюдатели обнаружили десантные средства лишь в 100-200 м от берега. В 4 ч. 10 мин. почти одновременно к Мологе, Чигирам Сухим и Шабо подошли передовые отряды первого эшелона десанта. Противник открыл огонь из артиллерийских орудий, минометов и пулеметов. Наша береговая артиллерия по сигналу с головных шлюпок штурмовых отрядов открыла огонь. Она подавляла вражеские огневые точки в прибрежной черте на участках высадки. Встреченные интенсивным огнем, десантники продолжали движение к берегу под прикрытием дымзавес, выставленных катерами-дымзавесчиками.

Пример десантникам первого отряда второй группы высадки показал старший лейтенант К.И. Бутвин, первым прыгнувший в воду и увлекший за собой бойцов усиленной роты 369-го отдельного батальона морской пехоты, которые решительным броском овладели первой линией траншей, прочно закрепились на берегу и обеспечили высадку первого эшелона десанта. Также смело и решительно действовали десантники первой группы высадки в районе Мологи, Чигиры Сухие под командованием капитана 3 ранга А.И. Шальнова. Десантные подразделения первого эшелона быстро захватили участки высадки и несмотря на контратаки противника смело пошли вперед. С первым эшелоном десанта высадился

и командир 83-й отдельной бригады морской пехоты полковник Л.К. Смирнов с офицерами своего штаба майорами И.С. Загребой и П.П. Татаринцевым. Прямо на берегу лимана они развернули передовой командный пункт и руководили высадкой десанта.

Успешной высадке десанта во многом способствовали смелые и решительные действия отряда бронекатеров под командованием Героя Советского Союза капитан-лейтенанта В.И. Великого, прорвавшегося в Днестровский лиман через Царьградское гирло, простреливаемое противником из всех видов оружия. Прорвавшиеся бронекатера под прикрытием дымзавес, поставленных тремя самолетами, открыли огонь с дистанции 600-800 м по артиллерийской батарее врага в крепости Аккерман. Подавив ее в течение десяти минут, они, маневрируя вдоль западного берега лимана, вели огонь по огневым точкам и живой силе противника, а затем перешли на обеспечение переправы наших войск.

Большую помощь десантникам оказала авиация флота. С 0 ч. 00 мин. и в течение всей ночи 22 августа тридцать самолетов Пе-2 произвели 110 самолето-вылетов, подавив огонь четырнадцати артиллерийских огневых точек, взорвав два склада боеприпасов и вызвав тридцать один очаг пожаров. Днем 22 августа 67 штурмовиков Ил-2 в сопровождении 36 истребителей ЛАГГ-3 отдельными группами уничтожали технику и живую силу противника в районе Аккермана. Сорок восемь истребителей в течение дня 22 августа прикрывали плавсредства десанта и высадившиеся войска на побережье, бомбардировали огневые точки противника. Такую же высокую активность авиация Черноморского флота проявила и 23 августа. Самолеты противника, за исключением разведчиков, не появлялись [9].

Для ускорения высадки 2-го эшелона были привлечены все наличные силы Дунайской флотилии. Вскоре была переправлена 255-я морская стрелковая бригада, некоторые специальные подразделения, танки, а автомобили-амфибии с автоматчиками на борту преодолели лиман своим ходом. Если высадка первого эшелона десанта была осуществлена сравнительно быстро, то бои непосредственно за Аккерман носили ожесточенный характер. Немецко-фашистское командование, подбрасывая резервы, упорно стремилось противодействовать соединению обеих групп десанта у Аккермана. К исходу 22 августа крепость Аккерман была полностью очищена от врага. В боях за Аккерман противник потерял 300 чел. убитыми и 700 ранеными.

Советские войска, форсировавшие лиман, овладели его западным побережьем в сорок километров по фронту и глубиной более пятнадцати километров, благодаря чему были созданы условия для переправы всех войск десантной группы 46-й армии. К 20 ч. 00 мин. 22 августа силами Дунайской флотилии через Днестровский лиман было переправлено 8022 чел., 124 орудия всех калибров, 51 миномет, 8 танков, 82 автомашины, 38 мотоциклов, 179 лошадей, 114 т боеприпасов и более 50 т других грузов. К исходу 23 августа главные силы 3-й румынской армии в составе пяти дивизий были окружены между реками Когильник и Хаджидер в районе Татарбунары, Сатул-Ноу, Байрамча, Кулевча. Дунайская флотилия, оставив часть кораблей для обеспечения переправ через лиман, начала подготовку к прорыву в дельту Дуная.

Успешное форсирование Днестровского лимана силами десантной группы войск 46-й армии при содействии авиации Черноморского флота, береговой артиллерии и кораблей Дунайской флотилии имело важное значение для приморского фланга 3-го Украинского фронта. Высадка десанта на западное побережье лимана решающим образом повлияла на последующее сосредоточение войск и техники 46-й армии, завершившей окружение и ликвидацию аккерманской группировки врага.

Характерными чертами этой операции являются правильный выбор сил и средств, скрытность планирования и подготовки, внезапность высадки крупного десанта на широком фронте, хорошо организованное взаимодействие, непрерывное и гибкое управление разнородными силами Красной Армии и Военно-Морского Флота. Действия матросов, старшин и офицеров Дунайской флотилии, Сухопутных войск и морских летчиков отличались высоким воинским мастерством, организованностью и беззаветной храбростью, что обеспечило успешное выполнение боевой задачи.

Многие офицеры, старшины и матросы Дунайской флотилии за участие в этом десанте были награждены орденами и медалями Советского Союза, а пяти наиболее отличившимся десантникам: командиру роты морской пехоты капитану И.С. Ельцову, командиру пулеметной роты старшему лейтенанту А.В. Зацепину, командиру взвода разведки старшему лейтенанту Н.В. Терещенко, командиру противотанкового орудия старшему сержанту И.Р. Халикову и командиру отделения разведчиков старшине 1 статьи П.А. Морозову присвоены звания Героев Советского Союза.

После форсирования Днестровского лимана и начавшегося успешного наступления войск 46-й армии на Приморском направлении важнейшей задачей Дунайской флотилии и 2-й бригады торпедных катеров Черноморского флота являлся прорыв в дельту Дуная для борьбы с силами флота противника и нарушения его переправ. Решение этих задач требовало в первую очередь высадки десантов. Исходя из обстановки командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Ф.И. Толбухин отдал приказ Дунайской флотилии: отрезать пути возможного отхода противника через Кундукскую косу и прорваться в дельту р. Дунай.

Командующий Дунайской флотилией контр-адмирал С.Г. Горшков принял решение в ночь на 24 августа высадить десант в район Жебриян, чтобы не допустить отхода противника к переправам Вилково и овладеть районом Вилково – Килия Новая с целью последующего прорыва в дельту Дуная. Для выполнения этой задачи были выделены следующие силы: 26 бронекатеров, 5 сторожевых катеров, 7 минометных катеров и 8 катеров-тральщиков, 369-й и 384-й отдельные батальоны морской пехоты. Кроме того, 22 августа 1944 г. был сформирован Береговой отряд сопровождения (БОС) в составе роты морской пехоты 369-го отдельного батальона морской пехоты, минометной и четырех артиллерийских батарей, взвода бронемашин и взвода саперов.

В 22 ч. 15 мин. 23 августа десантный отряд под командованием капитана 3 ранга П.И. Державина направился прибрежными фарватерами к Жебриянам. За полтора часа до выхода жебрияновской группы кораблей вышел в море отряд прорыва в дельту Дуная под командованием капитана 2 ранга П.В. Давыдова. Переход десантных отрядов прошел организованно и скрытно, не был обнаружен противником. В 4 ч. 30 мин. 24 августа бронекатера начали высадку десанта в Жебрияны. Она прошла без единого выстрела и через 15 минут была закончена, оказавшись совершенно неожиданной для противника. Десантники майора Ф.Е. Котанова действовали решительно и смело. Врываясь во вражеские траншеи, они истребляли сопротивляющихся солдат и офицеров противника, быстро продвигаясь непосредственно к Жебриянам.

Десантники, поддержанные артиллерийским огнем бронекатеров, в течение трех часов овладели Жебриянами и вышли к основанию косы Кундук, отрезав части противника, отходившие по этой косе. Командир десанта оставил шестьдесят человек у основания косы Кундук, которые закрепились в захваченных окопах противника, имея задачу преградить путь отхода вражеским частям. Остальные десантники продолжали очищать от противника окрестности Жебриян. В 7 ч. 30 мин. 24 августа рота десантников в количестве восьмидесяти человек начала продвижение на юг по дороге Жебрияны – Вилково для захвата переправ противника и содействия с берега высадке десанта в Вилково с кораблей 4-й бригады.

Во время боя за Жебрияны десантниками, огнем корабельной артиллерии и авиации Черноморского флота было уничтожено до 1500 солдат и офицеров врага, взято в плен 4800 чел., в том числе 3800 гитлеровцев [10]. Высадка десанта в Жебрияны лишила приморскую группировку противника возможности выйти из окружения в сторону Вилково и обеспечила прорыв кораблей флотилии в дельту Дуная.

В 6 ч. 35 мин. 24 августа корабли Дунайской флотилии начали прорыв в Килийское гирло Дуная. Командирам тактических групп было дано указание о переразвертывании для прорыва всем первым эшелоном через Потаповский канал и Очаковский рукав. В 9 ч. 00 мин. 24 августа бронекатера №№ 232 и 234 под командованием старшего лейтенанта Ю.Н. Калагурова первыми подошли к Вилково. Выше Вилково шла интенсивная переправа войск противника на южное побережье Килийского гирла.

Выполняя приказание о срыве отхода вражеских войск за Дунай, отряд бронекатеров старшего лейтенанта Ю.Н. Калагурова, усиленный еще двумя бронекатерами в 9 ч. 30 мин. прорвался к переправе противника в трех километрах выше Вилково, своим огнем подавил вражеские артиллерийские и минометные батареи, рассеял скопление войск на левом берегу. Одновременно с этим на левый берег Дуная был высажен десант, который при поддержке бронекатеров овладел подступами к переправе. Огнем бронекатеров было истреблено и рассеяно до батальона немцев. Десантники взяли в плен более двухсот солдат и офицеров противника. К этому времени к Вилково подошли, ведя огонь и прикрываясь дымзавесами, остальные бронекатера и минометные катера 4-й отдельной бригады речных кораблей и высадили на восточной окраине Вилково десант. Вилковский гарнизон противника был разгромлен. В боях за Вилково было уничтожено более 300 вражеских солдат и офицеров, 2000 чел. взято в плен, захвачены значительные трофеи.

К вечеру 24 августа в Вилково прибыла 2-я бригада торпедных катеров Черноморского флота. В ночь на 25 августа командир 4-й отдельной бригады речных кораблей получил от командующего флотилией приказание принять в Вилково 80 чел. 613-й штурмовой роты морской пехоты и высадить их в Килию Новой. Отряд в составе пяти бронекатеров под командованием капитан-лейтенанта С.И. Борботько, преодолев сопротивление противника, в 4 ч. 50 мин. высадил 80 десантников в Килию Новую, которые при артиллерийской поддержке бронекатеров к 6 ч. 30 мин. 25 августа овладели портом, а к 7 ч. 50 мин. г. Килия Новая был полностью очищен от противника. Было уничтожено 500 и взято в плен свыше 2000 солдат и офицеров противника.

Во второй половине дня 26 августа был получен приказ о занятии порта Тульча. Два бронекатера №№ 132 и 134 под командованием капитан-лейтенанта С.К. Фрозе, приняв в Измаиле стрелковую роту 5-й гвардейской стрелковой бригады, в 16 ч. 10 мин. вошли в Тульчинский рукав, чтобы заблокировать Сулинское гирло Дуная на случай возможного прорыва из Сулины кораблей противника для противодействия нашим кораблям, двигавшимся вверх по Дунаю. В 16 ч. 40 мин. десант был доставлен на остров Измаильский Чатал. Не обнаружив противника, десант снова погрузился на катера и в 18 ч. 00 мин. высадился в Тульче. Десантники быстро заняли склады и выходы из порта, чтобы предотвратить вывоз из

него ценного имущества.

Бронекатера блокировали Тульчинскую группу кораблей румынской Дунайской речной дивизии, а пехотинцы 5-й гвардейской стрелковой бригады под прикрытием бронекатеров обезоружили и взяли в плен более 200 гитлеровцев, освободили тысячи советских военнопленных. Занятие Тульчи подразделениями 5-й гвардейской стрелковой бригады и бронекатерами Дунайской флотилии обеспечило безопасную переправу войск 37-й и 57-й армий 3-го Украинского фронта, имевших задачей очистить Северную Добруджу от войск противника и выйти к румыно-болгарской границе.

После прорыва Дунайской флотилии в Килийское гирло Дуная гитлеровское командование пыталось организовать оборону на рубеже Сулинского гирла. В ночь на 26 августа 384-й отдельный батальон морской пехоты, переправленный на правый берег Дуная в районе Вилково, с боем овладел селением Периправа, а затем, совершив в течение дня 26 августа в условиях бездорожья сорокакилометровый переход, в 18 ч. 00 мин. ворвался в Сулину и занял левобережную (северную) ее часть, завязав бой за город. В 19 ч. 00 мин. 27 августа, обойдя по мелкому захламленному, трудно проходимому каналу приморский укрепленный узел сопротивления врага с тыла, в Сулину ворвались бронекатера 4-й отдельной бригады речных кораблей с десантом на борту. Сулинский гарнизон противника численностью в 1400 чел. сложил оружие. К исходу 27 августа войска 3-го Украинского фронта совместно с Черноморским флотом и его Дунайской флотилией овладели всеми приречными узлами сопротивления противника от устья Дуная до Галаца. Стремительные десантные действия моряков-дунайцев позволили в течение четырех дней обеспечить за собой господство в обширном районе нижнего течения реки, что способствовало успеху наступления войск левого крыла 3-го Украинского фронта.

30 августа наши войска овладели крупнейшим нефтеносным районом Румынии Плоешти, а утром 31 августа войска 2-го Украинского фронта вступили в Бухарест. Красная Армия ликвидировала угрозу Бухаресту со стороны гитлеровских захватчиков, готовившихся штурмовать восставший город, и закрепила победу народного вооруженного восстания в Румынии. Этими действиями советских войск завершилась Яско-Кишиневская наступательная операция.

Библиографический список

1. История второй мировой войны 1939-1945 гг. М.: Воениздат, 1978. Т. 9. С. 98.
2. Локтионов И.И. Дунайская флотилия в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат. 1962. С. 75.
3. История второй мировой войны 1939-1945 гг. М.: Воениздат, 1978. Т. 9. С. 107.
4. Отделение Центрального Военно-Морского Архива (ОЦВМА). д. 14014. л. 20.
5. История второй мировой войны 1939-1945 гг. М.: Воениздат, 1978. Т. 9. С. 108.
6. Центральный Военно-Морской Архив (ЦВМА). ф. 2. оп. 06023. д. 74. л. 60.
7. Центральный Военно-Морской Архив (ЦВМА). ф. 2. оп. 06023. д. 74. лл. 19-20
8. Пышкин А.Я. По велению долга. Москва: Воениздат. 1967. с. 57
9. Сборник материалов по боевой деятельности ВМФ СССР № 26. М.-Л.: Военмориздат НК ВМФ СССР, 1945. С. 87.
10. Отделение Центрального Военно-Морского Архива (ОЦВМА). д. 14014. л. 58.

O.I. Verbovoi

*Naval Polytechic Institute
Sanct-Petersburg*

olozor06@rambler.ru

LANDING ACTIONS OF THE DANUBE FLOTILLA IN YASSKO-KISHINEVSKY OFFENSIVE OPERATION

This article is devoted to the participation of the Danube Flotilla in Yassko-Kishinevsky offensive operation. In the summer 1944, Soviet troops reached the left bank of the Dniester River from the Dnestr estuary to the city of Dubossary. A further offensive on the southern wing of the Soviet-German front was to unfold in the Danube basin, where there was a serious threat of mines and deployed major naval forces of the enemy. The successful solution of the tasks required of offensive organization active interaction Navy, Army and Air Force. The Danube Flotilla, reconstituted in April 1944, was fully prepared to carry out the whole complex of tasks to promote the Soviet ground forces in the Danube basin. The author explores the unique experience of amphibious fleet actions during the crossing of the Dnestr estuary in the lower reaches of the Danube, reveals the correlation of forces of the opposing sides, their plans, the level of training and the nature of actions in the most difficult conditions. This highlights mature and creative nature of the decisions taken by the command of the Danube fleet, the courage and heroism of the sailors Danubians manifested in the struggle against the Nazi forces and their allies.

Keywords: Danube military flotilla, Kerchinsky crew of armoured launches, sector of the coastal defense, separate antiaircraft artillery division, coastal group of the maintenance, separate battalion of marines, paratrooper, commodore, mechanic.

И.А. Еремин

*Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул*

iaeremin61@yandex.ru

ТРУДОУСТРОЙСТВО ИНВАЛИДОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В статье анализируется деятельность государственных, местных органов власти и общественных организаций по оказанию помощи раненым и больным воинам, инвалидам русской армии в деле трудоустройства и реабилитации в годы Первой мировой войны. Большой объем работы был проделан министерствами путей сообщения, народного просвещения, торговли и промышленности, другими министерствами и ведомствами, в учреждениях которых можно было найти возможности для трудоустройства инвалидов, командованием Омского военного округа. Государственные структуры самым тесным образом взаимодействовали с многочисленными общественными организациями. С 1915 г. к решению вопросов, связанных с трудоустройством инвалидов подключилась «Особая Комиссия по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших во время настоящей войны, а также их семей» под председательством Великой княгини Ксении Александровны. Не осталось в стороне от оказания помощи раненым и больным воинам православное духовенство. Для медицинского ухода за солдатами, потерявшими здоровье на войне, в Западной Сибири развернулось строительство Домов инвалидов. В финансировании этих проектов значимое место принадлежало благотворительным пожертвованиям. Взаимодействие государственных, местных органов власти и общественных организаций Западной Сибири в деле оказания помощи в трудоустройстве и реабилитации больных, раненых и «увечных воинов» во многом предопределило успешность решения этой сложной задачи. Объединение усилий государства, общественных организаций и инициативы отдельных граждан в оказании помощи фронтовикам, потерявшим трудоспособность на войне, дало возможность тысячам инвалидов войны найти свое место в мирной жизни.

Ключевые слова: Главное управление почт и телеграфов, инвалиды, Западная Сибирь, Министерство народного просвещения, Министерство путей сообщения, Министерство торговли и промышленности, Первая мировая война, помощь раненым воинам, реабилитация, трудоустройство.

Одним из направлений помощи раненым солдатам в Западной Сибири в годы Первой мировой войны была работа по трудоустройству возвращающихся с фронта инвалидов, которых называли «увечными воинами». Прежде всего к решению этой проблемы подключились министерства и ведомства, в учреждениях которых можно было найти возможности для трудоустройства инвалидов. Они тесно взаимодействовали с созданными в регионе губернскими и областными «попечительными о раненых и больных воинах комитетами», призванными помочь обустроить раненых фронтовиков в мирной жизни. Эти организации своими главными задачами считали оказание «всесторонней помощи» раненым и больным воинам «как лечением их», так и организацией мероприятий, направленных на привлечение к труду вернувшихся с фронта инвалидов. С этой целью они предполагали открытие школ и мастерских разного типа и специальностей «по всевозможным отраслям труда», «показательных» пашек, организаций по огородничеству, пчеловодству, животноводству и т. п., где потерявшие на войне здоровье солдаты могли получить необходимые для трудоустройства в мирной жизни знания¹.

Весной 1915 г. Министерство путей сообщения, в целях обеспечения заработком лиц, пострадавших от войны и частично потерявших трудоспособность, обратилось в Томский округ путей сообщения с предложением оказать конкретную помощь данной категории лиц. Главное управление почт и телеграфов в начале 1916 г. разрешило заменить до 50 % «существующего штата рассыльных и сторожей в почтово-телеграфных учреждениях» инвалидами войны, «сохранившими известную трудоспособность». К началу апреля 1916 г. на почтово-телеграфной службе по стране было трудоустроено 1085 раненых воинов. Командование Омского военного округа обратилось с призывом к гражданским и военным властям региона информировать «пострадавших в текущую войну нижних чинов» о возможностях трудоустройства в учреждениях почтово-телеграфного ведомства².

В связи с открытием в это время в Томском почтово-телеграфном округе 150 почтовых отделений губернские власти обратились к крестьянским начальникам и заведующим переселенческими подрайонами с просьбой сообщить сведения о раненых воинах, «которые по своему развитию и достаточной грамотности... могли бы занять должности по почтово-телеграфному

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 219. Оп. 1. Д. 49. Л. 270.

² Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 2992. Л. 26, 26 об.

ведомству». Волостные правления региона оперативно прислали вышестоящему начальству списки с десятками претендентов на должности почтово-телеграфных служащих³.

Не осталось в стороне от оказания помощи инвалидам и Министерство народного просвещения. В сентябре 1916 г. оно направило циркуляр руководству Западно-Сибирского учебного округа, в котором призвало своих подчиненных «всемерно содействовать делу обучения увечных воинов в пределах учебного округа организацией для них курсов и мастерских». В край были назначены главноуполномоченные Министерства «по организации профессионального обучения увечных воинов». Все районы округа на территории региона через инспекторов, местные власти и руководителей учебных заведений подключились к решению поставленной задачи. Так, откликнувшись на просьбу инспектора народных училищ 2-го района Крючкова, Барнаульская гордума в ноябре 1916 г. рассмотрела вопрос об организации при местных высших мужских начальных училищах курсов для «увечных воинов» и приняла решение об использовании слесарно-токарной мастерской 1-го мужского училища для обучения 20 инвалидов «столярно-токарному делу»⁴.

Большое внимание власти Западной Сибири уделяли организации обучения «увечных воинов». В решении этой задачи развитие «кустарного дела» повсеместно было признано неотложным и имеющим большое значение. Свой вклад в дело помощи «увечным воинам» найти работу в мирной жизни пытались внести различные общественные и благотворительные организации. В Кургане местное отделение «Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям» открыло общежитие для раненых воинов, где жильцы получали начальное образование и профессиональную подготовку писаря, слесаря, сапожника и маслодела. Такое же общежитие общества функционировало в Омске, где осенью 1916 г. различную помощь получало более 1250 человек [2, 165].

К решению вопросов, связанных с трудоустройством инвалидов, с 1915 г. подключилась «Особая Комиссия по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших во время настоящей войны, а также их семей» под председательством Великой княгини Ксении Александровны. На эту комиссию возлагалась задача разрабатывать и осуществлять мероприятия «по приискам занятий и работ нуждающимся в том лицам, которые, состоя на службе в действующих армиях... отчасти утратили трудоспособность вследствие ран, увечий или болезни, вызванных условиями военного времени». По ее просьбе Горный департамент Министерства торговли и промышленности обратился в апреле 1915 г. к начальникам местных учреждений горного ведомства с просьбой сообщить, «какие именно должности могли бы быть предоставлены увечным в ведомстве Министерства торговли и промышленности». Откликнувшись на эту просьбу, в мае 1915 г. контора Кольчугинского рудника акционерного общества Кузнецких каменноугольных копей сообщила, что здесь готовы принять на работу инвалидов на должности слесарей, машинистов, каменщиков, плотников, печников и чернорабочих. Контора Гурьевского завода этого же акционерного общества выразила готовность предоставить «увечным воинам» должности сторожей – «при целости правой руки и обеих ног или же при отсутствии одной из ног не ниже колена и сохранности рук», а также коннорабочих – «при незначительных ранениях тела или потерявших один глаз»⁵.

В Томской губернии были предприняты усилия по созданию здравницы для реабилитации раненых, больных и «увечных воинов» в районе современной Белокурихи. В начале 1916 г. Бийский отдел «Сибирского общества помощи раненым воинам» возбудил ходатайство перед начальником Алтайского округа о разрешении построить на белокурихинских лечебных ключах барак на 10 ванн и общежитие на 50 больных солдат. Начальник округа В.П. Михайлов не только поддержал это ходатайство, но и высказал пожелание «чтобы барнаульские общества – Сибирское и Алтайский Дамский комитет Красного Креста – соединились в этом деле с бийчанами, общими силами устроили источники и эксплуатировали до тех пор, пока будет ощущаться нужда в лечении участников настоящей войны». Он особо подчеркнул, что «никакой арендной платы за ключи с этих обществ не потребуется, а наоборот, он окажет поддержку в виде отпуска лесных материалов». Идею создания западносибирской здравницы под Бийском активно поддерживал инспектор судоходства Томского округа путей сообщения граф В.И. Головин. Он создал в Томске Особый комитет, который занимался сбором пожертвований на территории региона для осуществления намеченных планов [1, 218].

Для медицинского ухода за солдатами, потерявшими здоровье на войне, в Западной Сибири развернулось строительство Домов инвалидов. В финансировании этих проектов значимое место принадлежало благотворительным пожертвованиям. Открытие Дома инвалидов в г. Томске летом 1916 г. было приурочено к 25-летней годовщине посещения города Николаем II. Дом носил имя

³ ГААК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 60. Л. 126, 141, 142.

⁴ ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 150. Л. 1, 2, 5, 7.

⁵ ГААК. Ф. 160. Оп. 4. Д. 819. Л. 35, 35 об., 26, 27, 28.

царствующего монарха. В Новониколаевске 5 июня 1916 г. в торжественной обстановке при большом скоплении горожан была проведена церемония закладки Дома инвалидов. В фундамент строящегося здания была вложена медная доска, надпись на которой гласила о том, что Дом инвалидов создавался «Обществом увековечения памяти героев Великой мировой войны, возникшей в 1914 году» [1, 219]. Из-за революционных событий 1917 г. Дома инвалидов в Новониколаевске и Омске построены не были.

Помощь раненым и больным воинам была в центре внимания Православной церкви. Для оказания помощи раненым Святейший Синод по определениям от 20 июля, 5 ноября, 19 декабря 1914 г. и 27 мая 1915 г. призвал все православные монастыри, церкви, духовенство и все учреждения духовного ведомства к пожертвованиям «на врачевание раненых и больных воинов, к устройству собственных лазаретов, к отводу и приготовлению всех свободных и могущих быть свободными помещений под госпитали для раненых и больных воинов... к устройству... убежищ для выздоравливающих воинов, к организации среди увечных воинов соответственного их силам производительного труда»⁶.

Православное духовенство Западной Сибири старалось сделать что-то конкретное по всем вышеназванным направлениям помощи раненым воинам. Церкви и монастыри сообщали в Консistorии о решениях принять «на полное содержание» определенное число «увечных воинов» и обучить их сапожному и швейному мастерству⁷.

После Февральской революции 1917 г. основное внимание в деле оказания помощи раненым и больным воинам было обращено на интеграцию инвалидов войны в мирную жизнь. По планам российского правительства, «военноувечные» должны были составить «кадр сидельцев в казенных лавках». По его распоряжению по всей стране создавались городские и уездные «Комитеты помощи военноувечным». Они должны были помогать в трудоустройстве инвалидов «путем устройства различных мастерских». Такие комитеты были организованы в этот период и в Западной Сибири. Для увечных воинов они организовывали подготовительные курсы, в том числе «по кооперации, письмоводству и счетоводству». Забота о трудоустройстве увечных воинов в регионах Западной Сибири продолжилась и после установления советской власти⁸.

Таким образом, взаимодействие государственных, местных органов власти и общественных организаций Западной Сибири в деле оказания помощи в трудоустройстве и реабилитации больных, раненых и «увечных воинов» во многом предопределило успешность решения этой сложной задачи. Ее решение значительно осложняли продолжающаяся Первая мировая война, общественные и социальные катаклизмы в российском обществе. Объединение усилий государства, общественных организаций и инициативы отдельных граждан в оказании помощи фронтовикам, потерявшим трудоспособность на войне, дало возможность тысячам инвалидам войны найти свое место в мирной жизни.

Библиографический список

1. Горелов Ю.П. Западная Сибирь в мировых войнах XX века: монография: в 2 кн. / Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов. Кн. 1. Западная Сибирь в Первой мировой войне. Барнаул: ОАО «Алтайский Дом печати», 2014.
2. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах XX века. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003.

I.A. Eremin

*Altai State Pedagogical University
Barnaul*

iaeremin61@yandex.ru

RESETTLEMENT OF DISABLED SOLDIERS OF FIRST WORLD WAR IN THE WEST SIBERIA

In the article it is analyzed the activities of the state, local authorities and non-governmental organizations to provide assistance to the wounded and sick soldiers, invalids of the Russian army in the employment and rehabilitation during the First World War. Much of the work has been carried out by the Ministry of Railways, Education, Trade and Industry, and other ministries and departments, institutions that could find employment opportunities for the disabled, the command of the Omsk Military District. State structures closely interacted with numerous community organizations. From 1915 to address issues

⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 3. Д. 4988. Л. 1.

⁷ ГАТО. Оп. 4. Д. 522. Л. 5, 5 об.

⁸ ГААК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 699. Л. 3, 4, 5, 5 об., 7, 9, 12, 14

related to the employment of disabled people joined “Special Commission on the charity of military officials and others who suffered during the present war, and their families”, chaired by the Grand Duchess Xenia Alexandrovna. It does not stay away from the provision of assistance to the wounded and sick soldiers of the Orthodox clergy. For medical care for soldiers who have lost health in the war unfolded in the Western Siberia, the construction of houses of persons with disabilities. In the financing of these projects significant role belonged to charitable donations. Interaction of the state, local authorities and public organizations of Western Siberia in the provision of employment assistance and rehabilitation of sick, injured and “maimed soldiers” largely determined the success of the solutions to this complex problem. Combining the efforts of the state, public organizations and initiative of individual citizens in helping veterans who have lost the ability to work in war, it gave the opportunity to thousands of disabled veterans to find their place in civilian life.

Keywords: General Directorate of Posts and Telegraphs, disabled, Western Siberia, Ministry of Education, Ministry of Railways, Ministry of Trade and Industry, First World War, aid to the wounded soldiers, rehabilitation and employment.

УДК а970/980

А.Ф. Калинин

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

nvvku@list.ru

РУССКИЕ ВОИНЫ НА АМЕРИКАНСКИХ ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ

В статье рассматривается участие русских белоэмигрантов в войне за независимость Парагвая 1932-1935 гг., получившей название «Чакская война». Данная война в отечественной историографии практически не рассматривалась и неизвестна абсолютному большинству наших граждан. Автор раскрывает причины и цели войны, показывает соотношение сил противоборствующих сторон, анализирует ход и исход войны. По мнению автора, одним из источников победы Парагвая в войне с Боливией явилось участие в данной войне на стороне парагвайского правительства русских офицеров и казаков из числа белоэмигрантов, нашедших в Парагвае свою вторую родину. Всего в парагвайской армии находилось на службе около 3000 русских военных специалистов. В статье содержатся краткие сведения о биографиях некоторых из них (Иван Тимофеевич Беляев, Степан Леонтьевич Высоколян, Николай Францевич Эрн), оставивших наиболее яркий след в военной истории Парагвая. Русские люди проявили на американских полях сражений героизм, мужество, боевую выучку, высокие человеческие качества и тем самым заслужили право остаться навечно в памяти благодарных потомков.

Ключевые слова: Чакская война, Лига Наций, Боливия, Парагвай, русское зарубежье, Белое движение, историческая память, русские офицеры, итоги и уроки войны.

С 11 по 22 февраля 2016 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил исторический визит в Латинскую Америку, где на Кубе встретился с главой римской католической церкви Франциском I. Эта встреча глав двух христианских церквей произошла впервые с 1054 г., т. е. с момента их раскола, и вселила в сердца всех христиан надежду на их сближение в условиях растущей террористической угрозы со стороны исламских фундаменталистов.

Но в свете этой исторической встречи несколько отошел в тень визит Патриарха в Парагвай, где 15 февраля он побывал на Русском участке центрального городского кладбища Реколета. Это место знаменательно тем, что в 30-е гг. XX в. оно стало местом захоронения русских эмигрантов, вступивших добровольцами в армию Парагвая и погибших на полях сражений Чакской войны (1932-193 гг.). Затем Патриарх Кирилл в Доме общества офицеров в отставке Вооруженных Сил Парагвая посетил мемориальный зал героев Чакской войны и встретился с соотечественниками и потомками эмигрантов из России. Естественно, что у современных граждан России возникают по этому поводу определенные вопросы: а) что это за неизвестная война, в которой принимали участие и гибли представители России?; б) как оказались наши соотечественники на далекой американской земле?; в) какова их роль в этой войне? Автор, заинтересовавшись данной проблемой, поставил перед собой цель ответить на эти вопросы, причем в первую очередь рассказать о русских людях, сыгравших столь значительную роль в истории Парагвая. Важнейшим итогом Октябрьской революции и Гражданской войны в России стало образование нового Советского государства, аналогов которому не знала мировая история. Однако параллельно с Советским государством возникла уникальная общность – Россия в изгнании, русское зарубежье, ядром которого долгое время являлось Белое движение, потерпевшее сокрушительное поражение от советской власти и ушедшее в изгнание. В результате возник уникальный исторический феномен самобытного существования наших соотечественников вне рамок собственной государственности.

В исторической науке сегодня все заметнее пробивает себе дорогу тенденция объективного подхода к рассмотрению итогов и уроков Гражданской войны, а также места и роли в ней Белого движения. После поражения от Красной Армии многие казачьи дивизии были вынуждены покинуть Россию и искать прибежище в европейских странах. Но Европа оказалась слишком тесной для наших соотечественников, поэтому командование Белой армии приняло решение о передислокации части своих сил в Латинскую Америку. Из нескольких стран только Парагвай дал согласие на прохождение последних остатков казачьих войск с полным вооружением по своей территории. Таким образом, в 1922 г. в этой стране возникли первые казачьи поселения.

В 1932 г. началась крупномасштабная война между Парагваем и соседней Боливией. Как отмечают некоторые исследователи, это была самая кровопролитная война XX в. в Латинской Америке. Ее причиной стала спорная область Гран-Чако, находящаяся на территории Парагвая, Аргентины и Боливии и которая практически никем не осваивалась. Ее площадь в 250000 кв. км составляла 60 % территории Парагвая. Значительная часть данной территории была покрыта сельвой (влажными тропическими джунглями), где в числе прочих обитали племена дикарей-людоедов «морос», наводящие страх даже на местных индейцев гуарани.

Пограничные споры между странами, особенно между Парагваем и Боливией, относительно области Чако тянулись десятилетиями, так как эта территория даже не была отражена на географических картах. Когда в 1928 г. в Чако были обнаружены признаки нефти, стало совершенно очевидно, что войны не избежать. Это подтвердилось уже 22 августа, когда на границе произошел первый бой отряда боливийской милиции с парагвайским кавалерийским отрядом. 6 декабря боливийские войска вторглись на территорию Парагвая и захватили в Чако форт Вангвардия, а в январе 1929 г. три боливийских самолета бомбили парагвайский укрепленный пункт у городка Байл-Негро. В вооруженный конфликт была вынуждена вмешаться Лига Наций, куда входили практически все страны Латинской Америки. Боевые действия на некоторое время прекратились.

16 сентября 1929 г. было подписано соглашение о перемирии между конфликтующими странами, а в апреле 1930 г. Боливия и Парагвай начали переговоры о восстановлении дипломатических отношений, которые успешно завершились 1 мая.

Позиции латиноамериканских стран в их отношении к конфликту были неодинаковы. Чили поддержала Боливию, опасаясь, что она может силой получить выход к Тихому океану, что означало бы вероятность отторжения Боливией части чилийской территории. В отличие от Чили Бразилия не поддержала в конфликте ни одну из сторон и предложила им посреднические услуги.

Но нефтяной запах достиг Соединенных Штатов Америки. Американская нефтяная корпорация «Стандарт Ойл», чувствуя поддержку государства, встала на сторону Боливии, которая рассчитывала помимо экономических выигрышей от эксплуатации месторождений улучшить свои геополитические позиции в регионе. В случае захвата Чако она получала бы порт на реке Парагвай и возможность выхода для танкерной транспортировки нефти к Атлантическому океану по реке Ла-Плата. Но политика всегда неотделима от экономики, а с экономической точки зрения вооруженный конфликт между Парагваем и Боливией был вызван острым соперничеством американской «Стандарт Ойл» и британско-голландской «Ройял Датч Шелл», каждая из которых стремилась монопольно распоряжаться нефтью Чако. «Стандарт Ойл» при поддержке президента Рузвельта обеспечила американскую военную помощь боливийскому режиму, направляя ее через Перу и Чили. В свою очередь «Шелл», используя Аргентину, союзницу Лондона, усиленно вооружала Парагвай.

Ситуация в регионе обострилась в начале 1932 г. 10 мая правительство Парагвая после захвата боливийцами форта Карлос Антонио Лопес объявило страну в состоянии войны с Боливией. 15 июня боливийские войска внезапно атаковали парагвайскую армию. Так началась война между Парагваем и Боливией, вошедшая в историю как Чакская война, и ставшая, по сути, войной за независимость и территориальную целостность Парагвая. В этих условиях правительство этой страны обратилось к русским эмигрантам с просьбой о помощи. В августе 1932 г. группа русских офицеров обсудила сложившуюся ситуацию. На этой встрече один из них, Николай Корсаков, обратился к собравшимся с пламенной речью: «Почти 12 лет назад мы потеряли нашу любимую Императорскую Россию, оккупированную силами большевиков. Сегодня Парагвай, эта страна, которая с любовью приютила нас, переживает тяжелые времена. Так чего же мы ждем, господа? Это же наша вторая родина и она нуждается в нашей помощи. Ведь мы же офицеры!». Следует сказать, что русские белоэмигранты составили ударную силу командования парагвайской армии, приведя ее в конечном итоге к победе в этой войне.

Условия, в которых началась война, были заведомо невыгодны для Парагвая. Перевес сил был явно на стороне Боливии: по людским ресурсам она превосходила Парагвай примерно в 3,5 раза. Это объясняется тем, что Парагвай пережил опустошительную войну с Аргентиной, Бразилией и Уругваем (1865-1870 гг.), после которой Парагвай лишился половины своей территории и около 80 % населения.

За 5 лет до войны военный бюджет Боливии в 3 раза превышал парагвайский, а соотношение по самолетам составляло 60:17 в пользу Боливии и т. д.

Оправившись от шока, вызванного внезапной агрессией, Парагвай объявил всеобщую мобилизацию, в результате которой численность вооруженных сил увеличилась в 20 раз: с 3000 до 60000 человек. Командование парагвайской армией принял волевой и энергичный полковник Хосе Феликс Эстигаррибия, а Генеральный штаб возглавил генерал Иван Тимофеевич Беляев (1875-1957).

И.Т. Беляев родился в Санкт-Петербурге в семье потомственного военного. Октябрьскую революцию встретил в звании генерал-майора, воевал в составе Добровольческой армии, а затем эмигрировал сначала в Аргентину, а в марте 1924 г. – в Парагвай, где устроился в Военную школу Асунсьона преподавателем фортификации и французского языка. Позднее он возглавит это военно-учебное заведение. В октябре 1924 г. по заданию министерства обороны Парагвая И.Т. Беляева направили в район Чако-Бореаль с целью нанести на карту основные географические ориентиры и закрепить границу между Парагваем и Боливией, что способствовало бы оттяжке войны. Исследование территории Чако в 1925-1932 гг. стало важным вкладом И.Т. Беляева и его немногочисленных русских спутников в мировую географическую и этнографическую науки. В результате 13 экспедиций И.Т. Беляев оставил обширное научное наследие в области географии, этнографии, климатологии и биологии этого края. Он изучил быт, культуру, языки и религии местных индейцев, составил первые словари: испанско-мокко и испанско-чамакоко. В 1934 г. И.Т. Беляев разработал и подал для рассмотрения в Палату депутатов парагвайского парламента проект закона о правах и привилегиях русских переселенцев. Этот проект предусматривал свободу вероисповедания, создание национальных школ, сохранение казачьих обычаев и традиций, общинного владения землей. Проект вводил полный запрет на продажу спиртных напитков ближе, чем за 5 км от создаваемых станиц. В нем отвергалась дискриминация приезжающих по возрасту, полу, имущественному положению. Все прибывающие освобождались на 10 лет от уплаты пошлины на ввоз имущества.

Вместе с Беляевым в боях за свободу и независимость Парагвая участвовали и другие наши соотечественники: генерал Эрн, майор Корсаков, капитаны Касьянов, Парфиненко, Салазкин, Бутлеров, Дедов, Чирков, Ширкин, Высоколян, лейтенанты Малютин, Канонников, Ходолей, братья Оранжеевы и ряд др. Отдел картографии Генерального штаба возглавлял Николай Голдшмидт, который подписывал полевые карты парагвайской армии того периода войны.

Бросим взгляд на биографии некоторых наших соотечественников, внесших большой вклад в войну за независимость Парагвая.

Николай Францевич Эрн (1879-1972) – выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1906 г.). Участник Первой мировой войны: в 1915 г. – начальник штаба 1-ой Кавказской дивизии, с 1916 г. – командир 18-го Драгунского Северского полка. С 1917 г. – генерал-майор. Участник Гражданской войны: в Добровольческой армии – помощник дежурного генерала штаба Главнокомандующего. После эвакуации из Крыма состоял при штабе Главнокомандующего в Сремски-Карловицы. С 1923 г. жил в Парагвае, преподавая в Военной академии. Активный участник войны с Боливией, генерал-лейтенант парагвайской армии. Похоронен в Асунсьоне.

Достаточно интересной личностью является Степан Леонтьевич Высоколян (по некоторым источникам – Высоколан). Этот человек в ходе боевых действий в Чако проявил себя так ярко, что к концу войны был уже начальником штаба одной из парагвайских дивизий, быстро прошел звания майора, подполковника, полковника, бригадного генерала, а затем и вовсе возглавил всю парагвайскую артиллерию, став в итоге первым иностранцем в истории страны, которому был присвоен чин генерала армии.

С.Л. Высоколян родился в простой крестьянской семье в селе Наливайко под Каменец-Подольском. Он окончил ускоренный курс Виленского военного училища и в 19 лет ушел добровольцем на фронты Первой мировой войны, где был пять раз ранен, а в 1916 г. был произведен в офицеры. В Гражданскую войну он сражался в рядах Белой армии. В ноябре 1920 г. вместе с остатками армии генерала П.Н. Врангеля прибыл в Галлиполи, затем переехал в Прагу, где в 1928 г. окончил физико-математический факультет местного университета со званием доктора наук по высшей математике и экспериментальной физике. В 1933 г. он окончил чешскую Военную академию, а уже в декабре этого же года прибыл в Парагвай и 5 марта 1934 г. был принят в парагвайскую армию в чине капитана. После войны на протяжении всей своей жизни работал в Парагвайском университете на кафедре физико-математических и экономических наук. Кроме того, он был профессором Высшей военной академии, Высшей морской академии и в Кадетского корпуса. В 1936 г. он был удостоен звания «почетного гражданина» Парагвайской Республики и награжден золотой медалью Военной академии Парагвая имени Франциско Солано Лопеса. С.Л. Высоколян скончался в Асунсьоне 31 июля

1986 г. на 91 году жизни и был с воинскими почестями похоронен на Южном Русском кладбище. По этому случаю в стране был объявлен национальный траур.

Всего же в парагвайской армии находилось на службе около 3000 русских, в том числе 2 генерала, 8 полковников, 4 подполковника, 13 майоров, 23 капитана и несколько десятков лейтенантов (всего около 80 офицеров). Сколько из них погибло и умерло от ран и лихорадки – никто не знает. Можно с уверенностью утверждать, что только участие русских офицеров и казаков способствовало организации десятков тысяч мобилизованных неграмотных парагвайских крестьян в боеспособную армию, которая защитила независимость своей страны.

Помимо широкого участия русских следует выделить еще одну особенность этой войны: на стороне Боливии воевали многие представители Германии, в частности, в 1929-1930 гг. там служил никому не известный тогда капитан Эрнст Рем, который позже станет главой службы безопасности СА и одним из помощников А. Гитлера. Большие надежды боливийская армия связывала с прибытием в страну немецкого генерала Ганса Кундта. Он родился в Мекленбурге в 1869 г. Закончив в 1899 г. Военную академию Генерального штаба, где изучал наряду с военными дисциплинами и русский язык, Г. Кундт в последующем служил в Генштабе и министерстве обороны Германии. В первый раз майор Г. Кундт попал в Боливию в 1911 г. в качестве военного советника. В боливийской армии он запомнился своей пунктуальностью и жесткой дисциплиной. Знаменитой стала фраза Кундта: «Тот, кто приходит раньше времени – плохой военный; тот, кто опаздывает – совсем не военный; военный лишь тот, кто приходит вовремя».

В 1914-1918 гг. Г. Кундт участвовал в Первой мировой войне, воевал на польском и галицийском фронтах, находясь в штабе генерала Макензена. Затем командовал полком и бригадой. В 1920 г., после капповского путча, в котором он был замешан, вновь вернулся в Боливию уже в звании генерал-майора, а 6 декабря 1932 г. президент этой страны Саламанка назначил его главнокомандующим боливийской армией, возлагая на него определенные надежды в достижении победы над Парагваем.

В конце декабря этого же года начальником Генерального штаба боливийской армии был назначен еще один немец – генерал фон Клюг.

Таким образом, накануне Второй мировой войны на американском континенте произошла своеобразная «мини-репетиция» будущих сражений армий России и Германии, их профессионализма, боевой выучки и силы духа, которая закончилась не в пользу последней. К концу 1935 г. боливийская армия, у которой практически не осталось больше войск, обратилась в Лигу Наций с просьбой о посредничестве в заключении мирного договора. 11 июня 1935 г. было подписано соглашение о прекращении огня. К этому времени Боливия потеряла убитыми 89000 солдат, Парагвай – 40000, в плену оказалась почти вся боливийская армия – 300000 человек.

После начала перемирия в Буэнос-Айресе открылась затянувшаяся на три года мирная конференция. Только в 1938 г. был подписан Договор о мире, дружбе и границах, в соответствии с которым Парагвай сохранял за собой три четверти территории Чако, а в обмен Боливия получила выход к реке Парагвай в узкой 20-километровой полосе. США в целом поддержали такое урегулирование, придавая особое значение тому обстоятельству, что оно было достигнуто на панамериканской основе. Но самое парадоксальное в этой войне состоит в том, что причина, по которой она произошла, оказалась несостоятельной: в Чако нефти не нашли! Она была обнаружена только в 2012 г.

Что же показала Чакская война помимо активного участия в ней представителей других стран, прежде всего России и Германии?

С точки зрения развития военного искусства выделим несколько принципиальных моментов:

во-первых, в ней в больших масштабах (по тем временам) использовалась авиация для снабжения окруженных войск, и этот опыт пригодился многим армиям в период Второй мировой войны;

во-вторых, это была первая война, где широко применялись пистолеты-пулеметы: они оказались весьма удобным оружием для скоротечных схваток в джунглях;

в-третьих, были убедительно продемонстрированы достоинства минометов: если во время Первой мировой войны они применялись только для окопной войны, то в Чакской войне оказались незаменимы для войны в джунглях, где была крайне полезна их навесная стрельба и несвойственная для обычной артиллерии мобильность (минометы в разобранном виде несколько солдат могли легко перенести по джунглям туда, куда боливийским гаубицам Шнейдера с их конными упряжками пройти было невозможно).

Политическим результатом Чакской войны была очередная демонстрация полной несостоятельности Лиги Наций, на которую перестали обращать внимание практически все страны, включая Парагвай и Боливию.

Чакская война надолго определила дальнейшее развитие стран-участниц этого события. В Парагвае после войны резко усилилось влияние военных. В феврале 1936 г. герой войны полковник Рафаэль Франко осуществил военный переворот и попытался вернуть страну на путь ускоренной индустриализации с опорой на собственные силы, усилением роли государства с введением элементов социализма. Но западный «цивилизованный мир» не мог допустить существования в Латинской Америке очага подлинной независимости, который мог бы стать примером для всех остальных стран этого региона. Спустя полтора года Франко свергла Либеральная партия, которая повела страну по западному курсу. Но на выборах президента в 1939 г. победу одержал национальный герой, командующий вооруженными силами страны времен войны Хосе Феликс Эстигаррабия, который к тому времени стал уже маршалом. После его гибели в авиакатастрофе в стране прошла череда военных переворотов, пока в мае 1954 г. к власти не пришел генерал Альфредо Стресснер, правивший страной 34 года.

Стресснер был сыном переселенца из Баварии, и Чакскую войну встретил в звании лейтенанта. Во время войны он служил вместе с русскими офицерами, видел их в деле, ценил их боевую выучку и героизм, а в 1940 г. в звании подполковника служил в артиллерийском полку под командованием полковника Александра Андреева. Поскольку проводить свободное от службы время с подчиненными не полагалось, Стресснер почти каждый вечер бывал в гостях у своего командира, где они пили местный ром под захватывающие рассказы Андреева о революции в России, Гражданской войне, скитаниях эмигрантов. (кстати, Андреев научил будущего диктатора пить и закусывать: у парагвайцев было не принято закусывать во время застолий, поэтому они быстро хмелели). В результате этих встреч Стресснер стал убежденным антикоммунистом и столь же искренним другом русских белоэмигрантов. В годы его сурового правления парагвайские русские чувствовали себя в безопасности и продолжали играть важную роль в жизни страны. Например, крестник Андреева Игорь Флейшер в 1974 г. стал заместителем министра промышленности, а сам диктатор со всей свитой приходил на похороны своих русских сослуживцев, задерживаясь на них намного дольше, чем это требовал протокол.

Парагвайцы остались благодарными русским воинам: со времен Чакской войны и по настоящее время русская община занимает важное место в жизни страны, а в честь отличившихся русских воинов, отдавших свои жизни за вторую родину, приютившую их, названы многие улицы Асунсьона и даже некоторые населенные пункты. Например, улицы «Полковник Бутлеров», «Капитан Блинофф», «Официал Серебряков», город «Фортин Серебряков» (Форт Серебрякова) и т. д. В столице Парагвая есть «Аллея героев», где по всему периметру стоят на постаментах бюсты военных с русскими фамилиями. Этот мемориал является объектом почитания со стороны парагвайцев при всех правящих режимах (не в пример действиям властей ряда стран Восточной Европы и некоторых бывших республик СССР).

Таким образом, на чужой земле, ставшей родной, русские люди проявили героизм, мужество, боевую выучку, высокие человеческие качества и тем самым вписали свои имена в историю и остались навечно в памяти благодарных потомков.

Библиографический список

1. Война между Боливией и Парагваем (Чакская война) [электронный ресурс]. Режим доступа: www.lerussia.ru (дата обращения 28.02.2016 г.).
2. Вторая Чакская война между Боливией и Парагваем [электронный ресурс]. Режим доступа: www.russkiekasaki.ru (дата обращения 28.02.2016 г.).
3. Чакская война [электронный ресурс]. Режим доступа: www.istpravda.ru (дата обращения 28.02.2016 г.).

A.F. Kalinin

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

nvvku@list.ru

RUSSIAN SOLDIERS AT THE AMERICAN BATTLEFIELDS

The article is devoted to the participation of Russian white emigres in the war for the independence of Paraguay in 1932-1935, called "Chaco War". This war in the national historiography is practically unknown and not considered the absolute majority of our citizens. The author reveals the reasons and aims of the war, showing the correlation of forces of the opposing sides, analyzes the progress and outcome of the war. According to the author, one of the sources of

Paraguay victory in the war with Bolivia was the participation in the war on the side of the Paraguayan Government Russian officers and Cossacks among the white emigres who have found in Paraguay, his second home. In total, the Paraguayan army was in the service of about 3,000 Russian military personnel. This article contains a summary of the biographies of some of them (Juan Belaieff, Stepan Vysokolyan, Nicholai Ern), who left the most striking mark on the military history of Paraguay. Russian people have shown in the American fields of battle heroism, courage, military training, high human qualities, and thus earned the right to stay forever in the memory of grateful descendants.

Keywords: Chaco War, League of Nations, Bolivia, Paraguay, Russian abroad, White movement, historical memory, Russian officers, results and lessons of the war.

УДК 930.1

В.Г. Кокоулин, В.Ю. Балабушевич

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

kwladislaw@yandex.ru

vbalab@yandex.ru

ПРАЗДНИК 23 ФЕВРАЛЯ: «НОВОЕ ВИНО В СТАРЫЕ МЕХА»?

В статье раскрывается история возникновения праздника 23 февраля, ставшая неотъемлемой частью истории страны. Появившись в начале советской эпохи вскоре после Октябрьской революции, он успешно «пережил» крах политической системы социализма, распад СССР и закрепился в календаре постсоветской России. Авторы рассматривают трансформации, происходившие с праздником 23 февраля на различных этапах отечественной истории, прослеживают эволюцию его смыслов, идеологического и политического содержания. Приводятся иллюстративные материалы, которые не только отражают представления о Дне защитника Отечества в современной России, но и прямо влияют на его восприятие гражданами современной России. На основе анализа содержания и смыслового ряда в школьных и вузовских учебниках истории, издававшихся в разные годы в постсоветской России, делается вывод о том, что данные учебники формируют «размытость» исторического сознания. На основе опроса учащихся выпускного класса школы, студентов университета, курсантов военного училища и тех, кто учился в школе в конце 1980-х – начале 1990-х гг. проанализировано их представление о празднике 23 февраля, его истории и традициях. Отмечается, что современное поколение плохо представляет себе как историю праздника, так и его содержание. Предпринимается попытка выявить наиболее распространенные в современной России взгляды на прошлое, настоящее и будущее праздника 23 февраля. Делается вывод, что несмотря на трансляцию западных ценностей и трансформацию системы образования восприятие праздника 23 февраля как дня Вооруженных Сил остается у большинства российских граждан.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, «День Красной Армии», «День Советской Армии и Военно-морского флота», «День защитника Отечества», идеолого-политическое содержание праздника, массовое сознание, Октябрьская революция, традиции праздника.

Многие десятилетия наши соотечественники привычно считают 23 февраля «красным днем календаря». История праздника 23 февраля стала неотъемлемой частью истории нашей страны, многих поколений ее граждан. Появившись в начале советской эпохи вскоре после Октябрьской революции, он успешно «пережил» крах политической системы социализма и закрепился в календаре постсоветской России.

Однако с этим праздником творятся странные метаморфозы: неоднократно изменяется его официальное название, статус, трансформируется идеолого-политическое содержание праздника, изменяется его восприятие широкими массами и определенными социальными группами населения.

Как родился праздник 23 февраля?

Историки до сих пор не дают внятного объяснения, почему именно день 23 февраля стал в советской стране одним из первых военных и государственных праздников.

В советских официальных изданиях были распространены две версии рождения праздника 23 февраля:

1) согласно одной из них праздник был установлен в 1918 г. как «День рождения Красной Армии» в ознаменование победы над регулярными войсками кайзеровской Германии под Нарвой и

Псковом (впрочем, ни в этот день, ни вообще в феврале 1918 г. никаких особых побед над немцами одержано не было);

2) в соответствии с другой версией праздник стал отмечаться в ознаменование массового подъема советского народа на защиту социалистического Отечества и мужественного сопротивления отрядов Красной Армии германо-австрийским захватчикам.

В любом случае становление праздника 23 февраля связано как с реальными революционными и военно-политическими событиями, так и их субъективной интерпретацией советским руководством. Впрочем, сыграл свою роль и элемент случайности.

После победы Октябрьской революции молодая Советская республика столкнулась с серьезными военными вызовами и угрозами. 15 (28) января 1918 г. Председатель Совета народных комиссаров В.И. Ленин подписал декрет «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии», а 29 января (11 февраля) декрет «Об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота».

В феврале 1918 г. немецкие и австро-венгерские войска начали наступление по всему фронту, нанося главный удар на Петроград. Не встречая почти никакого сопротивления, враг с легкостью занял Псков, Ревель, Минск, Нарву. К середине февраля положение на фронтах было катастрофическим. Казалось, что Советскую Россию могло спасти только чудо.

21 февраля 1918 г. Совет Народных Комиссаров принимает декрет-воззвание к народу «Социалистическое отечество в опасности!». Спустя день появляется воззвание Главкома Н. Крыленко, призывающего всех встать к оружию, чтобы защитить революцию. Начинается всеобщая мобилизация и массовая запись в Красную Армию. 23 февраля в Петрограде был проведен день Красной Армии под лозунгом защиты социалистического отечества от «кайзеровских войск». Заметим, что в документах того времени нет слов «немецкие» или «германские войска», а только «кайзеровские» по аналогии с выражением «царские войска» (можно предположить, что подобная лексика употреблялась исходя из идеи «пролетарского интернационализма» и по аналогии с «царскими войсками»). В этот день массовые митинги трудящихся состоялись в различных городах. Началось массовое вступление добровольцев в Красную Армию, формирование ее отрядов и частей.

Молодая Красная Армия пытается оказывать сопротивление германским войскам. 3 марта 1918 г. был подписан тяжелый и унижительный для страны Брестский мир. Советская республика смогла отстоять свое право на существование.

Приведем еще одну версию. В преддверии первой годовщины создания Красной Армии (28 января 1919 г.) Председатель Высшей военной инспекции РККА Н. Подвойский подал прошение об объявлении этой даты Днем Красной Армии. Его просьбу рассмотрели с некоторым опозданием. Поэтому день Красной Армии было решено совместить с другим революционным праздником – Днем Красного Подарка, который был назначен на 17 февраля. Но в 1919 г. 17 февраля выпадало на понедельник, рабочий день. И праздник был «единообразно» перенесен на ближайшее воскресенье, 23 февраля. Но не зря пословица гласит, что «нет ничего более постоянного, чем временное». Так эта дата и остается праздничной уже почти 100 лет.

Официальный статус праздник приобрел только в 1922 г. 27 января этого года ВЦИК издал указ о ежегодном торжественном праздновании 23 февраля «Дня Красной Армии». 23 февраля 1922 г. в Москве на Красной площади состоялся парад войск Московского гарнизона, а вечером – торжественное заседание Моссовета совместно с представителями воинских частей Московского гарнизона. На заседании с приветствием к Красной Армии и Флоту обратились участники проходившего тогда в Москве Пленума Коминтерна. Центральные газеты опубликовали статьи об истории создания, боевом пути, жизни и боевой учебе армии и флота, сообщения о широко развернувшемся шефстве предприятий и учреждений над воинскими частями, кораблями, военно-учебными заведениями. В 1923 г. в честь Дня Красной Армии и Флота впервые был издан приказ Реввоенсовета Республики.

С 1946 г. праздник стал называться «День Советской Армии и Военно-Морского флота».

В постсоветскую эпоху праздник 23 февраля ждали очередные трансформации. 10 февраля 1995 г. Государственная Дума России приняла Федеральный закон «О днях воинской славы (победных днях) России», в котором 23 февраля имел следующее название: «День победы Красной Армии над кайзеровскими войсками Германии (1918 год) – День защитников Отечества». Федеральным законом № 48-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России», принятым 15 апреля 2006 г., было установлено, что «Согласно внесенным изменениям день воинской славы России 23 февраля переименован в День защитника Отечества...». Он является официальным выходным днем.

Вместе с Россией праздник 23 февраля традиционно отмечают в Беларуси и Кыргызстане. В Беларуси он носит название «День защитников Отечества и Вооруженных Сил Республики Беларусь», а в Кыргызской Республике – «День защитника Отечества».

Каковы традиции праздника 23 февраля?

Традиции праздника 23 февраля не менее богаты, чем его история.

К важнейшим традициям празднования 23 февраля, сложившимся в советский период, можно отнести:

- поздравление личного состава и ветеранов вооруженных сил руководством страны;
- праздничный приказ министра обороны;
- парады войск;
- торжественные собрания;
- праздничные салюты (фейерверки);
- торжественное возложение венков к Могиле неизвестного солдата у стен Кремля первыми лицами государства;
- возложение венков на могилы погибших воинов;
- награждение и поощрение военнослужащих за успехи в боевой подготовке, ветеранов

Вооруженных сил;

- праздничные концерты;
- праздничные вечера и вечера отдыха;
- шефские концерты для воинов армии и флота;
- беседы и встречи с ветеранами, чествование ветеранов;
- спортивные и военно-спортивные соревнования;
- встречи воинов с молодежью и школьниками;
- народные гуляния;
- создание музейных и выставочных экспозиций, посвященных армии и флоту, военной истории страны;
- проведение дней открытых дверей в воинских частях и учреждениях, военно-учебных заведениях;
- конкурсы и смотры патриотической песни;
- вручение подарков ветеранам войны, воинам и ветеранам военной службы.

Большинство из этих традиций живет и в наше время, хотя и в измененном виде, отражающем постсоветские политико-идеологические реальности.

Как изменялось содержание праздника и его восприятие народом?

Праздник 23 февраля рождается как праздник с ярко выраженным классово-революционным содержанием. Первоначально он отмечался как день рождения «первой в истории Рабоче-Крестьянской Красной Армии», армии революционной, армии, стоящей на страже социалистического отечества, армии, штыками которой будет проложен путь в «светлое будущее» всего человечества, армии Мировой социалистической революции. Считать его подлинно всенародным на первоначальном этапе существования очень трудно. Ведь из понятия «народ» исключались остатки эксплуататорских классов, отдельные социальные группы. В ходу был термин «трудовой народ». «Служу трудовому народу!» – так должен был отвечать военнослужащий РККА на благодарность старшего начальника.

Однако «революционная пассионарность» постепенно затухала. Из двух вождей революции и создателей Красной Армии один – В.И. Ленин – умирает, другой – Л.Д. Троцкий – терпит поражение от своего главного политического оппонента И.В. Сталина, а затем физически устраняется. Происходит переформатирование политического курса: руководство СССР отказывается от идей мировой революции, делает ставку на строительство мощного социалистического государства в рамках одной, отдельно взятой страны. Во внешней политике на смену задачам революционным пришли задачи геополитические. В области военного строительства был осуществлен переход от армии милиционно-кадровой к армии массовой, формируемой на основе всеобщей воинской обязанности. Вывод о полной и окончательной победе социализма в СССР теоретически сделал ненужной внутреннюю функцию армии, а на практике минимизировал ее.

Победа в Великой Отечественной войне подняла авторитет армии на необычайную высоту. Через армейские ряды прошли миллионы советских людей. Армия стала восприниматься советскими людьми не как инструмент диктатуры пролетариата, не как орудие революционного насилия, а как общенародный институт защиты государства от внешней агрессии. После Великой Отечественной войны перестают употребляться выражения «Красная Армия», «Красный Флот», и вводятся официальные наименования «Советская Армия», «Советский Военно-морской флот», «Вооруженные Силы СССР».

Рост патриотизма, чувство гордости за великую Победу, появление новой исторической общности – советского народа – придали празднику 23 февраля поистине всенародный характер и размах. Ведь нет ни одной советской семьи, непричастной к делу защиты Родины! Необычайно высоким стал престиж армейской службы: молодой человек, не прошедший через армию, воспринимался сверстниками, как ущербный и неполноценный. 23 февраля стал праздником всех тех, кто защищал, защищает, готов защищать и будет в будущем защищать свою страну – Советский Союз.

Однако с конца 1950-х – начала 1960-х гг. постепенно становится ощутимым зазор между официальной трактовкой праздника и его «народной» интерпретацией. Этому способствовал ряд факторов:

– нарастание негативных тенденций во всех сферах жизни советского общества (в том числе и военно-политической) вследствие принципиальных просчетов и ошибок советского руководства;

– разочарование определенной части населения в идеалах социализма и в социалистической идеологии;

– «размывание» оборонного сознания;

– серьезные подвижки в сфере ценностей;

– целенаправленное воздействие западной пропаганды;

– постепенный уход из жизни старших поколений, вынесших на себе основную тяжесть военных и послевоенных лет и др.

Постепенно снижается престиж военной службы. Молодое поколение все чаще рассматривает службу в армии не как выполнение священного долга и почетную обязанность, а как досадную помеху осуществлению своих жизненных планов. Служба в армии перестает выполнять роль «социального лифта».

Серьезный удар по имиджу «человека в погонах» был нанесен во времена Н.С. Хрущева. Массовые сокращения армии, увольнение значительного числа офицеров, невнимание государства к реализации программ социальной поддержки военнослужащих и членов их семей, ветеранов войны и военной службы, свертывание патриотического воспитания подрастающего поколения (даже военные игрушки оказались не в почете) – все это не прошло бесследно. У определенной части наших сограждан (и не только молодых) стало складываться мнение, что профессия «Родину защищать» оказалась уже невостребованной. В общественное сознание «вбрасывалась» мысль о том, что все военные – тунеядцы, они ничего не делают, «сидят на шее» народа. Советская система вступала в эпоху безверия, цинизма и едва скрываемого отвращения к былым идеалам.

Особенно мощная информационная кампания по дискредитации Вооруженных Сил СССР и высшего советского военного руководства развернулась в эпоху горбачевской перестройки (март 1985 – август 1991 г.). Причем она осуществлялась с молчаливого одобрения М.С. Горбачева и его окружения, опасавшихся активного вмешательства военных во внутривнутриполитическую борьбу. И действительно, униженная и морально уничтоженная армия не смогла воспрепятствовать государственному перевороту и уничтожению СССР.

Под воздействием этих и иных обстоятельств в массовом сознании начинает пробивать себе дорогу устойчивая тенденция изменения первоначальных смыслов, заложенных в праздник 23 февраля. Кстати, это касается не только данного праздника. 1 мая из Дня международной солидарности трудящихся постепенно трансформируется в сознании советских людей в День мира, труда и весны. При сохранении всех внешних атрибутов этого праздника (парад, демонстрация, митинги и т. д.) из его содержания «уходит» антикапиталистическая, антиимпериалистическая направленность. Международный женский день также постепенно лишается политических, социальных и экономических смыслов и превращается в день женской красоты, нежности, любви. А день 23 февраля медленно, но верно эволюционирует в сторону праздника всех мужчин (своего рода аналога «женского дня»). Видимо, сказалась и «близость» дней 23 февраля и 8 марта в календаре. С бытовой точки зрения очень удобно: у мужчин и женщин появляется повод взаимно поздравлять и одаривать друг друга, причем временная дистанция между этими событиями очень незначительная.

После распада СССР и изменения вектора социально-экономического и политического развития страны праздник 23 февраля не мог существовать в прежнем виде. Запущенный процесс десоветизации предполагал два варианта решения проблемы: вообще избавиться от праздника 23 февраля как чуждого идеалам «новой демократической России» или подкорректировать его содержание, оставив праздничный день на привычном месте в календаре. После недолгих колебаний российская политическая элита выбрала второй путь. «День Советской Армии и Военно-морского флота» превратился в «День защитника Отечества». В декабре 2001 г. Государственная дума решила сделать 23 февраля выходным днем.

Возникшая еще в советскую эпоху гендерная интерпретация дня 23 февраля исключительно как мужского праздника оказалась многократно усилена всем трагизмом слома советской цивилизации.

Вот что пишет о празднике 23 февраля на одном из многочисленных сайтов, посвященных праздникам и праздничным датам, Марта Добрыкина: «Это главный «мужской» праздник, который не менее популярен и любим, чем Международный женский день. Конечно, с годами он существенно утратил свою политическую и военизированную окраску. И это здорово, потому что в этот день принято поздравлять всех мужчин от мала до велика. Поздравьте и вы своих дорогих защитников, независимо от того, сколько им лет, служат ли они в армии или занимаются мирным трудом. Скажите им добрые слова, пожелайте счастья и здоровья. Наши мужчины этого полностью заслуживают!» [11].

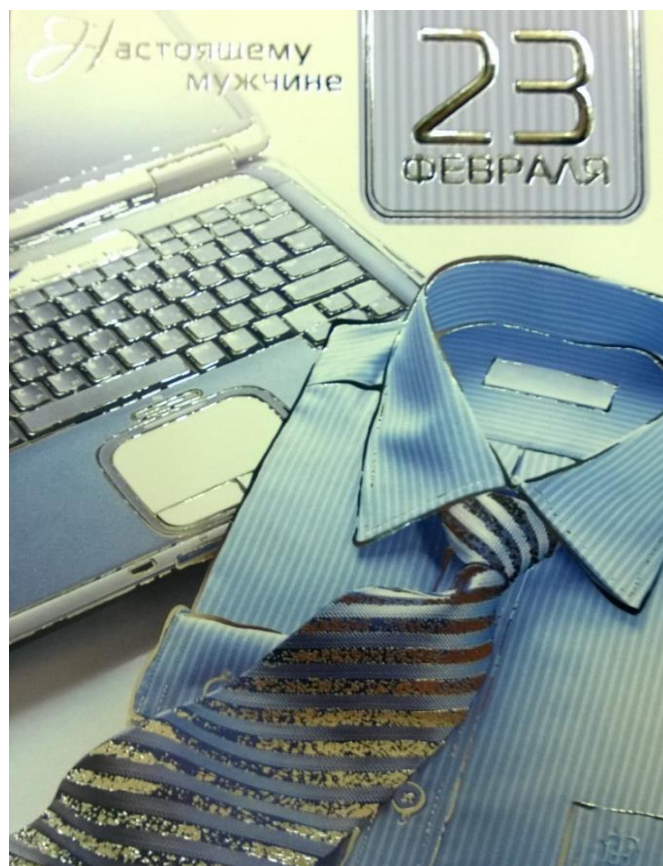
Другой сайт, посвященный памятным датам календаря, сообщает: «Сегодня большинство граждан России склонны рассматривать День защитника Отечества не столько, как годовщину Великой Победы или День рождения Красной Армии, сколько, как день Настоящих Мужчин. Защитников в самом широком смысле этого слова» [12].

Два мощных калибра прямой наводкой продолжают сегодня «бить по российскому патриотизму и патриотическому характеру праздника 23 февраля.

Первый – глобальная трансляция западного (в первую очередь американского) образа жизни и его ценностей вовне. Для достижения поставленной цели задействованы экономика, политика, кинематограф, телекоммуникации, социальные сети, различные системы менеджмента. Машина по воспроизводству глобального западного обывателя и формированию среды его обитания работает отлажено и безжалостно. Мы должны жить и умирать, любить и ненавидеть, радоваться и печалиться по западным лекалам, реализовывать разработанные для нас образцы поведения, в которых, естественно, нет места патриотизму, любви к Родине, ненависти к ее врагам.

Второй – это система образования, которая под видом ее перестройки и модернизации, приспособляется прозападными и либеральными элитами внутри страны для подготовки и тиражирования образцовых, безмолвных, неспособных к рациональному и критическому мышлению «винтиков» машины потребления.

Вот какими глазами нас ходят заставить видеть день 23 февраля и как предлагают его отмечать дизайнеры современных открыток.

Что могут узнать из учебников истории о празднике 23 февраля современные школьники и студенты?

К сожалению, школьные и вузовские учебники истории способствуют размыванию исторического сознания. Так, три события, которые образуют важный смысловой ряд, – создание Красной Армии в январе 1918 г., победы над немцами под Псковом и Нарвой 23 февраля и заключение Брестского мира в начале марта 1918 г. – не только разорваны между разными главами в постсоветских учебниках (Брестский мир относится к сюжетам, посвященным становлению Советской власти, а образование Красной Армии – к сюжетам Гражданской войны), но порой из этой логической цепи «выпадает» то или иное событие. Так, в учебном пособии для 11 класса общеобразовательных школ 1996 г. рассказывается о создании Красной Армии в январе 1918 г. и Брестском мире, но ничего не сообщается о 23 февраля [4, 113-116]. В вышедшем через 10 лет учебнике для 9 класса общеобразовательных учреждений 23 февраля появляется в странном контексте. Так, сперва сообщается о Брестском мире, а затем о том, что 23 февраля «советское правительство получило германский ультиматум» и далее, что «условия мира, предложенные в нем, были намного тяжелее прежних, но Ленин, угрожая отставкой, склонил ЦК и ВЦИК к подписанию мира» [2, 100]. Создание Красной Армии вообще вынесено в следующий раздел, посвященный Гражданской войне, в котором учащимся сообщается, что Красная Армия была создана 15 января, а 29 января – Красный Флот [2, 109].

В связи с избранием нового президента в 2000 г. был объявлен курс на патриотизм. Создатели учебников чутко отреагировали на это событие. Так, в вышедшем в 2011 г. учебнике по истории для 11 класса события 23 февраля даже выделены курсивом, как представляющие особую важность для учащихся. Вот что сообщается школьникам в этом учебнике: «угроза нависла над Петроградом. СНК обратился к народу с воззванием «Социалистическое отечество в опасности!». 23 февраля 1918 г. отряды Красной гвардии под Псковом дали первый отпор наступающим войскам Германии, однако они были слишком малочисленны, чтобы удержать всю линию фронта» [5, 99, 100]. Далее сообщается о Брестском мире, дата заключения которого 3 марта 1918 г. также выделяется курсивом [5, 100]. Но самое парадоксальное, что о создании Красной Армии не говорится ничего. Через год, в 2012 г., в учебнике для 11 класса весь сюжет о 23 февраля и заключении Брестского мира воспроизводится дословно [6, 99], а затем сообщается о Красной Армии, но уже в контексте событий Гражданской войны в следующей главе [6, 106].

Не лучше выглядят вузовские учебники. В 2000 г. в учебнике для вузов «История России» авторы полностью исключили и сюжет об образовании Красной Армии, и о Брестском мире, и о 23 февраля [8]. В более популярном учебнике для вузов 2001 г. А.С. Орлова, В.А. Георгиева и других авторов «История России с древнейших времен до наших дней» смысловой порядок событий восстановлен, сперва сообщается об организации Красной Армии и Красного Флота [10, 339], затем о событиях 23 февраля, которые попадают в следующий смысловой ряд: «Германия начала наступление и захватила огромные территории в Прибалтике, Белоруссии, на Украине. В связи с этим 19 февраля 1918 г. Совнарком был вынужден согласиться с немецкими условиями и возобновил переговоры. Одновременно СНК пытался остановить германское наступление, предотвратить падение Петрограда. 21 февраля был издан декрет «Социалистическое отечество в опасности!». Он обязывал все Советы организовывать отпор врагу. 23 февраля 1918 г. Красная Армия остановила немцев под Псковом» [10, 342].

Однако странные трансформации исторического материала продолжились на страницах других учебников и пособий, наводнивших книжные прилавки, школьные и вузовские библиотеки. Так, в пособии для абитуриентов «История России: Учебный минимум для абитуриентов», изданном некогда уважаемым и солидным издательством «Высшая школа» в 2003 г., сообщается о создании в январе 1918 г. Красной Армии и Красного Флота [1, 561], однако ни слова не упоминается ни о событиях 23 февраля, ни, что вообще трудно объяснить, о Брестском мире.

Идея о том, что Красная Армия была образована в связи с событиями Гражданской войны, видимо, настолько прочно внедрилась в сознание создателей учебников, что, давая более правильную датировку начала Гражданской войны: май – июнь 1918 г., авторы учебника для вузов, не затруднив себя проверкой даты организации Красной Армии, отнесли начало ее создания также к маю – началу июня 1918 г. [3, 315]. Естественно, что события 23 февраля, никак не вписывавшиеся в смысловой ряд создателей этого учебника, просто исключены из него.

Невероятная путаница штампов и догматов проникла на страницы учебного пособия для студентов, выпущенного в Тюменском университете. В нем ничего не сообщается ни об образовании Красной Армии, ни о 23 февраля, а Брестский мир дается в таком контексте, что можно понять, что он был заключен в мае 1918 г. Прочитав соответствующее место: «Общенациональный масштаб вооруженная борьба приобрела лишь с конца мая 1918 г., когда ряд действий, с одной стороны, Советской власти (неуклонно набиравшая силу кампания по «экспроприации экспроприаторов», заключение «похабного», по выражению В.И. Ленина, Брестского мира, чрезвычайные декреты по

организации хлебозаготовок), с другой стороны, ее противников (мятеж Чехословацкого корпуса) ввергли в братоубийственную войну миллионы людей» [9. С. 188]. Конечно, это учебное пособие не заслуживало бы упоминания, но ведь по нему училось не одно поколение студентов хотя бы и одного вуза, а само пособие до сих пор встречается в ряде вузовских библиотек, и, кто знает, его могут и прочитать студенты.

В современном учебнике для военных вузов «История Отечества», вышедшем в 2014 г., рассказывается о Брестском мире и создании Красной Армии, однако о событиях 23 февраля не сообщается ничего [7, 317, 318, 327], в итоге курсанты, не узнавшие в школе о Дне защитника Отечества, ничего не узнают о нем и из учебника, прочитываемого в военном вузе.

Посмотрим теперь, как все это отразилось в сознании тех, кто учился в школе и вузе в 1990-е гг. и в современных школе и вузе. Для этого авторы данной статьи просили письменно ответить на три вопроса: 1) Какой праздник отмечается 23 февраля? 2) С какими событиями связано появление этого праздника? 3) Каковы традиции празднования этого события? Опрашивались слушатели курсов переподготовки, которые учились в школе в 1990-е гг., курсанты военного училища, студенты университета и учащиеся специализированной физико-математической школы.

О том, что в этот день празднуется «День защитника Отечества» знают почти все опрашиваемые, хотя встречались варианты ответа «День защитников Отечества», «День Вооруженных Сил», «День Советской Армии». Удивительно, но факт, некоторые опрашиваемые оставили в соответствующей графе прочерк, скорее всего, это были те, кто приехал учиться в российский вуз из Казахстана, где День Вооруженных сил отмечается 7 мая, скорее всего, кто-то из них и назвал праздник 23 февраля «Днем Вооруженных Сил».

Ответы на второй вопрос поражают своим разнообразием.

Слушатели курсов переподготовки, т. е. те, кто учился в школе в 1990-е гг., а кое-кто в конце 1980-х гг., либо поставили прочерк в соответствующей графе (10 отвечающих из 17 опрашиваемых), либо все же ответили, что это событие как-то связано с днем создания Красной Армии, относя происходящее к 1919 г., 1921 г. или к промежутку 1918-1922 гг., т. е. к событиям Гражданской войны, а не к первым мероприятиям Советской власти зимой 1917 – весной 1918 г.

Из 13 школьников-юношей 8 затруднились что-либо ответить на этот вопрос. Диапазон остальных ответов весьма широк: «С победой в войне», «Что-то связанное с Великой Отечественной войной», «Какая-то битва, сражение», «Не знаю, думаю с названием и связано», «Был сделан праздником во время СССР (годовщина чего-то)», «Связано с событием в военной истории России», «Победа в Первой мировой войне», «Дата связана с созданием чего-то, не помню чего», «Не знаю, но предполагаю, что в этот день произошло сражение, которое в будущем повлияло (стало поводом) для появления данного праздника». И лишь двое юношей связали его с созданием Красной Армии или хотя бы «революцией 1917 г.».

Школьницы, хотя также твердо знают, что это «День защитника Отечества», еще больше затруднились с ответом, чем юноши. В ответах сквозит явная неуверенность: «Первоначально он должен был праздноваться 13 ноября, но по неизвестным причинам перенесли на 23 февраля», «В честь героев Великой Отечественной войны», «Бои против немцев», «Когда это было, кажется днем Красной Армии», «Думаю, появление праздника связано с Великой Отечественной войной», «Мне кажется, связано с какими-нибудь законами, ну или сражениями. Может для поднятия военного духа».

Некоторые студенты и студентки смогли правильно или хотя бы приблизительно правильно ответить на поставленный вопрос: «Введен он был после того, как 23 февраля 1918 г. части новообразованной Красной Армии остановили наступление германских войск на Петроград» или же «День Красной Армии», «День Советской армии», «День создания Красной Армии», «Годовщина Красной Армии», «Что-то связанное с образованием Красной Армии», «День первых боев Красной Армии». Однако встречались и ответы, которые иначе, как курьезными, назвать нельзя: «Возможно, в связи с победой в войне 1812 года», «В связи с окончанием Афганской войны», «В честь одной из побед времен XIX века». Логика мышления воспроизводится четко: раз день связан с вооруженными силами, то это должно быть связано с какой-то победой. Вот что ответил один студент: «В связи с победой в войне (не помню какой)».

Знания курсантов военного училища следует признать более адекватными. Из 25 ответивших, 10 назвали «Первые бои с Германией», 11 – «Формирование РККА» (вариант «Формирование первых отрядов РККА»). Но, что поразительно, поступило 2 ответа: «Не знаю». Как следует интерпретировать этот факт, пока сказать трудно.

Что касается третьего вопроса, то подавляющее большинство отвечавших сообщили, что в этот день мужчинам дарят подарки (как вариант, служившим в армии или ветеранам), проводят концерты и парады. Вот характерные ответы школьников: «Почти так же, как 8 марта»,

«Поздравления родственников, участвовавших в военных событиях и имеющих то или иное отношение к армии», «Никак. В семье нет военных». «Дарят мужчинам подарки», вариант: «поздравляем деда – ветерана Великой Отечественной войны» – уверены студенты. «Дарят подарки мужчинам», вариант – «защитникам Отечества» – ответили курсанты.

Таким образом, размытость исторического сознания, которая представлена в школьных и вузовских учебниках постсоветской эпохи, достаточно прочно закрепилась в сознании тех, кто по этим учебникам учился.

Есть ли будущее у праздника 23 февраля?

Будущее Дня 23 февраля зависит, прежде всего, от граждан России. Среди всего многообразия оттенков отношения к празднику 23 февраля выделяются три наиболее распространенные позиции. Для части россиян 23 февраля было и остается праздником людей, причастных к обеспечению военной безопасности страны, ее вооруженной защите. Другая часть наших соотечественников склонна рассматривать этот день исключительно как праздник всех мужчин, «мужской день». Наконец, третья группа наших граждан абсолютно равнодушна к содержанию праздника и его смыслам, их больше радует сам факт наличия лишнего выходного дня и возможность посидеть за праздничным столом (повод не столь и важен).

Какой взгляд будет доминировать? Еще десять лет назад казалась, что праздник умирает вместе с российской армией и российским государством.

Сегодня ситуация изменилась. Все большее число граждан России осознает, что армия – это стержень государства, его опора, гарантия целостности и независимости, надежная преграда на пути «цветных революций». Если бы горбачевско-ельцинская политика целенаправленного уничтожения Вооруженных Сил продолжилась до наших дней, то России, в которой мы сегодня живем, уже бы не существовало.

Отношение к празднику 23 февраля демонстрирует и отношение граждан к Вооруженным Силам Российской Федерации. По данным всероссийского опроса, проведенным ВЦИОМом 13-14 июня 2015 г., 86 % респондентов выразили уверенность в том, что армия способна защитить Россию в случае военной угрозы со стороны других стран. 40 % заявили, что испытывают уважение к Вооруженным Силам, 39 % – гордятся, 11 % – восхищаются. Было опрошено 1600 человек в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5 %.

По данным того же опроса, служба в армии кажется привлекательной как никогда. Соответствующий индекс достиг 25 пунктов, что является максимумом за всю историю проведения опросов. Число тех, кто хотел бы видеть своих ближайших родственников (сына, брата, мужа) в рядах Вооруженных Сил, выросло до 59 %. Армия воспринимается как институт возможностей, эффективно работающий социальный лифт. 59 % согласны с тем, что она дает человеку шансы для реализации в жизни [13].

В пользу праздника говорит и то обстоятельство, что значительное число наших сограждан воспринимает день 23 февраля одновременно и как государственный, и семейный праздник – редкая демонстрация совпадения интересов личности и общества!

Библиографический список

1. Арсланов Р.А., Керов В.В., Моисейкина М.Н., Смирнова Т.М. История России: Учебный минимум для абитуриентов. М.: Высшая школа, 2003.
2. Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. История России, XX – начало XXI века: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 2006.
3. Дворниченко А.Ю., Ильин Е.В., Кривошеев Ю.В., Тот Ю.В. Русская история с древнейших времен до наших дней. СПб., 2004.
4. Дмитриев В.П., Есаков В.Д., Шестаков В.А. История Отечества. XX век. 11 кл.: Учеб. пособие для общеобразоват. школ. М.: Дрофа, 1996.
5. Загладин Н.В., Симония Н.А. История России и мира в XX – начале XXI века. 11 класс. М.: Русское слово, 2011.
6. Загладин Н.В., Козленко С.И., Минаков С.Т., Петров Ю.А. История России, XX – начало XXI века: Учебник для 11 класса общеобразовательных учреждений. М.: Русское слово – учебник, 2012.
7. История Отечества: Учебник для военных вузов / под ред. О.Ю. Ефремова. СПб.: Питер, 2014.
8. История России: Учебник / под общ. ред. Ю.И. Казанцева, В.Г. Деева. – М.; Новосибирск, 2000.
9. Московкин В.В. Отечественная история: Учебное пособие. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2008.

10. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России с древнейших времен до наших дней. М., 2001.

11. <http://pozdrav.a-angel.ru/prazdniki/den-zashhitnika-otechestva.html>; дата обращения: 4.02.2016.

12. <http://www.calend.ru/holidays/0/0/16/1/>© Calend.ru; дата обращения: 4.02.2016.

13. http://nvo.ng.ru/concepts/2016-02-19/2_red.html; дата обращения: 23.02. 2016.

V.G. Kokoulin, V.Yu. Balabushevich

*Novosibirsk Higher Command Military School,
Novosibirsk*

kvladislaw@yandex.ru

vbalab@yandex.ru

HOLIDAY OFFEBRUARY, 23: «NEW WINE IN OLD BOTTLES»?

The article reveals the history of the holiday of February, 23, that has become an integral part of the history of our country. Appearing at the beginning of the Soviet era shortly after the October Revolution, he successfully «survived» the collapse of the socialist political system, the collapse of the USSR and was fixed in the calendar of post-Soviet Russia. The authors examine the transformation that took place with the holiday of February, 23 in various stages of national history, trace the evolution of his senses, the ideological and political content. We give illustrative material, which not only reflect the views of the Defender of the Fatherland Day in modern Russia, but also a direct impact on his perception of our citizens. Based on the analysis of the content and meaning of a number of school and university history textbooks published in different years in post-Soviet Russia, it is concluded that these textbooks form a «blurring» historical consciousness. Based on a survey of the graduating class of school pupils, university students, military school cadets and those who went to school in the late 1980s – early 1990s, it is analyzed their idea of history and traditions of this holiday of February, 23. It is noted that the current generation bad imagines a history of the holiday and its content. An attempt is made to identify the most common in modern Russian views on the past, present and future of the holiday of February, 23. It is concluded that in spite of the broadcast Western values and the transformation of the education system, the perception of the holiday of February, 23 as the Day of the Armed Forces is the majority of Russian citizens.

Keywords: The Great Patriotic War, «Red Army Day», «Day of the Soviet Army and Navy», «Day of Defender of the Fatherland», ideological and political content of the holiday, the mass consciousness, the October Revolution, the holiday tradition.

УДК 94(571.15)«1941/1945»

Е.Н. Курсакова

*Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Барнаул*

en-kursakova@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА РАЗВИТИЕ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1946-1956 гг.

В статье рассматривается влияние Великой Отечественной войны на процесс восстановления предприятий легкой промышленности в Алтайском крае в первое послевоенное десятилетие. В годы Великой Отечественной войны Алтайский край являлся одним из основных районов размещения эвакуированных предприятий из европейской части СССР. В кратчайшие сроки перемещенные предприятия возобновили выпуск продукции, постоянно наращивая объем и ассортимент производства. Благодаря тому, что Алтайский край в годы войны стал базой для эвакуированной промышленности, регион получил большой импульс для послевоенного индустриального развития. В рамках четвертого (1946-1950) и пятого (1951-1955) пятилетних планов предусматривалось наряду с первоочередным восстановлением тяжелой индустрии и транспорта также и развитие легкой промышленности, резко сократившей производство в годы войны. Автор раскрывает те проблемы и трудности, с которыми предприятия легкой промышленности края столкнулись в послевоенные годы, анализирует управленческие решения, направленные на улучшение качества и расширение ассортимента

товаров народного потребления. Мероприятия по модернизации производства, начатые в 1946-1955 гг., позволили алтайским предприятиям легкой промышленности не только выполнять производственные планы, но и помогли части из них, справившись с кризисными 1990-ми гг., успешно функционировать в настоящее время.

Ключевые слова: Алтайский край, Великая Отечественная война, восстановление народного хозяйства, индустриальное развитие, легкая промышленность, пятилетний план, эвакуированные предприятия.

В годы Великой Отечественной войны Алтайский край являлся одним из основных районов размещения эвакуированных предприятий из европейской части СССР. На Алтай прибыло оборудование фабрик и заводов из Белоруссии, Украины, из Ленинграда, Москвы, Сталинграда и других мест западных, южных и центральных районов страны [4]. Алтайский край принял свыше 100 эвакуированных предприятий, в том числе 24 завода общесоюзного значения. Всего за четыре года войны Барнаул превратился в крупный индустриальный центр Западной Сибири. До Великой Отечественной войны на Алтае преобладала пищевая промышленность, на долю которой приходилось 41,8 % всей промышленной продукции края; легкая промышленность производила 27,1 %, металлообрабатывающая – 12,5 % продукции, а тяжелая промышленность, машиностроение и энергетическая база практически отсутствовали [1, 203]. За военное время промышленное производство Алтайского края возросло в 1,6 раза, а продукция крупной промышленности – в 1,75 раза. Оборонная промышленность, например, в 1945 г. произвела продукции в 40 раз больше, чем в 1941 г. Если в 1941 г. число занятых в промышленности составляло 24,4 тыс. человек, то в 1943 г., например, число промышленных рабочих уже составило 65 тыс. [2].

Всего за годы войны в крае построили и ввели в действие 51 крупное промышленное предприятие. На базе оборудования, эвакуированного из Харькова, Сталинграда, был создан Барнаульский завод транспортного машиностроения, на базе ленинградского Невского завода – котельный завод. Был восстановлен завод механических прессов из Одессы, начали действовать Барнаульский станкостроительный и аппаратурно-механический заводы. Оборудование Харьковского тракторного завода было размещено в Рубцовске, положив начало Алтайскому тракторному заводу. В годы войны он был единственным в стране предприятием, выпускающим тракторы и запасные части к ним. В начале октября 1941 г. в Новоалтайск прибыл первый эшелон с людьми и оборудованием Днепродзержинского вагоностроительного завода.

Новые предприятия не только возникли в невиданно короткие сроки, но и постоянно увеличивали выпуск своей продукции. За время войны механический цех вагоноремонтного завода увеличил выпуск изделий в 25 раз, Барнаульский меланжевый комбинат пошил ткани для 50 дивизий, овчинно-шубная и швейные фабрики поставили полушубки и обмундирование для 2,5 млн. фронтовиков, сапоговаляльная и обувная фабрики – 1,5 млн. пар обуви для бойцов Красной Армии [2].

Благодаря тому, что Алтайский край в годы войны стал базой для эвакуированной промышленности, регион получил большой импульс для послевоенного индустриального развития.

В послевоенный период главные экономические задачи развития народного хозяйства СССР были определены четвертым (1946-1950) и пятым (1951-1955) пятилетними планами и заключались в том, чтобы восстановить и превзойти довоенный уровень в отраслях, сокративших производство продукции, перевести предприятия с военного производства на мирное, достроить и пустить на полную мощность предприятия, созданные в годы войны, и оказать всемерную помощь пострадавшим районам страны.

Все фабрики и заводы легкой промышленности края встретили задания четвертой пятилетки с одними и теми же проблемами. Необходимо было начать подготовку к переводу предприятий на 8-часовой рабочий день, укрепить дисциплину, разработать график отпусков, которого до этого не было. Предстояло решить задачи капитального ремонта и ввода в эксплуатацию оборудования, которое во время войны вышло из строя; начать внедрение производства новых видов гражданских изделий; заняться подготовкой собственных кадров.

Новый пятилетний план предусматривал наряду с первоочередным восстановлением тяжелой индустрии и транспорта также и развитие легкой промышленности, в которой за годы войны резко сократилось производство.

Остановимся более подробно на анализе проблем, с которыми столкнулись предприятия легкой промышленности Алтайского края в послевоенный период, поскольку они характеризуют в целом ситуацию в производственной сфере этого времени.

В число производств, находившихся в 1946 г. в подчинении Управления местной промышленности Алтайского крайисполкома, входило 11 предприятий легкой промышленности:

Предприятия Алтайлегпрома ⁹			
Предприятие		В эксплуатации с	Число рабочих, чел
<i>Швейная отрасль</i>			
1	Бийская швейная фабрика № 1	1942 г.	396
2	Барнаульская швейная фабрика № 7	1936 г.	446
3	Барнаульская швейная фабрика «Индпошив» № 4	1937 г.	341
4	Бийская швейная фабрика «Индпошив» № 2	1936 г.	163
5	Ойрот-Туринская швейная фабрика «Индпошив»	1941 г.	28
6	Рубцовская швейная фабрика	1945 г.	71
<i>Валяльно-войлочная отрасль</i>			
7	Барнаульская сапого-валяльная фабрика им. Горького	1924 г.	235
8	Ойрот-Туринская валяльно-войлочная фабрика	1938 г.	73
<i>Обувная отрасль</i>			
9	Бийская обувная фабрика	1942 г.	220
10	Барнаульская обувная фабрика	1939 г.	111
<i>Стекольная отрасль</i>			
11	Акутихинский стекольный завод	1911 г.	205

Кроме того, в 1948 г. в Барнауле была организована Швейно-обувная фабрика «Инодежда», которая приказом Министерства легкой промышленности (МЛП) РСФСР № 326 от 17 июня 1948 г. была включена в число действующих предприятий¹⁰.

Полная инвентаризация всех материальных ценностей и незавершенного производства на 1 января 1947 г. выявила самую большую проблему, которую необходимо было решать в первую очередь предприятиям легкой промышленности Алтайского края – это наличие большого количества неисправного оборудования, хранящегося на складах. За годы войны фабрики работали на износ и не проводили капитального ремонта оборудования из-за отсутствия запасных деталей.

В течение первых двух послевоенных лет предприятия края практически не получали нового оборудования, по-прежнему ощущалась острая нехватка запасных частей. Ежегодно вместо восстановления количество действующих машин уменьшалось. Половина из всех имеющихся на швейных фабриках машин требовала полного капитального ремонта или подлежала списанию.

Однако довольно часто на предприятиях складывалась и такая ситуация: при острой нехватке ходовых деталей на складах скапливались огромные излишки ненужных запасных частей. Как правило Московские базы МЛП РСФСР высылали единицы или десятки дефицитных деталей, а в нагрузку засылали тысячи запасных частей как совершенно ненужных по классу машин, так и мало расходуемых. Такое положение создалось потому, что вследствие отдаленности Алтайского края от Москвы работники местных предприятий не имели возможности лично отбирать на базах то, что действительно было необходимо, а все операции снабжения осуществляли путем заявок и переписок, зачастую безграмотно составленных. На деле получалось, что заявки совершенно не выполнялись или по ним высылались то, что никто и никогда не требовал. В результате из имеющегося в наличии количества запасных частей в 1948 г. на сумму 861 тыс. руб. по всем предприятиям легкой промышленности количество действительно нужных составляло менее половины, а все остальное представляло ненужную и нереализуемую на месте «заваль». На складах предприятий хранились не только излишние запасные детали, но и ненужные запасы по вспомогательным материалам, особенно швейной и обувной отраслей (нитки на Барнаульской обувной фабрике, пуговицы и крючки на Бийской швейной фабрике № 2). По балансу на 1 июля 1946 г. в целом по Крайлегпрому излишние запасы товаро-материальных ценностей составляли 1872 тыс. руб., в том числе: по сырью – 1200 тыс. руб., вспомогательным материалам – 459 тыс. руб., запчастям – 213 тыс. руб.¹¹ Ценности эти не реализовывались предприятиями из тех соображений, что при неудовлетворительном снабжении сырьем и материалами реализация временно излишних запасов могла поставить предприятия под угрозу простоя.

И все же основная причина, по которой скапливались излишки на складах предприятий – это неудовлетворительная работа отделов снабжения (снабов). Так, снабжение фабрик фурнитурой в основном производилось хозрасчетными отделами снабжения Главшвейпрома и Главобуви. Базы указанных снабов зачастую засылали материалы партиями полугодовой и более потребности или совершенно ненужные по

⁹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 747. Оп. 2. Д. 80. Л. 52.

¹⁰ ГААК. Ф. 747. Оп. 2. Д. 82. Л. 2.

¹¹ ГААК. Ф. 747. Оп. 1. Д. 125. Л. 50.

ассортименту. Так, Бийская обувная фабрика в четвертом квартале 1948 г. одновременно получила 600 тыс. пар шнурков при максимальной их потребности 400 тыс. пар в год. В середине 1950-х гг. сложилась критическая ситуация со снабжением швейных фабрик пуговицами. Неоднократные выезды специальных «толкачей» в Москву, Ленинград, прибалтийские республики, запоздалые усилия планирующих органов привели к тому, что различные снабды выслали на фабрики излишних пуговиц не меньше, чем на 1-1,5 г. вперед, заморозив в этой фурнитуре до 2-х млн. оборотных средств [3, 83].

Снабжение предприятий сырьем и материалами в послевоенное десятилетие являлось одной из «болевых точек» в работе легкой промышленности Алтайского края. Довольно часто предприятия не выполняли план как раз по причине неудовлетворительного положения со снабжением сырьем и вспомогательными материалами. Так, в 1951 г. Горно-Алтайская валяльная фабрика из 85 т сырья получила только 20 т Барнаульская сапоговаляльная фабрика, сделав заявку на несколько сотен изоляторов и патронов, получила их по одной штуке. В 1952 г. сапоговаляльные фабрики из-за отсутствия сырья были полностью остановлены на 2,5 месяца¹².

Отделы снабжения долгое время оставались в роли «доставал», осуществляя незаконные операции по купле, продаже материалов не в плановом порядке, а на стороне. Так, на Барнаульской валяльной фабрике часто рассчитывались валенками за приобретение нужных вспомогательных материалов, например, калориферов. И хотя в 1951 г. начальник Крайлегпрома Иванов говорил, что «в этих противозаконных операциях нет нужды, так как... отпускаются все фонды какие требуются... только надо давать заявки в соответствующие организации по вопросу выделения фондов», предприятия все же не были обеспечены необходимыми материалами¹³. Отделам снабжения, для того чтобы избежать перебоев в работе фабрик, приходилось всякими способами изыскивать на месте недостающие материалы.

Только в 1956 г. управленческие структуры от критики отделов снабжения легкой промышленности перешли к конкретным действиям. Был сделан вывод, что квартальное распределение сырья и систематическая сменяемость поставщиков приводит к крупным перебоям в поставке сырья. В результате, в целях улучшения материального снабжения промышленности, со второго квартала 1956 г. ее снабжение было переведено на годовые фонды взамен квартальных, и были установлены постоянные поставщики в течение года¹⁴.

Неблагополучно на предприятиях легкой промышленности в послевоенное время обстояло дело и с качеством готовой продукции. Проходившая в Новосибирске смотровая комиссия МЛП РСФСР по принятию фасонов и качеству продукции в швейной отрасли отметила, что все швейные фабрики шьют изделия по устаревшим фасонам со значительными дефектами, контроль по качеству продукции на фабриках поставлен слабо, сортность швейных изделий явно завышена. Со стороны потребителей было много жалоб на качество изделий таких фабрик, как «Инодежда», «Рубцовская швейная фабрика». Обувная продукция также не отвечала предъявляемым требованиям по качеству. Так, за продукцией Барнаульской обувной фабрики закрепилась слава, что ее обувь никуда не годится. Директор этой фабрики Рубенчик в погоне за количественным выпуском продукции совершенно не уделял должного внимания качеству, за что в ноябре 1947 г. был снят с работы¹⁵. Продукция Бийской обувной фабрики также была неудовлетворительного качества, поэтому пользовалась весьма ограниченным спросом потребителей. В сапоговаляльной отрасли долгие годы брак укрывался, т. к. бракованные валенки списывали на войлок.

С 1949 г. Совет Министров СССР принял ряд постановлений, направленных на улучшение качества и расширение ассортимента швейных изделий и обуви. Так, 11 февраля 1949 г. было принято постановление № 602 «Об улучшении качества и расширении ассортимента швейных изделий, вырабатываемых предприятиями МЛП СССР», а 28 мая 1952 г. постановление № 2493 «Об улучшении качества верхней одежды и головных уборов». В развитие вышеуказанных постановлений МЛП СССР издал приказы № 224 от 22 февраля 1949 г. и № 391 от 14 июня 1952 г., по которым Крайлегпром провел конкретные мероприятия:

– внедрялись типовая методика обработки изделия и типовые технологические схемы пошива одежды;

– фасоны швейных изделий стали рассматриваться на краевом художественном совете с широким участием представителей торгующих организаций, общественности города, здесь же отбирались и допускались к производству лучшие модели; кроме того, стали использовать модели, разработанные Новосибирским и Московским домами моделей;

¹² ГААК. Ф. 747. Оп.3. Д.1. Л.32, 42.

¹³ ГААК. Ф. 747. Оп.3. Д.1. Л.48.

¹⁴ ГААК. Ф. 747. Оп.2. Д.132. Л.61.

¹⁵ ГААК. Ф. 747. Оп. 2. Д.81. Л.11.

- для облагораживания внешнего вида изделий на швейных фабриках были созданы группы для отделки изделий вышивками, аппликациями, кружевами и комбинациями тканей;
- совместно с торгующими организациями был рассмотрен действующий ассортимент на меховые изделия; не пользующиеся спросом населения сняты с производства;
- была организована система межоперационного контроля из лучших рабочих процесса;
- внедрялись передовые стахановские методы труда (по методу А. Чутких, Л. Корабельниковой и других новаторов).

В результате проведенной работы в два раза увеличился ассортимент изготовленных фабриками изделий¹⁶.

Освоение многих новых моделей одежды и обуви стало возможным благодаря дальнейшей механизации технологического процесса. В швейной отрасли в эти годы фабрики почти полностью были оснащены новым 22-м классом быстроходных универсальных машин типа «А». Только в 1952 г. этих машин было внедрено 150 единиц. Кроме того, швейная промышленность в этот же год пополнилась 50 единицами новых специальных высокопроизводительных машин.

Вместе с тем в легкой промышленности края оставалось еще много проблем, которые надо было решать: недостаточно было уделено внимания расширению и механизации малых предприятий Горно-Алтайской области и Рубцовска; на некоторых швейных фабриках (Барнаульская фабрика № 1) не хватало специального оборудования (петельных машин, оверлогов, закрепочных машин); на некоторых предприятиях (Бийские швейные фабрики № 1 и № 3) было плохо поставлено энергоснабжение; на многих фабриках и заводах отсутствовали раздевалки, вентиляционные установки, теплые уборные (Бийская швейная фабрика); при дефиците рабочих рук постоянной практикой оставалась мобилизация производственных коллективов на хлебоуборочные кампании и другие сельхозработы, а также лесозаготовки. Если, например, в 1946 г. со швейных предприятий снималось до 40 % от общего числа рабочих на производственные работы по хлебо- и сеноуборке и 10-20 человек ежемесячно мобилизовывались на подсобное хозяйство и заготовку топлива (дров), то в 1951 г. по решению областных организаций на работу в колхозы стали отзывать от 50 до 100 % всех работников предприятий¹⁷.

Средняя заработная плата на предприятиях обувной отрасли в 1946 г. составляла 1322 руб., в стекольной промышленности – 1965 руб., в швейной отрасли – 3857 руб., но фактическая зарплата все равно была ниже, чем плановая. Самая большая заработная плата по Алтайлегпрому во второй половине 1940-х гг. была на предприятиях швейной отрасли, а в середине 1950-х гг. на фабриках валяльной и обувной промышленности¹⁸.

Безусловно, трудности, с которыми пришлось столкнуться предприятиям Алтайлегпрома в послевоенное время, влияли на выполнение поставленных планов. Так, например, из 12 предприятий легкой промышленности с производственной программой за 1946 г. справились только 7 фабрик. Правда, иногда цифры по производственным планам были завышены изначально Министерством легкой промышленности и выполнить их предприятиям было просто нереально. Так, директор обувной фабрики Барнаула Либуркин на собрании передовиков легкой промышленности 26 января 1957 г. отмечал: «Я был в Москве... в нашем министерстве, в нашем главке есть такая косность, такой бюрократизм, такая волокита и пробить брешь в этих главках очень и очень трудно... Нам дали план на первый квартал 1957 г. 4100 тыс. руб., на 720 тыс. руб. больше, чем мы могли сделать. Дали 54 тыс. руб. в день, когда мы максимум можем сделать 49 тыс. И мы вылетели бы в трубу. И, несмотря на мои разговоры в министерстве, что это не правильно, что вы делаете, фабрика заведомо неработоспособна – ничего не могли сделать»¹⁹. Такая же ситуация была и на Бийской швейной фабрике № 1 и на Барнаульской швейной фабрике № 4, когда задания на 1951 г. были установлены сверх всякой мощности и фабрики не могли их выполнить.

Иногда в таких случаях предприятия «выручала» подчиненность Крайлегпрому, который отстаивал в министерстве интересы своих предприятий. Правда, на этом все плюсы от двойственного подчинения предприятий легкой промышленности – Министерству легкой промышленности и Крайисполкому заканчивались. К сожалению, предприятия легкой промышленности местного подчинения всегда находились в условиях значительно худших, чем аналогичные предприятия республиканского подчинения. Краевые предприятия ущемлялись при выделении фондов сырья, оборудования, запчастей, горючего и особенно строительных и ремонтных материалов в сравнении с

¹⁶ ГААК. Ф. 747. Оп.3. Д.119. Л.44.

¹⁷ ГААК. Ф. 747. Оп.2. Д.75. Л.56.

¹⁸ ГААК. Ф. 747. Оп.1. Д.242. Л.148.

¹⁹ ГААК. Ф. 747. Оп.3. Д.1. Оп.3. Д.32. Л.32.

республиканскими предприятиями. Им также значительно занижались лимиты по труду и фонды зарплаты.

На практике предприятия легкой промышленности края хотя и были отнесены к промышленности местного подчинения, однако, их деятельность границами края вовсе не замыкалась. Во-первых, они потребляли 90 % ввозимого сырья из других областей и краев, главным образом из центральной части и западных областей СССР. Оттуда же получали технологическое оборудование, запасные части, специальную фурнитуру для швейных и обувных фабрик и прочие вспомогательные материалы. Готовая продукция данных предприятий так же вывозилась за пределы края по всей Западной и Восточной Сибири, на Дальний Восток, Крайний Север и Среднюю Азию.

Таким образом, Великая Отечественная война оказала огромное влияние на промышленное производство Алтайского края. В результате эвакуации промышленных предприятий и их размещения на территории Алтай край за годы войны превратился в крупный индустриальный центр Сибири и получил импульс для дальнейшего производственного развития не только в отраслях тяжелой промышленности, машиностроения, энергетики, но и в производстве товаров народного потребления, в частности, в легкой промышленности. Такие предприятия Бийска, как швейная фабрика № 1, обувная фабрика, льнопрядильно-ткацкая фабрика, а также Барнаульский меланжевый комбинат и Барнаульская трикотажная фабрика и др., успешно преодолели трудности первого послевоенного десятилетия и уже к середине 1950-х гг. увеличили производственный корпус, установили новое оборудование, расширили ассортимент продукции. Мероприятия по модернизации производства позволили не только выполнять алтайским предприятиям производственные планы, но и части из них дали возможность, справившись с кризисными 1990-ми годами, успешно функционировать в настоящее время.

Библиографический список

1. *Богущий А.В.* Развитие промышленного производства Алтайского края в годы Великой Отечественной войны // Экономическая история Сибири XX века: материалы Всероссийской научной конференции / под ред. Е.В. Демчик. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Ч. 2.
2. *Гаврилов Н.С.* Хронология истории Алтая // Энциклопедия Алтайского края [электронный ресурс]. Электронная версия издательства «Ирбис» АлтГУ. Режим доступа: <http://www.evdokimov.ru/joomla/22/history.html>.
3. *Курсакова Е.Н.* К вопросу о развитии легкой промышленности в Алтайском крае в 1946-1979 гг. (на материалах Барнаульской трикотажной фабрики) // Проблемы экономической истории Сибири: государство, предприниматель, социум: сборник научных статей / под ред. Е.В. Демчик. Барнаул: изд-во АКИПКРО, 2010.
4. *Предприятия, эвакуированные на территорию Алтайского края в 1941-1945 гг.* Справочник КГКУ ГААК [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archiv.ab.ru/>.

E.N. Kursakova

*Barnaul Law Institute
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Barnaul*

en-kursakova@yandex.ru

THE INFLUENCE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR ON THE DEVELOPMENT OF CONSUMER GOODS INDUSTRY OF ALTAI REGION IN 1946-1956

The article is devoted to the impact of the Great Patriotic War on the process of recovery of light industry in the Altai region in the first postwar decade. During the Great Patriotic War, the Altai Territory was one of the main areas placement of evacuated fabrics from the European part of the USSR. As soon as possible displaced fabrics began to work, constantly increasing volume and variety of production. Due to the Altai region during the war, it became the base for the evacuated industry, the region got a lot for the post-war industrial development. In the fourth (1946-1950) and the fifth (1951-1955) five-year plans provided for in addition to the restoration of the priority of heavy industry and transport, and also the development of light industry, sharply cut production during the war. The author reveals the problems and difficulties that the fabrics of light industry of the region faced in the postwar years, analyzes the management decisions aimed at improving the quality and expanding the range of consumer goods. Measures to modernize production started in 1946-1955, allowed Altai fabrics of light industry, not only to carry out production plans, but also helped some of them, to cope with the crisis in 1990th years, successfully operating at the moment.

Keywords: Altai, Great Patriotic War, restoration of the national economy, industrial development, light industry, five-year plan, evacuated fabrics.

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ КИДАНЕЙ (III-XIII вв.)

В настоящей статье речь идет о традиционной проблеме всеобщей истории и кочевниковедения – отношении к войне в киданьской кочевой империи Ляо (907-1125, Восточная Азия). Война играет заметную, но не ведущую роль в этой истории и считать кочевников «бандитами» и разрушителями оснований не больше, чем таковыми называть оседлые народы. Кочевники, как и их южные соседи, основное внимание уделяли строительству своего общества и государства и войну использовали как чрезвычайную меру. Все это нашло отражение в своеобразной философии войны. Несмотря на то, что у киданей на первом месте стоит военная практика, можно считать, что в ее основе лежит ряд социокультурных представлений и принципов, к которым условно применимо выражение «теория войны». По мнению автора, у киданей просматривается медленно идущий процесс складывания своего рода военной доктрины, основные идеи которой анализируются в данной статье. На рассмотрение заявленной автором темы существенное влияние оказывает то обстоятельство, что единственным источником нашей информации о социокультурном и этнополитическом развитии киданей являются китайские тексты. Они специфичны и потому, что посвящены истории оседлого мира, а история любых кочевников, в том числе и киданей, рассматривается как своего рода антитеза «магистральному пути». Однако пока только они дают максимальную возможность увидеть реальное сочетание всех факторов развития киданьского общества и одновременно, хотя и крайне минимально, вычленить собственно киданьские представления о войне и ее роли в развитии общества.

Ключевые слова: война, военное дело, философия войны, империя, кочевники, кидани, Ляо.

Военное дело кочевников является особо проблемной темой, с нераскрытыми еще до конца ресурсами и массой негативных факторов. Возможность для ее объективного изучения в современных условиях существует.

В этом контексте история киданей и их государств является той областью кочевниковедения, которая позволяет изучить максимально полный синтез всех факторов номадной [кочевой – прим. ред.] истории. Здесь наблюдается сравнительное равновесие социальных, экономических, культурных, политических и военных факторов, отсутствие доминирования какого-либо одного из них. Картина этой истории четко демонстрирует невозможность догосударственной и государственной истории развиваться только за счет политических и военных факторов, а этнополитического развития киданей существовать только на основе внешнего насилия и войны. История киданей – это реализация стратегии выживания, основой которой могла быть только идея социокультурного строительства, а военное их дело соответственно – результат выработки социогосударственной стратегии.

Изучение любого государственного образования, тем более созданного кочевниками, немыслимо без анализа организации военного дела в этом государстве, а изучение военного наследия киданей, войска которых в начале II тысячелетия н. э. приобрели на востоке Азии славу «непобедимых и непоколебимых», важно и потому, что военный опыт Ляо самым внимательным образом изучался полководцами чжурчжэней, монголов и маньчжуров. Чжурчжэньский правитель Агуда высоко ценил военный опыт киданей. В «Юань чао би ши» говорится, что «кидани составляли целые полки на службе у чиньцев и квартировали по границе у Китая с Монголией» [12, 240]. Один из факторов, способствовавших укреплению империи Ляо – удачное решение киданями военных проблем. Именно у киданей «мобильность стремени и ударная сила стали сочетаться с дисциплинированной, как часы, военной организацией» [8, 99].

На рассмотрение данной темы, безусловно, оказывает существенное влияние специфика нашей информации о военном деле киданей. Единственным источником нашей информации о социокультурном и этнополитическом развитии киданей являются китайские тексты. Они специфичны и потому, что посвящены истории оседлого мира, а история любых кочевников, в том числе и киданей, рассматривается ими как своего рода антитеза «магистральному пути». Однако пока они и только они дают максимальную возможность увидеть реальное сочетание всех факторов развития киданьского общества и одновременно, хотя и крайне минимально, вычленить собственно киданьские представления о войне и ее роли в развитии общества.

В издании «Ляо ши» 1345 г., целых четыре главы (31, 34, 35 и 36) посвящены военной системе Ляо. О том, что маньчжуры высоко ценили военный опыт киданей, свидетельствует «Дайляо гуруни судури»: «Хотя государства Дайляо и Айсинь не смогли соединить Поднебесную воедино, однако государство Дайляо захватило половину земель Поднебесной». Поэтому «всемилодивейший, великодушный, кроткий,

совершенномудрый хан, именно древность желая созерцать и содержа в сердце [это желание]» приказал своим историографам перевести на маньчжурский язык книги трех династий: Ляо, Цзинь и Юань: «Выпустите из этого [перевода] все ненужное и возвеличьте все сполна: удачи добрых дел, войны и облавные охоты!» [5, 1-2]. Из этого отрывка видно, что именно организации военного дела в предшествовавших государствах, и особенно у киданей, маньчжуры придавали особое значение. Видимо, не случайно также и то, что в маньчжурских изданиях «Ляо ши» и «Цзинь ши» имеются специальные разделы, в которых подробно описываются «законы организации войск».

Основными источниками информации о военном деле киданей являются «Цидань го чжи» и «Ляо ши», в которых есть относительно подробные экскурсы на эту тему. Чаще, правда, эти сведения разбросаны по текстам и цельную картину все же приходится составлять из отдельных фактов. В «Ляо ши» наибольший интерес представляют 31, 32 и 33 цзюани, объединенные в раздел «Инвэй чжи» (Записки о защите лагеря). Здесь говорится в основном об ордо-гвардии, походных лагерях киданьских правителей. В цзюанях 34, 35 и 36 дается комплексное описание военной организации, системы комплектования армии. 55 цзюань посвящен военным колесницам.

Отдельные и зачастую случайные сведения и факты есть и в других китайских текстах, в том числе в переведенных на русский язык Н.Я. Бичуриным, а также в сочинениях мусульманских и европейских авторов периода средневековья, в «Сокровенном сказании». Данные письменных источников отчасти дополняются информацией, получаемой при археологических раскопках монгольских и собственно киданьских городищ.

Восточная Азия в предмонгольский период была перенаселена и это основная причина бурной политической жизни. Война же в этих условиях становилась неотъемлемой ее частью, если не сказать необходимой и обязательной. Нельзя сказать, что кидани считали мир нормальным состоянием общества, а войну некоей болезнью. Они жили во времена, когда пацифизм как методология был немыслим, тем более в этой части азиатского материка. Хочется сказать, что для их случая, как и для многих других в истории, вполне подходит максима, выраженная римским историком I в. до н. э. Корнелием Непотом: *si vis pacem – para bellum* (хочешь мира – готовься к войне). Как «пилумы» [разновидность метательного копья – *прим. ред.*] римских легионеров стали сваями европейской государственности (выражение А. Керсновского), так и копья киданьских воинов создавали своего рода защитное ограждение для империи.

Киданьские войны по-разному оценивались ими и их соседями китайцами. Для киданей характерна своего рода теологическая интерпретация, объясняющая необходимость войны, ее ход и результаты волей Неба. Привлекался и конкретно-исторический подход, акцентирующий внимание на роли отдельных политических лидеров (Апоки, Дэгуан, Елюй Даши). Есть элементы и политического подхода, когда война, если использовать слова К. Клаузевица (1780-1831), есть «продолжение политики другими средствами». В свою очередь китайцы в духе психологической школы видели в ментальности киданей склонность к злу, а киданьских лидеров считали своего рода маньяками. Это и результат воспитания киданей как агрессоров (антропологический подход).

Ляо является классическим вариантом кочевой империи. Если мы посмотрим всю ее военную историю, то, кроме набегов, которыми не меньше занимались и китайские оседлые государства, увидим войны, связанные с оформлением единого политического пространства и защитой его рубежей. Под ударами киданей оказались опасные для существования только возникшего государства бохайцы и поддерживавшие их корейцы. Для демонстрации силы были предприняты походы в Западную Монголию и в сибирские районы. Основная военная активность киданей связана с противостоянием Сунской империи, защитой своих южных регионов, населенных «китаизированными» («хань эр»), и строительством пограничных укреплений. Это даже позволяло почти всем исследователям истории Ляо говорить о постепенном выветривании боевого духа киданей, что и сказалось самым катастрофичным образом в момент выступления сокрушивших их чжурчжэней. Все империи гибнут, если можно так выразиться, без единого выстрела, хотя кидани, надо отдать им должное, сражались довольно долго и упорно.

Любая империя, будь то Римская или киданьская, находятся как бы в окружении разных миров. В китайских или киданьской империи тоже опирались на идеи «чжунго» («срединного государства»), окруженного «варварами», которых надо было сдерживать. Эти миры шли по «правильному пути» и не меньшее значение имели проблемы внутреннего управления. Здесь были своя социальная ситуация и своя экономика, которые отличались от соседских и нужно было создавать самобытные социальные программы и проводить специфические экономические преобразования, на помощь соседей рассчитывать почти не приходилось.

Резко повышалась роль этатической конструкции. Только «государство», а не «племя» или даже «ханство» могли решать стоящие перед обществом проблемы. Авторитет империи Ляо был очень велик в Степи. Даже после ее крушения кочевые племена поддерживали киданей в их противостоянии Цзинь. Вожди кочевых племен отказали чжурчжэням в повиновении, а монголы во главе с Хабул-ханом даже объявили

им войну. Елюй Даши после своего бегства на запад созвал курултай в старинном уйгурском городе Бэйтин (Бешбалык), на который прибыли «главы семи областей и вожди 18 племен». Племена дали 10 тысяч хорошо вооруженных и прекрасно обученных воинов. Даши назначил командиров, привел в порядок оружие и снаряжение, разделил отряды по 500 человек, под его знамена стали собираться и киданьские беженцы, и «лишившиеся имущества голодные, истомленные, бедные и всякого сорта люди» [10, 67, 68]. Однако вскоре западные племена ясно увидели военные успехи Цзинь, захватившей половину китайской империи Сун. К тому же чжурчжэни как бы приняли эстафету киданей и сдерживали экспансию Сун на запад, став буфером. С новой кочевой империей не только боялись портить отношения, но и в чем-то считали почти своей. Племена стали одно за другим отпадать от этого союза.

Развитию военного искусства кидани придавали большое значение и в итоге войска их в начале II тысячелетия н. э. приобрели на востоке Азии славу «непобедимых и непоколебимых». Армия считалась у киданей «оплотом /шифом государства», а военное дело обеспечивало безопасность государства: «В делах государства и войска определено за основу: любовь к народу. Если народ богат, то и воинов изобилие. Если воинов много, то и государство могущественно» [5, 67]. Из этого пассажа видно, что кидани, как и любые другие имперские народы, все свое внимание уделяют внутренним проблемам. Армия необходима только для защиты или наказания врага, а война является экстраординарным средством решения сложных проблем. Можно сослаться и на пример создания членом киданьского императорского рода Елюй Даши армии для отвоевания родины у чжурчжэней. Для чего именно нужна армия, хорошо видно из его известной речи на этом курултае: «Сейчас, полагаясь на справедливость своего дела, я прошу вашей помощи в уничтожении нашего общего врага и восстановлении нашей империи. Я уверен, что вы почувствуете сострадание к нашим бедам. Можете ли вы смотреть без горя на разрушение храмов наших духов-правителей? Без сомнения, вы поможете вашему императору и отцу; вы не будете безразлично смотреть на несчастье наших людей».

Кидани в начале государственной истории не знали элементарных правил ведения военных действий, с которыми знаком любой мелкий военачальник оседлых государств. Их, как дворовую футбольную команду, легко обыгрывали китайские профессионалы. Это и предопределило то, что кидани старательно изучали иноземный военный опыт, сочинения и преуспели в этом.

В киданьской армии доминировали племенные отряды. Военных специалистов из других стран, например, из Китая или завоеванного Бохая, кидани неохотно допускали к армейским делам. Их использовали в качестве советников. С их помощью изучали информацию о военной истории и практике соседей. Чаще военный опыт перенимали непосредственно в сражениях. Это будет слабым местом на всем протяжении имперской истории.

На развитие военной теории и практики повлияло использование киданями прежде всего опыта китайских военных, которые массами убегали к ним из земель Янь после образования государства. Могущество киданей «в связи с этим возрастало с каждым днем» [4, 43]. Из них «умом и большим знанием литературы» отличался Хань Яньхуэй, который стал главным советником нового императора Тай-цзу (Апоки). Он сыграл большую роль «в покорении киданями других государств». Лу Вэньцин, перебежавший к киданям из государства Лян, «научил Тай-цзу делать для штурма города подземные ходы, используя которые кидани нападали на город со всех сторон днем и ночью... Кроме того, кидани насыпали земляные холмы, для того, чтобы приблизиться к стенам» [4, 44].

Поскольку основой киданьской армии была кавалерия, а здесь серьезная трансформация военного дела была не нужна в принципе, армии и не требовалась большая грамотность. Киданьская армия в массе своей состояла из неграмотных людей, за исключением элиты. Это значит, что система тренировки воинов и военная деятельность проводилась на основе сложившихся рецептов и традиций. Новшества, появлявшиеся в ходе боевой деятельности или полученные в результате изучения опыта других стран или сочинений по военному делу, медленно распространялись сверху вниз и, как правило, не опускались ниже элиты. Иначе говоря, тактика основывалась на традициях военного дела, а оперативное искусство и стратегия менялись, хотя и медленно. Существенного их изменения не требовалось в силу оборонительного характера киданьской военной доктрины.

В итоге, несмотря на то, что у киданей действительно на первом месте стоит военная практика, можно говорить, что в основе лежит ряд социокультурных представлений и принципов, которые можно объединить выражением «теория войны». Можно говорить о медленно идущем процессе складывания военной доктрины у киданей.

В основе ее была идея избранности киданей с акцентом на особой роли элиты, представленной родами Елюй и Сяо.

Второй важной идеей была идея киданьской государственности в виде империи, т. е. оборонительного, а не наступательного государства.

Третья идея, очень характерная для кочевников, требовала не прощать обид. Апоки отомстил Бохаю. Кидани наказывали племена цзубу, Китай, чжурчжэней как нарушителей установленных договоров и отношений.

Четвертая идея – достижение победы для решения проблемы, но не тотальное уничтожение противника.

Пятая идея, одна из особо важных, – акцент на своей этнической культуре. Патриотизм был одним из самых сильных оснований киданьской военной теории. Позднее чжурчжэни, монголы и маньчжуры будут тщательно изучать опыт Ляо в этом плане и пытаться использовать его в своих взаимоотношениях с иными этносами и культурами. Именно с этой позиции киданьские правители часто критиковали, например, китайцев, говоря, что китайские армии выполняют волю аморальных правителей и используют то, что кочевники не допускают: ложь, вероломство, жестокость, коварство и т. п.

Шестая идея сводилась к тому, что война вполне имеет право на существование. Она ни добро, ни зло. Кидани были воспитаны в духе готовности к войне, но в то же время считали, что война есть особое средство решения проблем. Все должны быть к ней готовы и ежедневно тренироваться, но не жить ради войны.

Седьмая идея – армия должна быть особой организацией. Не все должны находиться в ней, если не считать, разумеется, особых случаев. Она представляла собой нечто вроде особого цеха.

Восьмая идея – если приходится завоевывать чужую территорию, то это делается для себя, и ее нужно сохранить как свою собственность. Лишь для устрашения иногда кидани могли что-то уничтожить или громить укрепления во время сражения.

Одним из главных у киданей был принцип «частной победы», т. е. стремления достичь решающего успеха в каком-то конкретном сражении. Это в конечном итоге приводило к общей победе. Это тоже один из пунктов неоформленной в трактатах доктрины. В большинстве стран того времени и, естественно, у кочевников такое представление было обязательным. В Европе его обосновали Наполеон, Клаузевиц и другие военные деятели.

Как и в других оседлых государствах, армия у кочевников, в том числе и у киданей, создается только под какой-то проект и состоит из отдельных племенных отрядов. Со стороны правительства в нее часто входят либо части специального назначения, либо разного рода охранные подразделения, само существование которых ориентировано лишь на полицейские функции.

Через всю историю любого государственного образования кочевников красной нитью проходит задача укрепления и мирного развития этнополитической структуры. Задача сокрушения и завоевания соседей или, тем более, отдаленных стран не значитя вовсе. Даже Чингисхан, призывавший к тому, чтобы силу монголов знали все народы «от заката солнца и до восхода его», по сути, озабочен лишь тем, чтобы его родину оставили в покое. Иначе говоря, если выстроить иерархию приоритетов кочевой цивилизации, то военная составляющая находится в ней далеко не на первых местах, уступая пальму первенства хозяйственным, социальным и педагогическим сферам. Не случайно в образе кочевого героя-богатыря на первом месте стоит защита справедливости, покровительство обиженным и угнетенным. Справедливости ради надо отметить, что кочевники в этом отношении не оригинальны, достаточно вспомнить знаменитое «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Мф. 11:28). О справедливости заботились и античные европейские герои Геракл, Кухулин, Беовульф и др. У своих героев европейцы эту черту всячески подчеркивали, а для кочевников почему-то сделали исключение.

Сказанное не означает вовсе, что насилие не было присуще кочевникам и представлять их пацифистами, разумеется, нет никаких оснований, однако, в этом отношении они ничем не хуже и не лучше любых традиционных народов.

Если народ и государство хотят существовать, они обязаны иметь мощную армию и заботиться о ней, чего бы это ни стоило. Это относится и к восточноазиатским кочевникам, о чем прямо говорится в «Цзинь ши»: «Цзинь армией начала и армией кончила», «Цзинь использовала воинов, чтобы добыть государство, не отличаясь [в этом] от Ляо» [1, 191]. Можно сказать, что кидани первыми в Восточной Азии в таком массовом количестве создали регулярную армию.

Киданьская «военная машина» сложилась далеко не сразу. Ее появление стало результатом как многолетнего опыта военных походов, так и целенаправленных изменений, вносившихся в военную организацию и тактику ведения боя.

У Ляо был сильный военный потенциал. Абсолютные возможности были связаны с большим и вполне достаточным количеством населения, достаточными природными ресурсами. Относительные возможности – это развитая система комплектования вооруженных сил, хорошие дороги, достаточно развитая экономика. Удачные войны приносили богатую добычу, росло благосостояние населения, присоединенные территории оздоравливали экономику. В результате рос авторитет армии.

Это будет сохраняться до конца династии, хотя китайцы и пытались разрушать дороги, поля, города, убивать и угонять людей. К концу династии боевой дух слабел, армия расслаблялась, все больше

дистанцировалась от населения. Многие в империи ненавидели именно солдат, которые порой грабили и своих.

Одним из негативных последствий войн для киданей были значительные людские потери. Война развращала солдат, делала для них привычными насилие, агрессию, равнодушие к судьбам людей, корыстность. На войне гибли лучшие и, как писал П. Сорокин, «настоящие платежи по векселям – в будущем, когда вырастут поколения выжившей «человеческой слякоти»» [11, 101]. Возникновение и гибель обоих киданьских государств сопровождалось ожесточенными войнами, однако, если войны в начале привели к возникновению этих государств, то заключительные войны своим итогом имели их исчезновение, вырождение народа и утрату им места в истории.

Создав могущественную державу, с авторитетом и силой которой вынуждены были считаться соседи, кидани все меньше прибегали к войне как средству решения всех проблем и уделяли больше внимания вопросам регулирования своей экономики.

Когда началась затяжная война с чжурчжэнями, много сил было брошено на войну, тыл начало лихорадить, ломались торговые связи. Начались проблемы с продовольствием в тылу, обнищание населения, недовольство. По сути, за счет отсутствия ориентации на войну как средство решения всех проблем, просчетов политики происходил развал экономики. Чжурчжэни же в завоеванных районах наводили порядок, за счет чего рос на этот раз уже их авторитет. Экономика не могла помочь киданьской армии. Аналогичная ситуация сложилась и во время правления последнего западнокиданьского правителя Кучлука.

Киданьское государство после своего возникновения уже не могло довольствоваться теми рецептами и методами, которые существовали в степной зоне на уровне взаимоотношения племен. Оно, объявив себя государством, тем самым уже инициировало перспективную и долгосрочную программу, наметило стратегию своего общественного развития. Нелепо даже предполагать, что в военной сфере оно будет придерживаться лишь тактики, тем более племенной, основанной на блицкриге или набегах. Защита своей территории, сдерживание потенциальной агрессии со стороны соседей выходят на первый план и требуют напряжения всех сил государства. Набегами изредка занимались отдельные племенные вожди, но государство всегда осуждало эту тактику. В итоге война у киданей в период государства выходит на уровень стратегии. Управление государством и военная стратегия взаимосвязаны, но в условиях государственности стратегия не может быть самостоятельной и отчужденной сферой, она становится частью политики. Это существовало в любых государствах древности и средневековья. Как у древнеиндийской, так и у киданьской элиты было два обязательных занятия – управлять и воевать. Управление на первом месте, военное дело – на втором. И то, и другое – средства решения проблем и обеспечения нормального развития государства и общества. Рядом с ними обязательно находится дипломатия. Это три кита, на которых зиждется государственность.

В киданьской истории, творимой с помощью политики, стратегии и дипломатии, хорошо прослеживается обязательное и четкое взаимодействие парадигмы развития, овеществленной в идее киданьской государственности, и обилия алгоритмов реализации этой цели, структурированных в политику, дипломатию и стратегию.

Ляо не знает больших и кровавых войн и это обстоятельство служит одним из доказательств того, что киданьские политика, дипломатия и стратегия находились на очень высоком уровне. Достижение ими Шань-юаньского мира 1004 г. стало результатом скрупулезной, нудной, но весьма эффективной работы всех «слагаемых». Плюс, разумеется, дипломатия, хотя ей было уже легче оформлять условия договора, опираясь на слаженную работу государственных и военных институтов.

Безусловно, из этой картины выпадает история гибели Ляо, однако, думается, затяжной и разрушительный характер этой кампании для киданей был обусловлен тем, к чему они были не готовы абсолютно. Призывы Агуды к неповиновению киданям, адресованные, прежде всего, внутривосточным силам, мощная информационная атака, использовавшая идею «несправедливости» империи, спровоцировали революционные социальные брожения внутри страны. Империя находилась в процессе трансформации полицентричного родоплеменного мира и этот процесс не достиг еще и середины. В общем империю так или иначе погубили изнутри. Киданьская стратегия до самого конца оставалась на должной высоте. На своем исходе империя вела лишь одну неудачную войну – с чжурчжэнями как внутренними врагами. Китайцы, пытавшиеся захватить южные регионы Ляо, совсем не преуспели в этом.

До конца нерешенной проблемой в киданьской истории все же стало адекватное совмещение стратегии, оперативного искусства и тактики. Не раз имело место своеволие при выполнении приказа императора как верховного главнокомандующего командующими армиями. С подобной проблемой столкнется в свое время и Чингисхан, придававший дисциплине военачальников не меньшее значение, чем дисциплине рядовых воинов. Своевольствовали иной раз и командиры отдельных отрядов. Таким образом, оперативное искусство (уровень командующих армиями) и тактика (уровень отряда) тоже не всегда сочетались должным образом.

Тем не менее, кидани работали над этими проблемами и путем разных мер, в том числе репрессивных, добились относительного порядка. Он был катастрофически нарушен в период гибели империи. Как писал Е Лунли, «когда высокая мудрость (киданьских императоров) поднималась ввысь, туда и сюда скакали боевые кони, им этого было мало. Когда (у киданьских императоров) появилась неумная жадность к пьянству, последовали беды и поражения, не имевшие конца» [4, 113]. По его мнению, уже императоры Шицзун и Муцзун «сняли латы и шлемы в женских покоях, а под боком у них возникли поводы для вражды. Как они были ничтожны! Это связано с их надменностью, несдержанностью в желаниях, любовью к пьянству и женской красоте, страстью к охоте, что ведет к поражениям и гибели, а эти пороки были отпущены обоим как бы одной рукой» [4, 113].

Ляо была крупным игроком в восточноазиатской геополитической игре и немного отставала разве что в макроэкономической. Это видно уже из того, что киданьские правители вели крупные межгосударственные переговоры, возглавляли вооруженные силы в крупных кампаниях. Многие договоры заключались на киданьской территории, что само по себе символизировало особую значимость Ляо.

Главным «учителем» киданей был Китай, обладавший огромным боевым опытом. В X в., в силу сложившихся обстоятельств, там было нарушено должное взаимодействие политики, стратегии и оперативного искусства. Китайские армии терпели поражения от киданей, да и от других «варваров», именно из-за рассогласования деятельности государственной и военной машин. У киданей же этот тандем работал великолепно. Им оставалось изучить у китайцев то, чего не знали, а именно основы ведения боя в иной природно-климатической и культурно-хозяйственной зоне. Почерпнуть кидани сумели и успели многое. Что-то недопоняли, например, использование техники. Правда, со временем с помощью перебежчиков и племенных китайцев смогли преуспеть и в этом. Многие китайцы вполне легально переходили на службу к киданям, как это делали и в Китае, служа в разных провинциях. В те времена это вполне допускалось.

В начальный период истории династии, при первых двух императорах, серьезной проблемой был низкий уровень полководческого образования киданьских военачальников, многие из которых слишком быстро прошли путь от уровня родоплеменной знати. Они перескочили через многие необходимые ступеньки. Отсутствие должного профессионализма компенсировалось талантом и настойчивостью.

Военное дело является предметом особой заботы со стороны правителя, поэтому до своего воцарения он должен был проявить себя как физически сильный человек, обученный военному мастерству и имеющий надлежащий опыт руководства войсками. Об основателе государства Апоки Е Лунли сообщает, что он, «достигнув зрелого возраста, отличался крепким телосложением, смелостью, воинственностью и сообразительностью. Отлично ездил верхом и стрелял из лука, пробивая стрелой железо толщиной в один цунь» [4, 41]. Его наследник Дэгуан во время войны с Бохаем получил титул юаньшуай тайцзы (главнокомандующий – наследник престола) [4, 56]. Он тоже «искусно ездил верхом и стрелял из лука» [4, 54].

У киданей отсутствуют войны в защиту каких-то религиозных или идеологических ценностей. Для Восточной Азии не характерны были, в отличие от Запада, какого-либо рода «религиозные войны». Разногласия здесь носят преимущественно политический характер. Феномена «религии» в том виде, в каком он существует на Западе, здесь нет, и споры между различными религиозно-философскими течениями здесь не носят острого характера. Исключение составляет противостояние конфуцианства и буддизма, закончившееся рядом антибуддийских мер правительства в 845 г. Непосредственно в додинастической истории киданей «мировые религии» не были распространены в зоне их бытования, а в империи Ляо проводилась сравнительно мягкая политика по отношению ко всем конфессиям. В Ляо фактически существовал лишь единственный вид войн – войны в интересах государства, разумеется, в том смысле, как это понимала правящая элита. Например, китайцы после присоединения к своему государству шестнадцати округов в 947 г. боролись за дезаннексию этих территорий. Однако, кидани, считая их стратегически важными, по сути, выдвинули тот же принцип, ссылаясь на то, что они всегда входили в зону влияния кочевых племен, в том числе и киданей.

Киданей фактически обвиняют в том, что на протяжении всей истории своего государства они вели то, что К. Клаузевиц назвал «интегральной войной», т. е. войной на абсолютное уничтожение противника, а по возможности и его государства. Безусловно, войны того времени, ведущиеся не только киданями, кровавы. Во время сражений погибали многие тысячи воинов, не говоря уже о мирных жителях. Однако киданей гибло не меньше, чем их противников, тем не менее ляосцы никогда не ставили перед собой цели уничтожить какой-нибудь народ, чего не скажешь об их врагах. Так, полководец династии Цзинь Ли Сьюань откровенно поведал киданям перед боем, что его император за то, что кидани нарушили границы, «приказал мне во главе миллионной армии идти прямо на Силоу и уничтожить все ваше племя» [4, 44-45]. Во всех своих сражениях кидани ставили только одну цель – победу. Благодаря ей они собирались решить ту или иную проблему. «Войны ведут не для того, чтобы

убивать, а для того, чтобы побеждать» [6, 5-19]. Ни внутри государства, ни за его пределами они даже в мыслях не держали осуществление геноцида.

Кривость сражений обусловлена не садистскими наклонностями сражавшихся. Китайцы не умели воевать с киданями, которые только с организацией государства реально стали известны их военачальникам, но и кидани за предшествующие столетия не приобрели сколько-нибудь сносного опыта войн с южным гигантом. Отсюда тактическая неуклюжесть, массовые ошибки, страх, побуждающий к жестокости на поле боя. Как это ни парадоксально, но свое военное искусство кидани стали развивать, по сути, лишь во времена империи. Кровавопролитность сражений обусловлена еще и применением в массовом порядке холодного оружия и отсутствием какого-либо подобия оружия огнестрельного. От пушек в новое время можно укрыться или убежать, а от копья, сабли или стрелы в ближнем бою увернуться невозможно. Можно сказать, что «шансы» погибнуть были почти стопроцентными у всех сражающихся.

Целью существования своего государства кидани считали благополучное существование народа. Можно сказать, что они добились своей цели: вторая половина истории Ляо выглядит спокойной, благополучной, временами даже вялой. Эту «сытость» и считают основной причиной ослабления империи. Средневековый арабский историк и географ Ибн Халдун в «Мукаддимах» даже считает такую деградацию кочевых государств универсальной. Думается, такая эволюция является ярким свидетельством отсутствия «природной агрессивности» кочевых сообществ.

Киданьская империя не обладала мощными экономическими потенциями, поэтому именно военная машина и дипломатия были ее единственными «союзниками». Только победа над чужой армией давала возможность что-то требовать от их государства. Экономические рычаги еще не могли быть использованы так, как в настоящее время. За всю свою династийную историю кидани так и не выработали сколько-нибудь совершенные навыки военной экспансии и наступательно-завоевательной войны. Сложная геополитическая обстановка в регионе не давала никакой надежды на экспансию и захват чужой территории. Кроме того, специфика экономической ситуации и не требовала этого. Кидани просто создавали новую этатическую конструкцию в районе своего давнего обитания, трансформируя полиэтничность в иерархическую модель. Их военная доктрина могла быть построена только на идее обороны, а не наступления, или хотя бы набегов.

Кидани считали войны неизбежными, происходившими чаще, чем любые стихийные бедствия. Если со стихийными бедствиями бороться было бесполезно, то бороться с врагами должен был уметь каждый человек. Отсюда культ силы, физического совершенства, психологической алертности. Отсюда постоянные военные тренировки, охоты, состязания. Отсюда идеал воина-кочевника, мобильного, способного не только встретить опасность в любую минуту, но и победить. Нападают на слабых, сильных боятся. Эта мудрость была обязательным условием элементарного выживания. Маршал Франции и ее министр обороны в 1916-17 гг. Луи Юбер Лиотей когда-то сказал: «Надо вовремя показать свою силу, чтобы избежать впоследствии ее применения» [13, 26].

Воинские соединения киданей использовались не только для решения внешнеполитических задач, но и активно «поддерживали мир» внутри полиэтничной империи. Необходимости создавать полицейскую инфраструктуру в те времена не было, но в чрезвычайных ситуациях (мятежи, волнения племен) армия использовалась часто. Это было одной из целей ее существования, хотя и не главной. После смерти Дэгуана подняли мятеж некоторые племена и «вдовствующая императрица не плакала, а только сказала: «Когда все кочевья будут успокоены и объединены, как раньше, тогда похороню тебя» [4, 227].

На первых порах кидани, видимо, считали допустимым вторгнуться на чужую территорию просто при наличии достаточной военной силы. В 917 г., недалеко от Ючжоу, китайские войска прегради путь киданьскому корпусу под командованием самого Тайцзу и один из военачальников Ли Сьюань прямо упрекнул киданей в том, что они без всякой причины нарушили границы [4, 44]. Частые поражения киданей от китайцев не только предостерегли их от «легкомысленных вторжений» [4, 44], но и заставили задуматься над обоснованием необходимости своих походов.

Война может быть средством получения того, что может быть предметом оспаривания со стороны других государств. В 921 г. Ван Чучжи, боровшийся с династией Лян на стороне династии Поздняя Тан (Хоу Тан), посоветовал своему сыну Ван Юю прельстить киданей: «В Чжэньчжоу красивых женщин много, как облаков на небе, а золота и шелка – целые горы. Если вы, Небесный повелитель, быстро выступите, все это станет вашей собственностью, в противном же случае будет принадлежать Цзиньвану». Тайцзу нашел это правильным и двинулся со всеми воинами на юг» [4, 47]. Один из сановников китайской династии Сун, уговаривая киданей Восточного Ляо заключить мир, говорил: «если Ляо установит с Сун мир, то Ляо будет легко получать ежегодные платежи и прибыли пойдут в ханскую казну. Если же Ляо развяжут войну с Сун, то все прибыли пойдут подданным, а ханской казне достанутся убытки» [14, 191].

Фраза «война определяет всю историю кочевников» есть продукт обыденного сознания и нетрудно убедиться на фактическом материале, что она пуста и бессмысленна. Никакой народ никогда не живет только за счет войн и грабежей. Государство тем более. Однако в отдельных случаях ею можно воспользоваться. Одной из особенностей государственной жизни кочевников является рассредоточение государственной власти. Кидани переняли у бохайцев систему пяти столиц и установили дополнительно систему *набо* – сезонных лагерей, в которые в зависимости от времени года переезжал по очереди правитель. Отсутствие столицы как единого и единственного центра государства, «геометрического места власти» и «кочевание» правителя с одного стратегически важного места в другое позволяло не только максимально обезопасить императора, но и лишить врага возможности нанести своего рода моральный удар, захватив «символ страны». Достаточно вспомнить события 1812 г., когда захват Москвы Наполеоном I поверг русских в шок.

Аналогично поступали и западные кидани, рассредоточив высшие правительственные и военные органы по «войлочным городам». Даже в центре своей державы г. Баласагуне кидани не стали жить, а воздвигли возле него «войлочный город». «Войлочный город» киданей был, по сути, военным лагерем. Он позволял жить отдельно от покоренного населения, на лояльность которого никогда нельзя было положиться. Он же давал возможность мобильно передвигаться по всей стране. Не променял юрту на дворец и Чингисхан.

Свои военные удачи кидани объясняли благоволением Неба, однако китайцы, в том числе Е Лунли, считали их неотъемлемой частью тех беспорядков, которые Небо посылает в наказание людям: «Неужели Небу не надоели беспорядки, иначе как незаконно присвоивший себе имя и титул смог подчинить различные народы?! Если это не так, почему он действовал тогда так энергично!». Это, «хотя и объясняется действиями людей, но зависело также от судьбы» [4, 54]. Кидани считали, что воля Неба по отношению к военным действиям обязательно проявляется в каких-то событиях и явлениях. Перед нападением на Бохай Тайцзу на охоте двумя выстрелами из лука убил пролетавшего дракона и заявил, что если он смог его убить, «это предзнаменование победы над царством Бохай» [4, 52]. «Кидане, выступая в поход, не выбирают счастливого дня, а смешивают полынь с конским навозом и жгут полученную смесь на кости ключицы белого барана. Если кость от жары трескается, они выступают в поход, а если не трескается – не выступают» [4, 341]. Кидани считали, что победа даруется Небом и достигается усилиями людей [4, 363]. Небо помогает смелым и воинственным [4, 364].

Кидани за всю историю государства воевали практически лишь с Китаем, чью тактику хорошо изучили. В то же время они с большим трудом имели дело с незнакомой корейской армией и совершенно разучились воевать с «варварами», в частности, с чжурчжэнями. Огромный авторитет Ляо, успехи киданьской дипломатии, уважение и потребность в Ляо у других народов позволяли не использовать армию в полной мере. Это расслабило армию, которая чаще всего осуществляла карательные походы. В 924 г. была осуществлена блестящая операция по наведению порядка на западных границах, но последующая борьба с цзубу шла уже с большим трудом. В 1044 г. кидани собирались осуществить карательный поход против Си Ся [4, 151], но воспользовались советом китайцев и отложили его, не рассчитывая на легкую победу.

По мере становления империи, как ни парадоксально, количество воинской элиты постепенно сокращалось. Она становилась весьма малочисленной частью киданьского народа, и, чем меньше она становилась, тем более высокопрофессиональной она становилась. Армия разрасталась за счет включения в нее племенных отрядов и даже побежденных народов, но кадровая часть медленно уменьшалась.

Собственно киданьских вооруженных сил в конце династии не хватало. Многие гибли в войнах, попадали в плен, дезертировали. Кидани стали активно мобилизовывать племена. Эти племена часто поднимали мятежи, переходили на сторону врага. На сторону чжурчжэней впоследствии активно переходила знать и часть аристократии.

Занятость киданей управлением и армией способствовала складыванию чувства кастовой солидарности и максимальному отчуждению, дистанцированию от основной массы населения. Киданьская воинская и управленческая элита все же не стала классом типа европейского рыцарства. В значительной степени это было связано с тем, что киданьская элита как бы встала над общей массой народа. Европейское же рыцарство было неотъемлемой частью так называемой «феодальной лестницы» и распределялось по ней.

Затяжная античжурчжэньская война, шедшая почти полтора десятка лет, сильно повлияла на киданьскую ментальность. Она нанесла непоправимый урон производительным силам (уничтожение городов и поселков) не только в приграничных районах, но и в глубине страны. Многие рядовые кидани утратили свои производственные навыки и стали приобретать воинскую психологию. Происходит одновременно своеобразная депрофессионализация киданьской армии, в которую в излишнем количестве вливались непрофессионалы. Конечно, в боях гибли не только профессионалы, но ряды «милиционеров»

постоянно пополнялись за счет чрезвычайных наборов. На поле боя их непрофессионализм часто сказывался самым невыгодным образом. Так, например, кидани не приняли всерьез наступление чжурчжэней: «В это время государство Ляо уже долго наслаждалось миром, поэтому, когда кидане услышали, что ньючжэни начали против них войну, все хотели принять участие в походе, рассчитывая на награды. Многие из участников похода присоединили к войскам свои семьи, которые двигались вместе с ними» [4, 177]. В 114 г. Тяньцзо простил своим воинам поражение из боязни, что они займутся грабежами. «После этого воины, участвовавшие в походах, стали говорить: «Сражение приносит смерть, но не награды, отступление сохраняет жизнь и не считается преступлением». В результате ни у кого из воинов не было боевого духа, и во время войны с ньючжэнями, длившейся несколько лет, они всегда разбегались при первой встрече с ними. Вот почему помилование и освобождение от наказания не приводят к успеху» [4, 180]. В 1115 г. воины, услышав, что «огромная армия уже потерпела поражение, то сожгли лагерь и бежали» [4, 184].

Тактика – это составная часть киданьского военного искусства, включающая теорию и практику подготовки и ведения боя. Ее основными компонентами являются боевой строй и тактические приемы ведения сражения, а дополнительными элементами являются подготовка сражения, развертывание войск, тактическая разведка, военные хитрости и др. Недостаточная изученность тактики ведения боя киданями в значительной степени обусловлена спецификой письменных источников, в которых внимание акцентируется на последствиях атаки, а построение войск в начале боя и применяемые тактические приемы упоминаются редко.

Поскольку кидани не так активно использовали технику, как китайцы, главные новшества у них появлялись на уровне тактики. Это означает, что они отталкивались от своей природной практики. Они, если можно так выразиться, додумались до войны, но не додумались до новейших видов вооружения. Много в их военной тактике связано со спецификой кочевого скотоводства – поход рассеянным строем, чтобы хватало корма животным, возвращение всегда другой дорогой, чтобы не использовать прежние пастбища. Использовались и приемы облавных охот: наступление рассыпным строем, окружение с помощью двух крыльев или двух крыльев и центра, а позднее крыльев и арьергарда при ослабленном авангарде, широкое использование засад, стремление запугать врага [4, 61, 62, 77, 424].

Важным элементом тактики было нанесение мощного неожиданного удара по противнику. Для этого осуществлялась скрытая передислокация войск накануне и в ходе сражения, а также неожиданная атака противника на марше или в месте дислокации. Для обеспечения скрытности использовался рельеф местности, темное время суток и т. д. Использовались засады, ночные атаки, ложные ночные костры, притворное отступление. Киданьский полководец Елюй Сюэ, чтобы скрыть от противника численность своих войск, приказал воинам во время марша держать днем по два флага, а ночью по два факела [4, 418]. В 945 г. возле Янчэна кидани столкнулись с войсками династии Цзинь: «ляоские всадники, словно цепи гор, окружили их со всех сторон, так что пришлось упорно сражаться, чтобы отражать их. Воины и лошади страдали от голода и жажды... Ляоские войска окружили лагерь несколькими кольцами и выслали в тыл летучие отряды, чтобы перерезать пути подвоза провианта... Ляоский император, сидевший в... повозке, приказал железным коршунам» спешиться, окружить лагерь и напасть на противника с мечами. Для того, чтобы придать нападающим вид еще большей мощи, кидани пускали по ветру огонь и поднимали пыль» [4, 79, 125, 126].

Всем уровням командования киданей не всегда хватало теоретического знания. Киданьская тактика иной раз пасовала перед неизвестными топографическими условиями, оперативное искусство – перед разнообразием географических условий (пересеченная местность, пути сообщения, сетка поселений), стратегия – перед геополитическими. Компенсировать это пытались лишь разведывательной деятельностью, но отсутствие боевой практики в неизвестных условиях все же сказывалось. Кидани долго не знали военную науку южан, а многовековая военная практика ведения боевых действий в открытом поле не срабатывала в пересеченной местности и городах. Уже одно это предопределило то, что кидани часто действовали интуитивно, наобум. Военное искусство преобладало над военной наукой, но это искусство могло дать преимущество только в Степи. Тем не менее ориентация на экспромт, на озарение часто помогала даже в экстраординарных ситуациях.

Кидани умело сочетали элементы огня, забрасывая противника перед боем стрелами, и элементы удара, устраивая атаку рассыпным строем. Этот наступательный маневр очень часто приносил им решающую победу и представлял собой серьезную угрозу даже для хорошо подготовленной и вооруженной конницы (которой, без сомнения, являлась кавалерия тюрков и империи Тан). Они на всем скаку забрасывали неприятеля тучей стрел, чтобы расстроить его ряды. Этот строй для ведения лучного боя на средней и малой дистанции в литературе получил наименование «хоровод» или «карусель» [3, 156, 157]. Он сохранился и у монголов: «Татары, когда сражаются с врагом, так не смешиваются, а все скачут кругом да стреляют» [3, 156; 9, 256], «точность его была такой, что стрелы то и дело поражали лица и руки воинов противника и даже перерезали тетивы его луков» [2, 30.]. Если это не помогало, то

применяли знаменитую тактику, получившую название «скифской», т. е. отступали. Этот маневр воздействовал психологически на противника, особенно в ситуации, когда кидани были заведомо слабее. О проявляющейся иной раз иррациональности поведения киданей сообщают в своих донесениях и записках китайцы.

Стоит отметить, что искусство лучной стрельбы и оригинальной кавалерийской тактики органично проистекало из традиций массовой облавной охоты и перманентной «малой войны» между степными родами и племенами. Номады [кочевники – прим. ред.] всегда ощущали себя воинами и жили, хотя и с различной интенсивностью, военно-кочевой жизнью.

Часто сражение не было единым действием, а делилось на серию стычек. В 945 г. у деревни Юйлиндянь китайской области Пучжоу кидани и китайцы «вступили в упорное сражение. С семи часов утра до трех часов дня произошло более ста схваток, в ходе которых обе стороны понесли большие потери убитыми и ранеными» [4, 77].

Кидани достаточно активно участвовали в коалиционных войнах. Не всегда успешно, но неудачи чаще получались не по их вине. Часто они старались и избегать их. По словам императора Ляо, «все сановники наперебой просили меня двинуть войска на юг, но я нашел, что лучше сначала отправить послов с требованием отдать наши старые земли к югу от заставы Вацяогуань, так как послать войска всегда успею, если моя просьба не будет удовлетворена» [4, 146]. В 1099 г. император Ляо в государственной грамоте, адресованной династии Сун, писал, что правительство Си Ся просило военной помощи у Ляо против китайцев: «Оно настойчиво просило военной помощи, чтобы избавиться от бедствий, связанных с нападениями китайских войск. Руководствуясь принципами справедливости, я должен был бы согласиться на его просьбу, но в делах больше всего ценится мирное решение» [4, 165].

Кидани активно использовали средства дестабилизации ситуации в тылу противника. Это были слухи о приближении киданей, их жестокости, слабости армии противника, несправедливостях, творимых вражеской армией. Дэгуан «позволял ляоским всадникам ездить во все стороны и заниматься грабежом, что называлось «заготавливать траву и хлеб» [4, 90]. В 944 г. кидани захватили город Бэйчжоу и перебили в нем около десяти тысяч человек». [4, 74]. Во время отступления на север «император Ляо ограбил и сжег все поселения, через которые проходил, так что население лишилось почти всего имущества» [4, 75-76]. В 947 г. киданьский император, «окружив сдавшихся цзиньских воинов киданьскими всадниками... хотел загнать их в Хуанхэ и утопить, но Чжоу Янь-шоу уговорил его распределить их для обороны границ, и, таким образом, избежав смерти, цзиньцы были снова возвращены в военные лагеря» [4, 88]. По словам Е Лунли, «кидани, натягивая луки со свистящими стрелами, вторглись на Центральную равнину, убивали цзиньцев и отрезали у них уши в знак победы, дали волю страсти к военным действиям, захватили столицу Лоян, не встречая сопротивления, опустошили земли между четырьмя морями, превратив их в развалины» [4, 94]. «На лицах захваченных в плен кидани ставили клеймо «подчиняющихся приказам не убиваем» и отпускали на юг» [4, 82]. Все киданьские «фуражиры были одеты в латы и имели оружие. Из групп фуражиров составлялись отряды. Сначала они всегда вырубали сады и деревья, а затем выгоняли захваченных стариков и детей, заставляя их переносить землю и бревна для засыпки рвов и каналов у городских стен. Во время штурма городов их всегда заставляли первыми подниматься на стены, так что стрелы, камни и сбрасываемые защитниками города деревья причиняли вред только старикам и детям. Кроме того, за войсками следовало десять тысяч ополченцев, набранных среди китайцев, живших в областях и уездах государства Ляо, обязанность которых состояла в рубке деревьев и подсыпке дорог» [4, 513]. Сами по себе лишения войны вызывали недовольство и ропот.

Они активно использовали шпионаж как средство сбора информации. Агенты были посланные, или вербовались среди местного населения. Не брезговали кидани и услугами предателей. На предательство шли или из-за несогласия со своими правителями, или даже просто ради денег.

Сила киданьской армии в начале империи во многом определялась рядом факторов, связанных непосредственно с воином. Если китайские солдаты должны были оттачивать свое мастерство и развивать физические качества (сила, выносливость, храбрость) с помощью упражнений, то кидани необходимую закалку получали в своей ежедневной жизни: в непрерывных столкновениях с соседями, на охоте, в скотоводческой практике. Они приучались к опасностям и умению работать в единой команде самой жизнью. Родовая солидарность, взаимовыручка – основа основ. Военная практика киданей основывалась на максимальной дисциплинированности и строгом соблюдении воинских законов. В 936 г. «они окружили крепость Цзиньвань, расположив лагерь к югу от нее. В длину лагерь занимал более ста, а в ширину пятьдесят ли. Было протянуто много веревок с колокольчиками, и имелось большое количество собак, так что ни один человек не мог пройти незамеченным ни одного шага» [4, 62]. Китайский «Цзиньван с войсками следовал за Тай-цзу, останавливаясь на месте его лагерей, в которых он видел, что расстилавшаяся на землю при ночлегах солома была настолько аккуратно собрана и свернута, как будто ее концы обрезали ножницами. Несмотря на то что лагеря были покинуты, не было ни одного

беспорядочно брошенного стебля. Со вздохом [Цзинь-ван] сказал: «У киданей строгие законы, и только поэтому может быть так. [В этом отношении] Китай отстает от них» [4, 48].

Воинская этика «снизу вверх» соблюдалась довольно четко, ибо при ее воспитании кидани активно опирались на сложившиеся традиции. Такой четкости в отношении этики «сверху вниз» уже не наблюдалось. У киданей прослеживается два вида дисциплины. Одна, у собственно киданей, основывается на искренней убежденности в избранности своего народа, превосходстве его над другими. Другая, у представителей других народов, приобретенная, добытая муштрой и контролем. Неслучайно чжурчжэни впоследствии будут особо ценить именно киданьских воинов и не особо доверять киданьской элите.

Кидани слыли в Восточной Азии смелыми и отчаянными воинами. Эти качества хороши в бою, когда контролируются. Известны, однако, случаи, когда они безрассудно бросались в атаку и эта фронтовая романтика тут же наказывалась. Если рядовые воины все же старались не вырваться из строя, то полевые командиры могли и ослушаться приказа вышестоящего начальника. Они привыкли вести межплеменные стычки, в них сильны были еще стремление к самостоятельности и племенная спесь. Нашествия действительно совершались всем населением, а походы – одними воинами [7, 27]. До конца кидани с этой проблемой не справятся. Впрочем, суровые меры Чингисхана тоже не всегда срабатывали.

Киданьские армии были мобильны, шли налегке, взяв с собой только минимум припасов. Интендантская служба не успевала за кавалерией, а на землях противника нельзя было быть абсолютно уверенным в том, что продовольствие будет легко достать. В результате, даже реализуя долгосрочную военную программу, например, вторжение в Китай Дэгуана в 947 г., кидани вынуждены были разбивать эту кампанию на то или иное количество «шагов». Продовольствия должно было хватить до подхода обозов или, если ситуация изменится, на возвращение домой. В результате либо на любую кампанию уходило очень много времени, либо кидани вынужденно использовали тактику набегов (блиц-кригов).

Разумеется, военные успехи киданей не являлись следствием лишь их политической консолидации. Важнейшим фактором стали преобразования в военной сфере. Наиболее наглядное из них – это освоение киданями осадного искусства.

Плохо была поставлена пропаганда армии. О наградах фактически было известно лишь внутри элиты, простому населению об этом не говорили. Чужие племена награждали редко, по крайней мере не давали такие же награды, как собственной элите. Китайцы, в противовес им, достаточно щедро раздавали чины тем, кто вступал в союз с ними, и за счет этого рос имидж Китая. Это вполне объяснимо, ибо в средние века связи между социальными слоями носили весьма ограниченный характер. Это тоже сказывалось на том, что после уничтожения элиты остальное население легко уходило к новым хозяевам.

Библиографический список

1. Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М.: Наука, 1975.
2. Горели М.В. Армии монголо-татар X-XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М: ООО «Восточный горизонт», 2002.
3. Горелик М.В. Степной бой (из истории военного дела татаро-монголов) // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990.
4. Е Лун-ли. История государства киданей. М.: Наука. 1979.
5. История Железной империи. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2007.
6. Керсновский А. Философия войны. Белград, 1939.
7. Кун В.Н. Черты военной организации средневековых кочевых народов Ср. Азии // Уч. зап. Ташк. пед. ин-та. Сер. общ. наук. 1947. Вып. 1. Ташкент.
8. Ларичев В.Е., Тюрюмина Л.В. Военное дело у киданей (по сведениям из «Ляо ши») // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск: Наука, 1975.
9. Марко Поло. Книга Марко Поло. Алма-Ата: Наука, 1990.
10. Пиков Г.Г. Западные кидани. Новосибирск, НГУ, 1989.
11. Сорокин П.А. Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // Экономист. 1922. № 1.
12. Старинное монгольское сказание о Чингисхане. Перевел с китайского с примечаниями архимандрит Палладий // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т.IV. СПб., 1866.
13. Философия войны. М.: Анкил-Воин, 1995.
14. Jagchid S., Symons VJ. Peace, War and Trade along the Great Wall: Nomadic-Chinese Interaction through two Millennia. Bloomington, 1989. P. 191.
15. Morgan D. The Mongols. New York. 1986.

G.G. Píkov

*Novosibirsk national research state university
Novosibirsk*

AGAIN TO THE PROBLEM OF THE ROLE OF WAR IN THE HISTORY OF NOMADIC SOCIETIES

This article is devoted to the traditional problem of universal history and nomads study – attitude to the war in the nomadic Khitan Liao Empire (907-1125, East Asia). War plays an important, but not leading role in this story and consider nomadic as “bandits” and destroyers not any more reasons than those of sedentary people. Nomads as their southern neighbors, the main attention was paid to the construction of their society and state, and the war was used as an emergency measure. All this is reflected in the unique philosophy of war. Despite the fact that the Khitan in the first place posed military practice, we can assume that it is based on a number of socio-cultural ideas and principles which apply conditional expression “theory of war”. According to the author we can see slowly walking process of forming a sort of military doctrine at the Khitan, the basic ideas which are analyzed in this article. In consideration of the author's application threads is significantly affected by the fact that the only source of our information about the socio-cultural and ethno-political development are the Khitan are Chinese texts. They are specific because devoted to the history of the settled world, and the history of all the nomads, including the Khitan, is seen as a kind of antithesis of the “trunk road”. However, only they give us the maximum opportunity to see a real mix of all the factors of the Khitan society and at the same time, though very minimal, to isolate itself Khitan ideas about war and its role in the development of society.

Keywords: war, military science, empire, nomads, Khitan, Liao.

УДК 947.084.8(470.55/.57)

В.Н. Шевченко

*Красноярский государственный аграрный университет
г. Красноярск*

kaf.history@mail.ru

АРМИЯ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ: К ВОПРОСУ О МОБИЛИЗАЦИИ ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается проблема мобилизации людских ресурсов Сибири в годы Великой Отечественной войны. Опираясь на архивные данные, автор раскрывает те проблемы и сложности, которые мешали эффективному использованию трудовых ресурсов на территории Сибири, показывает непростой характер взаимоотношений между представителями военного ведомства и руководителями оборонных предприятий сибирского региона по вопросам мобилизации людских ресурсов и использования квалифицированной рабочей силы. Конфликт интересов между военкоматами и директорским корпусом был обусловлен тем, что возрастание боевых потерь на фронтах требовало эффективного выполнения мобилизационных планов, призыва все новых контингентов военнообязанных. В условиях ограниченности людских ресурсов это приводило к углублению дефицита здоровой и квалифицированной рабочей силы, что, в свою очередь, ставило под угрозу работу оборонных предприятий и снабжение армии оружием, боевой техникой, боеприпасами. Сложившаяся ситуация требовала от власти неординарных решений. Однако принимаемые меры не носили системного характера и не могли кардинальным образом изменить положение дел. Причины возникших трудностей носили как объективный, так и субъективный характер.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военкоматы, дефицит рабочей силы, директорский корпус, конфликт интересов, мобилизация, бронирование, эвакуация.

Начавшаяся война осложнила и без того непростую ситуацию с обеспечением промышленности производственными кадрами. Неразбериха, охватившая партийно-советское руководство в первые дни-недели войны не дала возможность провести плановую мобилизацию трудовых ресурсов в западных областях страны. Военная катастрофа лета-осени 1941 г. и стремительная оккупация западных районов страны фактически сорвали предвоенные мобилизационные планы Генштаба Красной Армии. Бессистемная массовая мобилизация в армию коснулась и самой защищенной от призыва рабочей силы – квалифицированных рабочих и инженерно-технических кадров предприятий оборонной промышленности. В разработанном и принятом в феврале 1939 г. Положении о военизированном предприятии говорилось, что с переводом

промышленных предприятий на военизированное положение все военнообязанные считаются состоящими в рядах РККА. Лица, объявленные на положении в рядах РККА, снимаются с учета органов местных военных управлений, освобождаются от явки по общей или частичной мобилизации и берутся на учет военно-учетных столов предприятий [1, 159-160].

Огромные людские потери армии в первый период войны заставили Наркомат обороны через военные комиссариаты идти в обход ранее принятого решения и проводить массовую мобилизацию работников оборонных заводов. Тотальная мобилизация, в том числе работников предприятий оборонной промышленности, привела к тому, что подавляющая часть квалифицированной рабочей силы не была эвакуирована в тыловые районы. Так, из общего числа работавших до эвакуации на заводах Наркомата вооружения 220795 человек эвакуировано было всего 64668 человек, а прибыло на новые места расположения 54928 человек. По Наркомату боеприпасов эти показатели составляли соответственно: 171537 – 37810 – 37105 человек²⁰. Например, на одном из крупнейших заводов Наркомата боеприпасов № 187 (г. Тула) до войны работало 13335 человек, эвакуировано было в Сибирь 2360 человек, в том числе прибыло в Новосибирск 2300 человек, в Омск – 60 человек, в Кемерово оборудование предприятия прибыло без рабочей силы²¹.

Значительная часть работников оборонных предприятий, находившихся в прифронтовой полосе, была мобилизована в армию. Многие добровольно вступили в народное ополчение. Некоторые остались на оккупированной территории вследствие быстрого продвижения противника вглубь страны. Неприбытие части работников к новому месту дислокации объяснялось потерями от бомбежек, обстрелов, хаосом и неразберихой в самом процессе эвакуации, самовольным покиданием эшелонов в пути следования. Так, Томский ГК ВКП(б), подводя первые итоги проведенной эвакуации, был вынужден констатировать, что «из подлежащих эвакуации с заводом № 355 НКВ 98 специалистов, в Томск прибыло 80 человек, а остальные 18 неизвестно где»²².

Большие потери в квалифицированной рабочей силе понесла уже впервые месяцы войны и промышленность Сибири.

Из имевшихся до войны в Красноярске 12646 рабочих, инженерно-технических работников и служащих за период с 22 июня по 10 октября 1941 г. было призвано в армию 3798 человек, в том числе 1064 руководящих работников и специалистов промышленности. Даже переданный 8 июля 1941 г. в подчинение Наркомата вооружения крупнейший в городе «Красмашзавод» «потерял» 30 % кадровых работников [3, 181].

Решить проблему кризисного положения с обеспечением промышленности квалифицированной рабочей силой и инженерно-техническими кадрами в какой-то мере позволяло «бронирование» от призыва на военную службу некоторых категорий работников оборонной и связанной с ней отраслей промышленности. В то же время нельзя было не учитывать и потребности армии в грамотных специалистах, из которых формировался прежде всего командный и начальствующий состав, а также военно-технические рода войск. В целом, однако, «бронирование» распространялось на относительно небольшую часть квалифицированных рабочих и специалистов. Так, на начало декабря 1941 г. из 1576,8 тыс. мужчин призывного возраста в Сибирском военном округе «бронь» получили только около 204 тыс. человек [2, 15].

Наступивший в конце 1941 г. кадровый «голод» на квалифицированную рабочую силу потребовал неординарных решений. Не прекращая мобилизацию работников оборонной промышленности, из армии стали возвращать некоторую часть специалистов по ранению и заболеваниям, но не утративших пригодность к военной службе. Ослабить кадровую проблему в какой-то мере было призвано решение Наркомата обороны от 6 марта 1942 г. о предоставлении отсрочек от призыва в армию в 1942 г. рабочим предприятий Наркомата вооружения, имеющим третий и выше разряды, а также неквалифицированным рабочим старше 40-летнего возраста и ограничено годным к строевой службе²³. Несколько позже, 16 августа 1942 г., заместитель наркома обороны Е.П. Щаденко подготовил директивное письмо в Наркомат вооружения, согласно которому директорам заводов разрешалось заменять призывников военнообязанными до 40-летнего возраста, годными к строевой службе, если призывника нельзя отпустить по условиям производства²⁴.

²⁰ Российский государственной архив экономики (РГАЭ) ф.7516, оп. 1, д.1338, л 31; ф.8157, оп. 1. д. 796, лл. 65-66.

²¹ РГАЭ ф. 7516, оп. 1. д. 1366, л. 18-20.

²² РГАЭ ф. 8175, оп. 1. Д. 819, л. 231.

²³ РГАЭ ф. 8157, оп. 1. д. 818, л. 24.

²⁴ РГАЭ ф 8157, оп. 1 д. 818, л. 123.

Принятые решения не могли кардинально решить вставшую проблему. По мере продолжения войны и возраставших боевых потерь на фронте военкоматам все труднее стало выполнять мобилизационные планы.

Иссякавшие людские ресурсы, даже при снижении требований по возрасту и здоровью призывников, не давали возможности проводить мобилизацию в полном объеме. Поэтому, как правило, эти решения обеими сторонами спускались «на тормозах». Да и сами эти решения носили ведомственный характер, адресовались, прежде всего, руководителям предприятий Наркомата вооружения и не распространялись на другие оборонные заводы.

Углубляющийся дефицит здоровой и квалифицированной рабочей силы послужил основой для возникновения конфликтов между директорским корпусом оборонных предприятий и руководителями военных комиссариатов, ведавшими от мобилизацией призывников, в том числе и для работы на военных заводах. Так, в письме начальника инструментального производства комбината № 179 Наркомата боеприпасов на имя секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) от 14 октября 1942 г. говорилось о неправильном использовании рабочих кадров: «Согласно требованию Новосибирского ГВК в октябре 1942 г. комбинат № 179 НКБ должен был передать в РККА 477 рабочих 1922-1924 гг. рождения. Указанный контингент представляет собой в основном квалифицированный состав рабочих-инструментальщиков от 3 до 7 разрядов. Специфика инструментального производства предъявляет повышенные требования к квалификации работников и требует длительной подготовки – 6 и более месяцев. Потеря 474 квалифицированных рабочих, составлявших 37,2 % от всего состава инструментального производства, нанесет ущерб изготовлению инструмента и может на некоторое время сорвать нормальный выпуск продукции фронту»²⁵.

Взаимные договоренности о поставках рабочей силы из числа призывников постоянно нарушались. Директора обвиняли военкоматы в «недодаче» рабочей силы из числа призывников, военкоматы утверждали обратное, что не только выполняли, но и перевыполняли взятые обязательства, обвиняя в свою очередь хозяйственников в сокрытии от призыва в армию своих работников. Так, Красноярский краевой военкомат обязывался до конца 1942 г. передать на завод № 4 НКВ 1600 человек взамен мобилизованных в армию. Фактически, по данным заводской администрации, поступило всего 1125 человек. В справке же краевого военкомата утверждалось обратное: за период с августа по декабрь 1942 г. было призвано и передано заводу № 4 НКВ 2396 человек, в том числе с заменой призванных в армию 508 заводчан²⁶.

Дальнейшее обострение положения с людскими ресурсами все более портило взаимоотношения «оборонщиков» и военных. Конфликт между «хозяйственниками» и военными достиг критического предела осенью 1944 г. Командующий Сибирским военным округом открыто обвинил «командиров производства» в сокрытии людей (особенно инженеров и техников, составлявших основу офицерского корпуса) от мобилизации [2, 15]. Руководители предприятий мотивировали свои действия тем, что с них строго спрашивают за выполнение оборонных заказов, а без людей выполнить производственный план невозможно. Военные, в свою очередь, не могли отказаться от мобилизации в армию или сократить наряды на призыв.

Неопределенность и неразрешимость проблемы обеспечения оборонной промышленности кадрами за счет военнообязанных сохранялась на протяжении всего периода войны. Невнятная позиция высших органов государственной власти и управления в решении кадровых вопросов послужила основой для возникновения конфликтных ситуаций между двумя организациями одного и того же складывающегося ведомства – военно-промышленного комплекса страны. С другой стороны, в годы войны не проводился сколь-нибудь серьезный анализ реальных потребностей в людских ресурсах, при стремлении каждой из сторон конфликта иметь определенный запас прочности в кадрах.

Библиографический список

1. Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930-1980-е годы) / Рос. Акад. наук, Ин-т рос. истории. М., 2005. С.159-160.
2. Исупов В.А. Военная мобилизация людских ресурсов (1941-1945 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2005. № 2. С. 15.
3. Очерки истории Красноярской партийной организации. Т. 2. Красноярск, 1970. С. 181.

²⁵ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) ф. П-4, оп. 6, д. 455, л. 131.

²⁶ Архивное агентство администрации Красноярского края (ААА КК) КК ф. П-26, оп. 4, д. 19, лл. 3-4.

V.N. Shevchenko

*Krasnoyarsk State Agrarian University
Krasnoyarsk*

kaf.history@mail.ru

ARMY AND INDUSTRY: THE ISSUE ON MOBILIZATION OF HUMAN RESOURCES IN SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article is devoted to the problem of mobilizing the human resources of Siberia during the Great Patriotic war. Based on historical data, the author reveals the problems and difficulties that hinder the efficient use of labor resources in Siberia, shows the complicated nature of the relationship between the military establishment and the heads of defense enterprises of the Siberian region on the mobilization of human resources and the use of skilled labor. The conflict of interests between the military enlistment offices and the director's body was due to the fact that the increase in combat deaths at the front demanded the effective implementation of mobilization plans, recruitment of new contingents of military service. With limited human resources this has led to a deepening shortage of healthy and skilled labor force, which, in turn, jeopardize the work of defense enterprises and the supply the Army with weapons, military equipment and ammunition. The situation demanded extraordinary power solutions. However, the taken measures were not of a systematic and could not radically change the situation. The reasons for the difficulties encountered were both objective and subjective.

Keywords: Great Patriotic war, military conscription, labor shortage, management case, conflict of interest, mobilization, booking, evacuation

УДК 94(47).084.3

А.П. Шекшеев

*Хакасская республиканская организация «Общество Мемориал»
г. Абакан*

Turan47@yandex.ru

АЛЕКСЕЙ НИКАНОРОВИЧ ТЯЛШИНСКИЙ: АТАМАН ЕНИСЕЙСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Автор статьи предпринимает попытку реконструкции биографии атамана Енисейского казачьего войска Алексея Никаноровича Тялшинского, опираясь на большой массив источников. Нельзя сказать, что личность А.Н. Тялшинского оставалась неизвестной для историков Белого движения. Однако все имеющиеся о нем публикации основаны на материалах брошюры «Енисейские казаки», изданной в конце 1930-х гг. в Харбине и следуют интерпретации событий, содержащихся в воспоминаниях самого А.Н. Тялшинского (при этом многие сведения о жизни А.Н. Тялшинского отличаются неточностью). Портрет А.Н. Тялшинского рисуется автором на фоне бурных и трагических событий Первой мировой войны, революции и Гражданской войны. Карьера Тялшинского, офицера, за два года прошедшего путь от хорунжего до полковника, была обычной для участников Гражданской войны. Его жизненный путь подтвердил известную аксиому: смутное время выдвигало на историческую арену политически убежденных и психологически крепких лиц, обладавших военным опытом и способных вести за собой других людей.

Ключевые слова: Белое движение, большевики, бои, войска, деревня, казаки, партизаны, противник, фронт.

В революционных событиях 1917 г. енисейское казачество в основном поддерживало лозунги партии социалистов-революционеров. Но начиная с поздней весны 1918 г. ему стали присущи крайние антибольшевистские настроения и действия. К концу этого года ситуация в Сибири изменилась так, что ее политическим силам для борьбы с большевиками потребовалась смена правящего режима. К власти пришло Российское правительство А.В. Колчака, которое с целью победы над большевизмом использовало более жесткие меры мобилизации людских и материальных ресурсов региона. Соответственно на местах руководство все больше переходило к военщине в лице уполномоченных и атаманов. К такой категории лиц относился считавший себя монархистом [1] А.Н. Тялшинский (ударение на первом слоге), которому енисейское казачество вручило в это сложное время знаки атаманства.

Нельзя сказать, что личность Тялшинского остается неизвестной в истории Белого движения [2]. Однако все имеющиеся о нем публикации созданы на основе материалов брошюры «Енисейские

казаки», изданной в конце 1930-х гг. в Харбине [3], и с добавлением незначительного фактического материала, в сущности, повторяют воспоминания самого Тялшинского. Атаманом, так и не дослужившим до генеральского звания и закономерно ставшим эмигрантом, представлен он в одной из этих статей [4]. Те же самые сведения о Тялшинском содержатся и в книге об енисейских казаках современного красноярского историка, к тому же голословно объявившего Тялшинского участником Сибирского Ледяного похода [5]. Более того, данные публикации страдают одним и тем же недостатком: их авторы не располагают информацией о конечной судьбе этого человека. Так, к примеру, в обобщающей монографии о Белой Сибирской армии автор, к сожалению, смог сообщить о смерти Тялшинского, произошедшей после 1939 г. [6].

А.Н. Тялшинский родился 16 марта (по паспорту – 16 февраля) 1888 г. в г. Петрозаводске Олонецкой губернии [7]. Его отец служил священником в Валазминском приходе Повенецкого уезда, затем в Петрозаводске, был автором публикаций в Олонецких епархиальных ведомостях [8]. Проживая вместе с родителями, Тялшинский окончил духовное училище и духовную семинарию (1912). Очевидцам он запомнился как хороший музыкант, игравший на венской гармонии и приглашаемый на семейные вечера городской общественностью [9].

С окончанием семинарии Тялшинский служил смотрителем приюта подростков по ведомству вдовствующей императрицы Марии Федоровны в Петрозаводске. В 1913-1915 гг. он был младшим чиновником МВД по особым поручениям при Ковенском губернаторе в Киеве. С началом Первой мировой войны Тялшинский состоял в аппарате Главного уполномоченного по устройству беженцев из прифронтовой полосы. Будучи призванным на военную службу в качестве ратника ополчения, он 4 февраля 1916 г. был зачислен в Николаевское кавалерийское училище. Пройдя ускоренный курс обучения, Тялшинский 1 февраля 1917 г. был произведен в хорунжии и отправлен в 1-й Уссурийский полк Уссурийской казачьей дивизии. Она была сформирована в Лифляндии и под командованием генерал-майора А.М. Крымова направлялась сражаться с австро-венгерскими войсками в Карпатах. Догнав казаков уже в Яссах, Тялшинский исполнял должности полкового адъютанта и делопроизводителя полкового суда [10].

К его появлению в части уже находились ранее служившие в Красноярском дивизионе и поддерживавшие внутренний порядок енисейские казаки. Начиная с 1915 г. одиночками и группами, они пробивались на фронт и воевали там в составе различных казачьих частей. Так, в октябре 1915 г. в Первый Аргунский казачий полк с маршевым пополнением из забайкальских станиц прибыло «сопровождение», состоявшее из 11 енисейских казаков, в частности, К. Лалетина, И. Скобеева, братьев М., Ф. и К. Козьминых, А. Ермолаева, П. Лазицкого, братьев И. и Е. Песеговых, Д. Каргаполова и И. Спиридонова. Еще трое Песеговых бежали на Румынский фронт, где вошли в состав Уссурийской казачьей дивизии.

Когда добровольчество стало заметным явлением, Военное министерство разрешило енисейским казакам в официальном порядке отправляться на фронт. В марте 1916 г. сформировалась группа добровольцев из 120 казаков-енисейцев и 90 казаков-иркутян, уехавших эшелонами в г. Вольмар и в апреле того же года зачисленных в состав Уссурийской казачьей дивизии. Всего, за время войны в сражениях на ее фронтах приняли участие около тысячи енисейцев, а по другим данным около трехсот енисейских и иркутских казаков. Согласно воспоминаниям сотника Г.У. Юшкова, только в боях за Карпаты погибло около ста лиц с Енисея [11].

Между тем среди енисейских казаков было немного лиц с офицерскими званиями. Вспоминая, Тялшинский назвал лишь фамилии полковника М. Каргаполова, его сына – подьесаула или есаула М. Каргаполова, одно время командовавшего Красноярским дивизионом, ставшего священником и замученного партизанами, войскового старшину Сипкина, погибшего в 1917 г. под Тернополем и прапорщика Шереметьева, получившего ранения в боях за Карпаты. Офицеров в звании сотника – Гамбурцева, павшего в одном из боев, и Фереферова, вернувшегося в Красноярск, – упоминает и Юшков [12].

Поэтому енисейцы-фронтовики, старавшиеся с началом революционных событий 1917 г. держаться вместе, получили статус воинской части только летом этого года. По их просьбе, после соответствующего доклада Тялшинского и по согласованию со штабом корпуса, командиром полка полковником Пушкиным было решено сформировать отдельную енисейскую сотню во главе с есаулом П.Ф. Коршуновым, хорунжими А.Н. Тялшинским и В.М. Розановым. Она получила назначение в качестве конвоя генерал-лейтенанта П.Н. Краснова, вступившего 24 августа того же года в должность командующего 3-м конным корпусом.

Энтузиазм казаков и личное участие генерала в короткий срок превратили сотню в отличную воинскую часть. По этому поводу Тялшинский потом вспоминал: «Окружающая революционная разнузданность, упадок дисциплины в войсках, митинги и ошалелые призывы ниспровергнуть решительно все, что было при царском строе, пропаганда большевистских агитаторов, – ничто не

воспринималось енисейцами. И не только не воспринималось, но заставляло сильнее сплотиться с целью усиления охраны командира и штаба корпуса. Трезвые, неподкупные, вполне дисциплинированные, они высоко и честно держали звание казака. Такими именно енисейцы и остались в памяти генерала П.Н. Краснова» [13].

К осени 1917 г. с усилением политической борьбы и начавшимися беспорядками, названными потом большевиками Октябрьской революцией, А.Ф. Керенский отдал приказ конному корпусу вплотную приблизиться к Петрограду. Ослабленный изъятием отдельных частей, он с трудом продвигался к намеченной цели. В г. Острове революционные солдаты и станционные служащие мешали отправке эшелона Краснова. Тогда есаул Коршунов, служивший когда-то помощником машиниста, захватив с енисейцами паровоз, повел состав через ст. Псков, где волновалась огромная возбужденная толпа солдат. К вечеру 27 октября Краснов привел к столице всего лишь пять сотен донских и сотню енисейских казаков, состоявших из 480 бойцов при 8 пулеметах и 16 конных орудиях. Согласно сведениям еще одного из историков, енисейских казаков насчитывалось всего лишь 50 человек. Гарнизон же Царского Села составлял 16, Петрограда – 200 тыс. человек, не считая Красной гвардии и матросов [14].

Когда отряд Краснова подходил к Гатчине, на вокзале города выгружались рота солдат-измайловцев и команда матросов, посланных большевиками из Петрограда. После того как эти части, построенные на перроне, были взяты на прицел орудий, восемь казаков-енисейцев со своим есаулом разоружили их. Нейтрализовав гарнизон Гатчины, казаки 28 октября двинулись к Царскому Селу. На подходе к нему путь преградили цепи стрелков Гвардейской запасной стрелковой бригады, которые открыли огонь и поначалу стойко держались. Но после двух артиллерийских выстрелов 30 енисейских казаков во главе с Тялшинским, обойдя фронт, лавой ворвались в город и врезались в толпу митингующих солдат. После переговоров часть их согласилась разоружиться. В то время как толпа солдат бросилась штурмовать отходящие в Петроград составы, енисейцы принялись разоружать деморализованный гарнизон. Сам Тялшинский и четверо казаков с этой целью появились на станции и заняли железнодорожный вокзал [15].

В начавшемся 30 октября наступлении красновцев на Пулковские высоты и далее на Петроград участвовали 630 казаков с 18 орудиями, броневым автомобилем и блиндированным поездом. Против них в районе от Красного Села до Пулково был создан фронт революционных войск, состоявших из 6 тыс. красногвардейцев и матросов [16]. Енисейские казаки в этом бою действовали сначала в авангарде наступающей колонны, а затем на левом фланге красновцев. Судя по воспоминаниям, цепи казаков были «жидкими», а настроение их не отличалось «воинственностью». В бою у красных был ликвидирован броневик, но и действующая против них сотня гвардейских казаков, попав под пулеметный огонь, понесла ощутимые потери. Несколько тысяч матросов, обошедших фланг и захвативших царкосельский вокзал, а также наступавшие гвардейские запасные части огнем казаков были отброшены.

Однако, израсходовав боеприпасы и не дождавшись обещанной Керенским помощи, красновцы были вынуждены отойти к Гатчине. Отправленный командующим для выяснения обстановки, есаул Коршунов подвергся железнодорожниками задержанию. С прибытием делегации от матросов для переговоров красновцы начали разлагаться. 1 ноября большевики, нарушив перемирие, ввели войска в Гатчину.

С ликвидацией «мятежа» воинские части, участвовавшие в нем, были демобилизованы и отправлены по домам. После прощальной речи Краснова, благодарившего енисейцев за службу и, как вспоминал Тялшинский, сказавшего, «что расстается с ними, как с дорогими, близкими его сердцу, русскими людьми», они 6 декабря оставили Гатчину и эшелоном двинулись в Красноярск. В пути с целью разоружения казаков местные власти распускали слухи о том, что они относились к пленным матросам с особой жестокостью. Казакам приходилось неоднократно, например, в Екатеринбурге прибегать к решительным мерам для сохранения себя как вооруженной воинской части [17].

«Наше прибытие в Красноярск было своевременным, – вспоминал Тялшинский. – Молодой дивизион встретил своих братьев-фронтовиков в конном строю на вокзале. А фронтовики, в полном порядке, сделали высадку и в походной колонне подошли к молодым. На лицах всех собравшихся для встречи казаков сияло умиление и радость при виде дисциплинированной сотни. Фронтовики же пытливо всматривались в лица своих братьев, чтобы определить, не затронуты ли они революционным ядом. Команда «Вольно» – разрешила сомнения. Пошли объятия, поцелуи, короткие расспросы, и сразу почувствовалось, что мы получим от своих казаков моральную и физическую поддержку. С лихими песнями, ободрявшими мирное население города, старые и молодые казаки вошли в свои казармы». 9 декабря 1917 г. Тялшинский был зачислен в штат Красноярского дивизиона. Но затем проведенная демобилизация фронтовиков, по его мнению, нарушила спокойную жизнь красноярцев [18].

В Красноярске Тялшинский стал активным участником так называемого казачьего мятежа. Не подчинившись решению революционных властей о разоружении, дивизион вышел из Красноярска и направился в Минусинский уезд. Находившийся среди мятежников, Тялшинский 18 января 1918 г. был произведен атаманом в сотники. В Каратузе же, на 3-м Большом Круге енисейского казачества 15 февраля того же года, его избрали помощником войскового атамана. С подавлением этого выступления красногвардейцами, произошедшего в районе казачьих станиц енисейского левобережья, Тялшинский 5 марта был арестован [19].

Между тем в дальнейшем он обвинял атамана А.А. Сотникова в преждевременности вывода казаков из Красноярска и расформирования дивизиона. Он поименно назвал офицеров, подвергнутых тогда аресту, которые «верой и правдой служили енисейскому казачеству и своими подвигами, а некоторые – и смертью, на долгие годы запечатлели в нашей памяти свои имена»: полковник Брусенцов, есаул Янов, штабс-капитан Иванов, сотники Розанов, Бологов, Тялшинский, поручик Менар, подпоручики Дорофеев, Дубровский, Хесин, прапорщики Шереметьев, Стрелецкий, Зоул, Потылицын, Байкалов, каратузский станичный атаман Шошин и др. Большевики, державшиеся под воздействием чехословацких мятежников у власти последние дни, не могли оставить таких потенциальных врагов живыми. Все они, переведенные из Минусинска в Красноярскую тюрьму, согласно приговору Военно-революционного трибунала, должны были подвергнуться расстрелу [20].

Однако 18 июня конный отряд енисейских казаков – участников антибольшевистского переворота освободил своих офицеров. На следующую ночь казаки ближайших станиц разоружили гарнизон Красноярского военного городка и прибывшие из Ачинска и Канска красногвардейские отряды. Затем они вылавливали бежавших в Туруханский край членов Красноярского совдепа, а троих из них, ненавидящих своим поведением и виновных в расстрелах офицеров, зверски убили. Участие сотен Енисейского казачьего полка в освобождении Прибайкалья и Забайкалья было отмечено особой почетной грамотой командующего фронтом [21].

С этого времени начался быстрый должностной рост Тялшинского. Мобилизованный в ряды 1-го Енисейского казачьего полка, он одновременно заведовал военным отделом Войскового правления, исполнял обязанности атамана войска. На состоявшемся 4-9 августа (23-27 июля) 1918 г. 4-м Большом Круге или съезде енисейского казачества Тялшинский выступал в качестве председателя. Его участники, назвав Брестский мир «актом позора для России на все времена» и выступив за автономию Сибири и созыв Учредительного собрания, обсудили вопросы деятельности войсковых органов. Казаки одобрили создание управления соответственно с проектом, принятым на своем 2-м съезде (сентябрь 1917 г.), осуществление мобилизации станичников в Сибирскую армию и введение земства. Тялшинский был избран председателем Войскового правления. Но вследствие того, что Сотников находился в действующей армии, ему пришлось с 17 августа исполнять обязанности, а затем и вступить в должность войскового атамана [22].

В ноябре 1918 г. деревня ответила на сбор налогов и хлеба, вылавливание дезертиров и разбивание самогонных заводов Минусинским крестьянским восстанием. Обвиняя казаков в жестоком отношении к крестьянам и тем самым подогревая темные чувства толпы, прокламация, исходившая от вожак повстанчества, объясняла его еще и желанием свергнуть «казацкое иго». Во время этих беспорядков погибли 22 и были ранены 7 станичников. Защищая офицеров и казаков, занимавшихся наведением порядка, от обвинений в неподобающем для них поведении, Тялшинский пригрозил их инициатору – управляющему Минусинским уездом П.Н. Тарелкину даже арестом и применением к нему нагайки [23].

Некоторое отношение имел Тялшинский и к ликвидации осуществленного 6 февраля 1919 г. гарнизоном мятежа и захвата г. Енисейска, показавшего ненадежность тыловых частей. С целью его подавления власти были вынуждены некоторое время изыскивать воинские силы, а Тялшинскому пришлось заниматься подбором войск. Находившийся в с. Казачинское отряд штабс-капитана Харченко пополнился призывниками и вырос до 260 человек, вооруженных оружием и пятью пулеметами. Этими силами повстанцы, истребившие из засады отряд поручика Калашникова, были у д. Каргино остановлены.

Наступая в направлении Енисейска, правительственные войска во главе с казачьим офицером Б. Сибирцевым 19 февраля подошли к с. Маклаково. В длительном бою с засевшим в окопах повстанческим отрядом Ф. Бабкина они вымотались и были вынуждены двигаться на Енисейск в обход. При этом потери казаков составили до 50 человек убитыми и ранеными. Погибли офицеры Шильников, Иванов, Соболевский, Антипович, умер от ран и сам Сибирцев. Однако повстанцы после этого эпизода частично разбежались по заимкам, а большей частью укрылись за монастырскими стенами [24].

Наконец, в сторону Енисейска выступили отряд красноярских милиционеров во главе с поручиком В.С. Коротковым и сотни Енисейского казачьего полка. В целом против повстанцев были брошены воинские части численностью в 390 штыков и сабель под командованием бывшего уездного

комиссара и штабс-капитана А.А. Платонова. Только в ночь на 27 февраля 1919 г. правительственные войска ворвались в Енисейск, уничтожив до 200 защитников города. 28 февраля казаки окончательно очистили его от мятежников. Отдельным отрядом казаков, действовавшим на территории Енисейского уезда, командовал и Тялшинский [25].

В его отсутствие в Минусинске 15-21 февраля 1919 г. состоялся 5-й Большой Круг или съезд Енисейского казачьего войска. Тялшинский приветствовал открытие съезда, пожелав телеграммой его участникам мудрости в решении своей судьбы. Съезд одобрил осуществленную мобилизацию казаков и решил закончить ее призывом всего мужского населения. Затем ввиду того, что Сотников атаманские обязанности уже не исполнял, съезд обратился к избранию нового атамана. При обсуждении предложенных лиц члены круга и представители полка высказались за кандидатуру Тялшинского. В состоявшемся по поручению съезда телефонном разговоре 17 февраля он было из-за молодости отказался от атаманства, но разговор закончил признанием: «Если Круг примет свое решение, то я подчинюсь». Тогда участники съезда единогласно постановили избрать Тялшинского войсковым атаманом и произвести его в полковники, а правительство, в свою очередь, утвердило это решение. Посланная от имени Круга телеграмма поздравляла Тялшинского с избранием и заканчивалась пожеланием успехов в деле устройства жизни войска, сил и здоровья самому атаману [26].

Становление новообразованного войска сопровождалось крупными недостатками. По мнению ревизоров, проверяющих его в начале 1919 г., оно находилось в неудовлетворительном состоянии по управлению и организации: штаты Войскового правления были составлены по образцу Сибирского казачьего войска и для енисейцев являлись чрезмерными; финансовое положение войска подрывалось растратами; его руководство, переоценивая значение казаков, вмешивалось в дела строевых частей, что при недостатке опытных кадровых офицеров тормозило процесс их формирования и воспитания [27]. К тому же в условиях усиливавшейся борьбы с красными Тялшинский все охотнее занимался военными делами. Весной 1919 г. он руководил операциями енисейских казаков по очищению от партизан северной части Ачинского уезда. Начиная с мая того же года атаман проводил мобилизацию среди коренного населения. Хакасский дивизион, созданный в составе Енисейского казачьего войска, в дальнейшем был отправлен на фронт. В целом за время Гражданской войны, благодаря, в частности, усилиям и Тялшинского, енисейское казачество выставило два полка шестисотенного состава и батарею из двух орудий, которые сражались на Урале и очищали от партизан территорию Енисейской и Иркутской губерний [28].

Поддерживая режим Колчака, казаки в то же время стремились отстаивать и свои узкогрупповые интересы. Так, в мае 1919 г. Войсковое правление енисейцев возбудило перед правительством ходатайство об освобождении казачьего населения от уплаты губернского и уездного сборов и, не дожидаясь решения властей, обратилось в Минусинскую земскую управу с просьбой этих налогов с казаков не собирать [29]. Лишь постановлением Совета Министров Российского правительства от 10 июня 1919 г., утвержденным приказом Верховного правителя от 24 июня того же года, енисейские казаки получили признание в качестве отдельного войска, с подчинением атамана военному министру через его помощника по казачьим делам генерал-майора Б.И. Хорошкина [30].

Карьера Тялшинского, офицера, за два года прошедшего путь от хорунжего до полковника, была обычной для участников Гражданской войны. Среди белых генералов и атаманов часто встречались лица, которые начинали ее, будучи в таких же чинах. Они становились хозяевами больших территорий, имели собственные вооруженные силы, пытались проводить свою внешнюю политику и даже порой не подчинялись приказам Верховного правителя. Некоторые черты так называемой «атаманщины» были присущи поведению и самого Тялшинского, который все больше расхотелся в вопросах управления казаками с гражданскими и военными властями, а также проявлял склонность к неподчинению правительству. Еще 20 июня 1919 г. совещание представителей войсковых самоуправлений казачьих войс осудило и признало незаконными действия Тялшинского, самовольно раздававшего офицерские звания [31].

В данной ситуации имело место противоречие юридического характера. Согласно законопроекту о самоуправлении Енисейского казачьего войска и принятому в дальнейшем положению об управлении казачьими войсками, войсковому атаману подчинялись все сформированные из казаков войска, а сам он наделялся правами командира отдельного корпуса [32]. В то же время полковые формирования енисейских казаков входили в состав армейских соединений и соответственно командовал ими генералитет, а войсковой атаман, согласно Своду военных постановлений, не имел права вмешиваться в положение и действия строевых частей [33].

Вскоре отсутствие реальной вооруженной силы в распоряжении атамана отрицательно сказалось на борьбе с заманскими партизанами, прорвавшимися на территорию Минусинского уезда. Выйдя в район с. Шалаболино и Курагино, армия А.Д. Кравченко и П.Е. Щетинкина 24-25 июня 1919 г. попыталась наступать на Минусинск, форсируя р. Тубу. Фронт был удержан благодаря мужеству

местных дружинников и казаков. Потерпев неудачу в боях за переправы, партизаны двинулись вверх по Тубе, оставляя за собой разоренные селения. С подходом из-за Енисея 26 июня казачьих отрядов во главе с Тялшинским положение Минусинска стало менее опасным [34].

Однако партизанская армия, пополнившись в Имисе местными повстанцами, с 500 подводами награбленного имущества двинулась к р. Амыл. Здесь они чуть не отрезали Минусинский отряд особого назначения, который, отступая под огнём, понес существенные потери. Захватив с. Качульку, партизаны 29 июня вышли в район казачьей станицы Каратуз и начали обстреливать перевоз. Рассыпавшись по берегу, местные станичники атаку партизан отбили, им на помощь подошел из Минусинска отряд Тялшинского [35].

Последующие после этого события вызвали резкую критику в адрес казачьего руководства со стороны гражданских властей. В докладе управляющего уездом оно обвинялось в том, что не организовало разведку, в отряды, контролировавшие переправы, поставлялась водка, находившиеся не в частях, а в Каратузе офицеры пьянствовали в штабе. Такое поведение командного состава привело к разложению рядовых бойцов и несанкционированному отходу от переправы одного из отрядов. Вследствие этого партизаны форсировали р. Амыл, а белые без боя оставили Каратуз. 4 июля партизанские разъезды появились уже в селениях, близлежащих к Минусинску, а через день Тялшинский был отозван в Красноярск и командование перешло к его не менее известному сослуживцу [36].

Дописать эту малоизвестную страницу Гражданской войны привелось есаулу Г.К. Бологову, который, несмотря на его личную храбрость, также обвинялся в пассивной тактике. Но именно под его руководством белые сумели остановить и очистить Минусинский уезд от противника. Воинские силы, находившиеся под командованием Бологова, состояли в основном из учебной команды молодых енисейских казаков, которой он руководил с весны 1919 г., а также станичников, возвращавшихся из отпусков, и при наличии оружия и военного опыта – дружинников. По явно завышенным сведениям, в его распоряжении были сосредоточены 700 сабель и 2 тыс. штыков [37].

Выполняя приказ командования, отряды есаулов Шабалина, Фролова и поручика Ценберга стали стягиваться в район с. Казанцево. Сюда же со стороны д. Жеблахты наступали 800 партизан в основном Северо-Ачинского полка при трех пулеметах. Навстречу им Бологов 6 июля перебросил через р. Ою 350 дружинников с двумя пулеметами. Окопавшись на берегу и обороняясь, они продержались до подхода отряда Шабалина. Пополнившись пехотой и артиллерийским взводом, белые отбросили противника. С потерей 51 человека убитыми партизаны, как писала газета, «в панике» бежали в Жеблахты и Шушенское, а с. Каратуз и Ключи были очищены от «бандитов».

В ночь на 7 июля отряд сотника Мамаева выступил на Ермаковское, где его бойцы вновь сбили партизан с позиций, заставили Манский полк бежать к переправе. Быстрым продвижением казаков на д. Григорьевку Щетинкин с двумя ротами и эскадроном был отрезан в Шушенском от основных сил партизан и после попыток переправиться на енисейское левобережье по выючной тропе устремился в Усинский край. 8 июля в районе д. Верхний Кебезь главные силы партизан артиллерийским огнем были в очередной раз «опрокинуты» и бежали через Григорьевку на Усинскую колесную дорогу.

Как сообщала газета, с 12 по 14 июля на Туран и Усинское шли и увозили на телегах женщин и детей «банды», состоявшие в основном из босых, оборванных людей, не стеснявшихся отбирать у населения последнее имущество. Во всех селениях, где побывали партизаны, жители хоронили убитых и расстрелянных представителей власти, местную интеллигенцию, односельчан и подсчитывали убытки от многочисленных погромов и грабежей [38].

Последующая же деятельность самого Тялшинского вызвала обвинения его в попытках укрепления и усиления своей власти путем получения от правительства дополнительных прав и льгот. Понимая, что сил для борьбы с повстанцами в его распоряжении недостаточно, он летом 1919 г. решил на переподчинение себе 1-го Енисейского казачьего полка и пошел на конфликт с командованием Иркутского военного округа и Сводно-казачьей бригады. Встретившись в Красноярске с атаманом Иркутского казачьего войска генерал-майором П.П. Оглоблиным, Тялшинский заключил с ним «соглашение» о порядке изъятия «своих» полков. В телеграмме от 8 июля он сообщил Оглоблину о том, что начал, обратившись к походному атаману казачьих войск А.И. Дутову, ходатайствовать о переводе енисейских казаков из Сводно-казачьей бригады. Телеграмма эта, однако, была перехвачена начальником штаба Иркутского военного округа, который сообщил о ней командующему войсками округа генерал-лейтенанту В.В. Артемьеву. В свою очередь, тот не только счел вмешательство атаманов в «строевую часть» недопустимым, но и обвинил атаманов в попытке «ниспровержения существующей власти». Итогом судебного разбирательства, в которое вмешались атаманы А.И. Дутов, Г.М. Семенов и И.М. Калмыков, стал оправдательный приговор Оглоблину, свидетельствующий о слабости верховной власти и ее нежелании обострять отношения с надежной и значительной частью Белой армии [39].

Для Тялшинского же попытка переподчинить енисейских казаков закончилась почетной отставкой от должности. Заседавший с 12 по 20 августа 1919 г. сначала в Минусинске, затем в Красноярске 6-й Чрезвычайный Круг Енисейского казачьего войска просил для Тялшинского производство в следующий чин

и награждение орденом «Освобождение Сибири». Пожаловав ему звание почетного казака войска, преподнеся золотые часы с надписью и решив вывесить его портрет в правлении, Круг отправил бывшего атамана во Владивосток учиться в Академии Генерального штаба [40].

С крушением белого режима Тялшинский в марте 1920 г. эмигрировал в Маньчжурию. Из-за полного отрицания власти коммунистов он игнорировал массовые реэмиграции в СССР, и ходатайство о получении советского подданства не возбуждал. Для выживания эмигранты не чурались любой работы. Справка, составленная красноярским краеведом А.Н. Тимофеевым по архивным документам, говорит о том, что семья Тялшинского, находясь в Харбине, жила в 1923-1925 гг. случайными заработками: ему приходилось работать в качестве полицейского и автобусного билетера. Но начиная с 1926 г. Тялшинский приобрел постоянное и солидное по доходам занятие: он уже был заведующим пунктом по продаже бензина зарубежных компаний, а в 1937-1940 гг. – служащим Нефтяного Союза. Кроме того, у него выявились способности к познанию языков, которые привели к заведению курсами по изучению японского языка в составе Харбинской духовной семинарии. Здесь же Тялшинский преподавал и другие языки.

С образованием в 1926 г. в Харбине Енисейской зарубежной казачьей станицы Тялшинский стал неизменно избираться ее атаманом. 28 июля 1940 г. состоялись очередные выборы его эту должность, в которой он и встретил 1945 г. [41].

С приходом Советской армии в Харбин Тялшинский был арестован и вывезен во Владивосток. Согласно информации Главного управления МВД Российской Федерации по Красноярскому краю, в ноябре 1945 г. Приморский военный трибунал, осудив Тялшинского по статье 58-2 УК РСФСР, карающей за вооруженное восстание с целью захвата власти расстрелом или лишением свободы на срок не ниже трех лет, приговорил его к 10 годам заключения. Его он отбывал, находясь в Краслаге – Нижнем Ингаше, а с 30 марта 1949 г. – в особом лагере МВД Озерлаге, расположенном на ст. Тайшет Иркутской области.

Судя по воспоминаниям родственников, Тялшинский дожил до своего освобождения и нашел свою семью, вернувшуюся на родину и проживавшую в г. Черногорске Хакасской автономной области. Но через несколько месяцев, 20 февраля 1956 г., он скончался. Могила его, к сожалению, была утрачена.

А.Н. Тялшинский являлся типичным деятелем Гражданской войны. Его жизненный путь подтвердил известную аксиому: смутное время выдвигало на историческую арену политически убежденных и психологически крепких лиц, обладавших военным опытом и способных вести за собой других людей.

Библиографический список

1. Государственный архив Хабаровского края (ГА ХК). Ф. 830. Оп. 3. Д. 48430. Л. 13 об.
2. Шекшеев А.П. Войсковые атаманы енисейских казаков (1917 – начало 1920-х гг.) // Хакасия и Россия: 300 лет вместе (Матер. междунар. науч. конф., посвящ. 300-летию вхождения Хакасии в состав Российского государства (12-13 дек. 2007 г.). Т. II. Абакан, 2008. С. 139-145; Шекшеев А.П. Судьбы атаманские // Абакан. 2008. № 3 (11). С. 18-23; Шекшеев А.П. Атаман Алексей Никанорович Тялшинский. На конях от Карпат до Маньчжурии // Ада чир-суу – Отечество: краеведческий альманах. Вып. 2. Абакан, 2013. С. 67-80; Богущий А.Е. Атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский // Клио. 2011. № 4. С. 154-156; Паршуков В.А. «В чисто казачьих офицерах, которые могли бы... служить примером, ощущается крайний недостаток» // Белая армия. Белое дело. 2013. № 21. С. 71-75.
3. Енисейские казаки. Историческое прошлое, быт и служба Енисейских казаков по материалам, собранным Членом Войскового Правления К.И. Лаврентьевым / под ред. Н.Н. Князева. Харбин: Издание Енисейской Зарубежной Казачьей Станицы, 1940. С. 139-140, 142-151.
4. Богущий А.Е. Атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский. С. 156.
5. Тарасов М.Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917-1922. М., 2011.
6. Симонов Д.Г. Белая Сибирская армия в 1918 году: монография. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. С. 517.
7. ГА ХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 48430. Л. 25.
8. Список духовенства Олонецкой губернии на 1904 г. [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.petergen.com/bovkallo/sp/olon1904.html>.
9. ГА ХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 48430. Л. 14; Ходаковская О.И. В.А. Некрасов и его воспоминания об Олонецкой духовной семинарии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 31.
10. ГА ХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 48430. Л. 14 об.
11. Енисейские казаки. С. 158; Богущий А.Е. Енисейское и иркутское казачество в 1917-1925 гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Абакан, 2007. С. 52; «Дезертиры наоборот» // Монокское казачье землячество [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.Мой мир@mail.ru>.
12. Енисейские казаки. С. 143, 158-161.
13. Енисейские казаки. С. 143-144.
14. Тарасов М.Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917-1922. С. 70; Богущий А.Е. Енисейское и иркутское казачество в 1917-1925 гг. С. 61; Белое движение. Исторические портреты. М., 2011. С. 195.
15. Енисейские казаки. С. 152.
16. Белое движение. Исторические портреты. С. 195.

17. Енисейские казаки. С. 145, 152; Тарасов М.Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917-1922. С. 70-71.
18. Енисейские казаки. С. 145, 147, 149-150.
19. Шекшеев А.П. Войсковые атаманы енисейских казаков (1917 – начало 1920-х гг.). С. 140-141.
20. Енисейские казаки. С. 147, 149.
21. Тарасов М.Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917-1922. С. 54
- Богущий А.Е. Енисейское и иркутское казачество в 1917-1925 гг. С. 77.
22. Труд. 1918. 7 августа, 13 августа; Шекшеев А.П. Войсковые атаманы енисейских казаков (1917 – начало 1920-х гг.). С. 141.
23. Протоколы 5-го Большого Круга Енисейского казачьего войска 15-21 февраля 1919 года в г Минусинске. Ачинск, 1919. С. 35-36 ; Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006. С. 116.
24. Шекшеев А.П. Власть и крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.). Абакан, 2007. С. 137-138; Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. С. 121; Енисейские казаки. С. 132; Тарасов М.Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917-1922. С. 77; Свободная Сибирь. 1919. 4 марта.
25. Шекшеев А.П. Власть и крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.). С. 137-138; Енисейские казаки. С. 140.
26. Паршуков В. Постановления 5-го Большого Круга Енисейского Казачьего Войска, состоявшегося 15-21 февраля 1919 года // Сибирский исторический альманах. Т. 1: Гражданская война в Сибири. Красноярск, 2010. С. 28-29; Енисейские казаки. С. 140.
27. Богущий А.Е. Атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский. С. 155.
28. Енисейские казаки. С. 150; Тарасов М.Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917-1922. С. 76.
29. Тарасов М.Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917-1922. С. 67.
30. Енисейские казаки. С. 112-113.
31. Тарасов М.Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917-1922. С. 67.
32. Енисейские казаки. С. 92; Богущий А.Е. Енисейское и иркутское казачество в 1917-1925 гг. С. 82.
33. Богущий А.Е. Атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский. С. 155.
34. Минусинский край. 1919. 26, 27, 29 июня, 13 июля.
35. Минусинский край. 1919. 2, 3, 5 июля.
36. Минусинский край. 1919. 3, 5, 6, 12 июля.
37. Мармышев А.В., Елисеенко А.Г. Гражданская война в Енисейской губернии. С. 166-167.
38. Минусинский край. 1919. 8, 9, 10, 11, 15, 24, 31 июля.
39. Богущий А.Е. Атаман Енисейского казачьего войска А.Н. Тялшинский. С. 155; Тарасов М.Г. Енисейское казачество в годы революции и Гражданской войны. 1917-1922. С. 68.
40. Енисейские казаки. С. 141.
41. ГА ХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 48430. Л. 10, 13 об. , 15 об. , 25, 25 об.

A.P. Sheksheev

*Khakass republican organization «Society Memorial»
Abakan*

Turan47@yandex.ru

**ALEXEY N. TALSINSKY:
ATAMAN OF THE YENISEI COSSACK ARMY**

The author attempts to reconstruct the biography of Ataman of The Yenisei Cossack army Alexei Nikanorovich Tyalshinsky, relying on a large massiv of sources. We can not say that the identity of A. Tyalshinsky remained unknown to historians of the White movement. However, all the publications about him are based on materials of brochure “Yenisei Cossacks”, published in the late 1930s. in Harbin and follow the interpretation of the events contained in the memoirs of A.N. Tyalshinsky (with many details about the life of A.N. Tyalshinsky differ inaccuracy). Portrait of A.N. Tyalshinsky author draws on a background of violent and tragic events of the First World War, Revolution and Civil War. Career of Tyalshinsky, officer, for the past two years the way from cornet to colonel, was a regular for the participants of the Civil War. His life has confirmed the well-known axiom: troubled times brings to the historic arena of political opinion and mentally strong individuals with military experience and ability to lead other people.

Keywords: White movement, Bolsheviks, fighting, troops, village, Cossacks, guerrillas, enemy, front.

ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 355.233.231

Б.Г. Герш

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

arimoja@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕНОРМАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

В статье рассматриваются социально-психологические причины использования ненормативной лексики военнослужащими. Под ненормативной лексикой понимается использование жаргонизмов, сленга, упрощенных и грубых слов и выражений. Разновидностью ненормативности выступает матерная лексика (нецензурная брань), которую используют в неформальном взаимодействии члены многих профессиональных групп, в том числе и военнослужащие. У большинства военнослужащих, использующих нецензурную лексику в межличностном взаимодействии, имеется психологическая мотивация на ее использование. Ненормативный лексикон становится адекватным средством передачи смысла и контекста общения, приобретает устойчивость, тенденцию к распространению. Автор выявляет ряд причин существования и воспроизводства ненормативной, в том числе нецензурной, лексики среди военнослужащих: стремление накапливаемой агрессии канализироваться в вербальную форму; потребность выхода за пределы формализованного и официального поля общения; необходимость трансформации эмоционального напряжения; стремление к доминированию, унижению и запугиванию низкостатусных членов социальной группы; установка на эмоциональное подавление объекта вербального воздействия; необходимость компенсации сексуальной неудовлетворенности. Особый характер жизнедеятельности военнослужащих ведет к возникновению трудноразрешимых противоречий между социально-биологическими потребностями личности и официально-узаконенными возможностями их удовлетворения. Это обуславливает рост несоответствия официально декларируемой и реально принятой системы ценностей и создает предпосылки и условия для использования ненормативной лексики. Автором предлагаются рекомендации по стимулированию отказа от использования ненормативной лексики.

Ключевые слова: военнослужащий, воинский коллектив, мат, ненормативная лексика, нецензурная лексика, мораль, общество, право, причины обращения к ненормативной лексике.

Общество состоит из сложного единства взаимодействующих личностей. Речевое общение есть основное средство построения взаимоотношений людей. От чистоты, красоты, богатства и выразительности используемой в общении речи напрямую зависит поддержание нравственного здоровья общества, развитости умственной и эстетической жизни, сохранение духовного стержня народной жизни.

Многообразие сфер деятельности и досуга, быстрая смена технических, экономических и социальных реалий, широкий доступ к новой и постоянно меняющейся информации об окружающем мире и человеке предопределяют как усложнение и обогащение языка, так и опасность его засорения неоправданными неологизмами. Меняющийся быт и образ жизни определяют изменения в направленности умственной деятельности, сфере ценностей и интересов и ведут не только к появлению массы новых слов и оборотов речи, но и к изменению самого стиля и структуры языка, к забвению многих слов, отображающих исчезающие смыслы и явления. Размывание границ традиционной морали и кризис воспитательных механизмов в процессе вхождения в жизнь новых поколений ведут к активизации инволюционных и антикультурных сил, которые несут опасность жаргонизации и вульгаризации языка.

Процессы трансформации языка распространяются и на область профессионального и делового общения людей. Безусловно, язык профессионального общения есть лишь средство решения деловых вопросов и построения взаимодействия в узкой области человеческой деятельности. Но человеческое взаимодействие всегда выходит за рамки чисто официальных и деловых отношений и включает в себя и взаимоотношения на эмоциональном и мировоззренческом уровнях. Будет ли сопровождать язык профессионального общения развитая и красивая речь или жаргон и вульгарность, зависит от традиций и направленности профессионального коллектива, от характера и уровня напряженности его деятельности, от нравственных качеств составляющих его личностей, от активности культурных и контркультурных влияний на коллектив в целом и на каждого его члена в отдельности.

Для воинских коллективов, для профессиональной военной среды характерно использование во внеслужебных ситуациях общепринятого стиля речи, иногда, возможно, и высоких образцов литературной речи, но зачастую и ненормативной лексики. Нелитературные слова и выражения, речь, насыщенная бранными словами, стали общераспространённым элементом общения не только в армейской среде, но и во многих других профессиональных коллективах и социальных группах. Главным образом ненормативная лексика есть маркер коллективов, в которых преобладают мужчины, в коллективах, чья деятельность носит силовой и экстремальный характер.

Под ненормативной лексикой мы понимаем использование жаргонизмов, сленга, упрощенных и грубых слов и выражений. Наиболее подчеркнутая ненормативность – матерная лексика (нецензурная брань), которую используют в неформальном взаимодействии члены многих профессиональных групп, в том числе и военнослужащие. Фонд «Общественное мнение» провел социологическое исследование, во время которого респондентам было задано три вопроса о нецензурной лексике и ее использовании. Вот какие ответы были получены: «Используют ли ваши знакомые в своей речи нецензурные выражения?» – «Да» ответили 67 %. «Согласны ли вы с тем, что ненормативную лексику нельзя использовать ни при каких обстоятельствах?» – «Да» ответили 67 %. «Приходилось ли вам слышать, как известные люди употребляют нецензурные выражения (в выступлениях на радио, телевидении)?» – «Да» ответили 64 %. Как видно из этих результатов, статус нецензурной лексики достаточно противоречив. С одной стороны, две трети опрошенных убеждены, что ее нельзя использовать ни при каких обстоятельствах. С другой стороны, две трети опрошенных утверждают, что слышат ее из уст знакомых и даже известных людей в программах на радио и телевидении. В общем, если запрет на употребление нецензурной лексики существует, то ему мало кто следует [1, 169].

Нельзя объяснить постоянное использование в общении нецензурной брани только невоспитанностью, нравственной испорченностью или низким интеллектуальным уровнем того, кто ее применяет. Не все объясняет и указание на уже существующую традицию использования брани, которая подчиняет себе участников общения. Да, традиция подчиняет, но само ее возникновение не случайно и имеет скрытые психологические причины, которые продолжают действовать и поддерживать ее [4, 128]. Этим и объясняется устойчивость традиции. Потребность в использовании ненормативной лексики коренится в скрытых или явных потребностях человека, определяется внутренними стимулами. Новые данные научной психологии свидетельствуют, что именно глубинные психологические механизмы, глубинная психология личности и есть источник формирования устойчивых форм поведения человека и форм социального взаимодействия – язык, лексикон отражает их в полной мере. И в этом ключе формы общения, лексика общения напрямую происходят из скрытых реалий индивидуальной и групповой психологии [3, 39].

Официальная моральная и правовая оценка использования ненормативной лексики в воинских коллективах однозначно отрицательная. Нормативные требования и установленный порядок взаимодействия и официально-делового общения военнослужащих исключает нецензурные выражения. Это закономерно, так как существует официально поддерживаемый кодекс воинской чести, утверждающий ценности нравственной высоты и чистоты солдата и офицера. Существуют и уставные нормы, регулирующие поведение военнослужащих в служебных взаимоотношениях, подчеркивающие ценности взаимоуважения, альтруизма, чинопочитания, послушания, исполнительности и т. д. И естественным требованием этих социальных установок является отказ от ругани, брани, жаргона, сленга. Однако, стоит задаться вопросом: в какой степени реализуется этот официальный запрет на использование ненормативной лексики в реальной жизни воинских коллективов?

Автор данной статьи ежегодно проводит устный опрос курсантов по проблеме использования мата и нецензурной лексики. Только один курсант на 100-120 обучающихся полностью избегает применения этих слов в своей речи. И это, как правило, результат семейного воспитания, результат сознательно-личного следования принятым в семье ценностям. Более того, некоторые курсанты (2-3 человека на взвод – 8-12 %) признались, что не использовали подобный лексикон, проживая с семьей, но стали использовать его во время учебы в военном училище. Это свидетельствует о том, что в нашем обществе, как и в вооруженных силах, нецензурная лексика используется часто и массово. И это означает следующее:

1) требования нормативности не соответствуют социальным установкам участников взаимодействия;

2) официальная система ценностей оказывается бутафорской, тогда как реально разделяемая участниками общения система ценностей приемлет использование ненормативной лексики;

3) официальные моральные и правовые механизмы слабо контролируют речевое поведение военнослужащих, включаются только при откровенном нарушении норм субординации;

4) существуют скрытые психологические причины, предопределяющие потребность в использовании ненормативной лексики в неформальном общении военнослужащих.

У большинства военнослужащих, использующих нецензурную лексику в межличностном взаимодействии, имеется психологическая мотивация на ее использование. И ненормативный лексикон становится адекватным средством передачи смысла и контекста общения. Поэтому он устойчив и распространен.

Военнослужащие – это в подавляющем большинстве активные молодые люди, разделяющие общераспространённые, массовые ценности и стремящиеся реализовать присущие подавляющему большинству людей стремления обрести имущественный и профессиональный статус, быть привлекательным для противоположного пола, быть значимой личностью в своем окружении. Именно это является интимно значимым, ценным. Тогда как ценности следования образцам воинской чести и взаимоуважения, нравственной чистоты, чаще всего бывают восприняты поверхностно и как дань необходимости. Эти ценности декларируются, но не являются действительно важными. А значит, не они определяют саму суть и содержание межличностного общения. Эту суть и это содержание определяют реальные, активные, сущностно важные ценности. Они уже перечислены нами: быть сильным, уважаемым, эффективным, привлекательным, уметь постоять за себя и занять достойное место в коллективе. Вполне естественно, что многим из молодых людей не чужды идеи силового самоутверждения, способности агрессивно реализовать свои потребности. Но как будут реализовываться эти ценности в условиях воинской деятельности?

Солдаты, сержанты, курсанты и офицеры поставлены в условия тесного коллективного взаимодействия, в ситуацию напряженной служебной деятельности. Служба в вооруженных силах предполагает выполнение приказов и поставленных задач, освоение военной специальности (для солдат и курсантов). Досуг и отдых регламентирован. Потребность в безопасности обострена в окружении партнеров-конкурентов за место под «социальным солнцем», но возможности уединиться и окружить себя защитой в виде социальной дистанции или реального физического расстояния нет – в армии все всегда рядом. Желания и потребности в нормальном сне, качественной еде, отдыхе, покое полностью подчинены не зависящей от индивида регламентации и зачастую не соответствуют его представлениям о том, что необходимо и полезно именно ему. Для курсантов ограничена возможность построения личных отношений с противоположным полом (для военнослужащих, проходящих службу по призыву ситуация еще более проблематична). Социальное взаимодействие детерминировано формальными правилами. Жесткая регламентация поведения предполагает резкое ограничение возможностей реализации экзистенциальных потребностей личности [5, 200].

Ограничение возможностей реализации потребностей человеческого естества, его природы, неизбежно ведет к внутренней напряженности, стрессу, фрустрациям, которые, в свою очередь, претворяются в реакциях агрессии или депрессии. Демонстрация агрессивности сдерживается угрозой наказания. И действительно, в случае проявления физической агрессии и нанесения физического ущерба человеку или имуществу, наказание, как правило, следует. Поэтому часто агрессия принимает форму эмоционально-волевого, словесного, символического подавления или «нападения». И здесь нецензурная лексика оказывается востребованной. Один из наиболее естественных и, как ни парадоксально, наименее разрушительных путей реализации агрессивного поведения есть разрядка агрессивной энергии в словесной ругани. Особенно в матерной брани [6, 18]. Само слово «брань» есть обозначение драки, схватки, агрессивной борьбы. И неслучайно это слово обозначает использование оскорбительных, нецензурных выражений. Так как ими наносятся моральные травмы и эмоциональные удары, символически заменяющие травмы и удары телесные. Это первая причина использования ненормативной лексики военнослужащими.

Другой причиной является то, что ненормативная лексика выводит ситуацию общения из смыслового и правового поля, регламентированного нормативностью, в зону бесконтрольного самовыражения и эмоциональной разрядки. При использовании сленга или жаргона, личность ставит себя в позицию субъекта, пребывающего вне правового, вне военного консенсуса. Это перевод ситуации общения в границы и в сферу действия сил и правил, которые характерны для групп и сообществ, использующих данный сленг. Хорошо известно, что использование, например, жаргона, языка уголовной среды, обозначает вступление общающихся в зону, подконтрольную правилам и нормам криминального мира [2, 107]. Отказ от нормативной лексики и переход к ненормативной означает освобождение от сдерживающих официальных рамок общения и дает свободу строить отношения на неформальной основе. Иногда это проявление скрытого социального протеста против жесткого подчинения личности формальным рамкам, проявление скрытой асоциальности [9, 55].

Третьей причиной обращения к ненормативной лексике можно назвать эмоциональную разрядку (снятие напряжения), которую дает ненормативный (особенно скабрёзно-нецензурный) лексикон. Здесь возможны варианты: вариант снятия напряжения в эмоционально-словесном

отреагировании на стресс-фактор в виде гнева, когда реакция гнева энергично изливается и истощается в брани; другой вариант использования ненормативной лексики для эмоциональной разрядки – смех, вызываемый применением нецензурных слов и выражений [10, 67].

Четвертой причиной использования ненормативной лексики в виде нецензурной брани является символическое обозначение доминирования посредством использования половой символики. Приматы, как известно, используют демонстрацию полового поведения по типу доминирующего самца как средство социального подчинения. В мужских коллективах дело ограничивается словесным воспроизведением реалий полового доминирования, но эмоциональный и социально-статусный эффект от этого вполне реальный. «Крыть матом» означает утверждать свое социально-статусное превосходство [6, 19]. И это средство используется для подчеркивания «разнствования» в статусном положении взаимодействующих. Это неформальный, но эффективный прием подчеркивания своего доминирования в общении [5, 201].

Пятой причиной использования ненормативной лексики является ее сильное эмоциональное воздействие. Это связано с тем, что общество ослабило табуирование брани, но не отменило совсем. А нарушение табу всегда ощущается психологически обостренно. Имеет значение то, что современное общество перегружено вербальной символикой – мы не только постоянно включены в плотное вербальное взаимодействие с окружающими, но и испытываем воздействие потока слов из медиа-средств (ТВ, интернет, радио), потока текстовой информации. Общение изобилует словами, жизнь перенасыщена вербальной информацией. Соответственно сама сила и весомость слов резко уменьшились. Люди привыкли «отключать» внимание при потоке слов, направленных на них, даже если это слова в тесном межличностном общении. И использование ненормативной лексики, провоцирующей психологическую обостренность восприятия (табуированная половая символика), иногда применяется именно как средство заставить воспринимать сказанное со всей полнотой внимания и эмоционального реагирования. В армии, где словесное общение официально формализовано, действительно происходит снижение внимания к содержанию информации, передаваемой в формальном стиле. И это провоцирует на применение ненормативной лексики для активизации внимания и повышения готовности воспринять сказанное.

И, наконец, шестой причиной привлекательности той части ненормативной лексики, которая в науке именуется скабрёзными инвективами, а в обычном тезаурусе называется матерной руганью, является то, что само упоминание о реальности сексуальной активности даже в символическом виде (словесном выражении) оказывает вполне материальное влияние на психофизиологию. Матерная брань ассоциируется подсознательными (подкорковыми) механизмами как знак близости сексуальной стихии. И мужской организм отвечает на этот стимул выделением определенного количества кортикостероидных гормонов, адреналина и тестостерона [5, 202]. Произнесение, трансляция матерных слов вызывает гормональную стимуляцию организма. Как выяснилось в результате специальных исследований, определенный уровень сексуального возбуждения, вполне достигаемый словесно-матерной стимуляцией, приводит к усилению сопротивляемости организма стрессовым воздействиям, снижает уровень тревожности и депрессивности, способствует активизации иммунной системы [8, 125]. Так что эффект этот воспринимается организмом как позитивный и полезный. И происходит это без всякого сознательного наделяния сексуальным смыслом скабрёзных (матерных) слов, даже в их обиходном употреблении. Правда, за это приходится платить свою цену: мат, сквернословие отторгает сознание от высот нравственной жизни, от высших эстетических, религиозных, нравственных идеалов и ценностей. Так как суть и содержание этих областей человеческого сознания открываются и воспринимаются человеком при особом тонком настрое мыслей и чувств, настрое, который блокируется ненормативно-скабрёзной лексикой, лексикой, ориентированной на поддержание животно-сексуальной и животно-силовой ипостасей человеческой природы. Однако, для многих это малозначимо, а значимо именно животно-силовое и сексуальное самоутверждение. И это видится нам важной причиной использования ненормативной лексики в общении людей.

Итак, особый характер жизнедеятельности военнослужащих ведет к возникновению трудноразрешимых противоречий между социально-биологическими потребностями личности и официально-законными возможностями их удовлетворения. Это обуславливает рост несоответствия официально декларируемой и реально принятой системы ценностей и создает предпосылки и условия использования ненормативной лексики.

Каким образом можно стимулировать отказ от использования ненормативной (нецензурной, прежде всего) лексики? Попробуем сформулировать на основе всего изложенного нами выше некоторые рекомендации.

1) Взаимодействие военнослужащих было и будет напряженным, и содержащим богатую почву для конфликтов. Накапливаемая агрессия будет стремиться канализоваться в форму

нецензурной брани. Создание условий для полноценного отдыха и активного досуга военнослужащих, поддержание атмосферы сплоченности и утверждение ценностей взаимной поддержки, коллективизма снижает уровень напряженности и конфликтности, уменьшая тем самым и потребность в использовании нецензурной лексики.

2) В сознании большинства военнослужащих заложено стремление выйти из рамок нормативности, из формализованного и официального поля общения. Стремление к выводу ситуации общения в зону действия неформальных правил часто приводит к использованию ненормативной лексики. Но выход за формализованные рамки общения осуществляется и в позитивно направленной деятельности военнослужащих вне выполнения ими служебных обязанностей (культурно-досуговые мероприятия, спорт, неформальное дружеское общение). Развитие и поддержание конструктивных форм неофициального взаимодействия военнослужащих обуславливает снижение вероятности использования жаргонизмов, брани и сленга для вывода общения в зону отсутствия нормативности.

3) Эмоциональное напряжение, накапливающееся в процессе напряженного взаимодействия военнослужащих, будет изливаться в формах гнева и смеха. Если преобладает смех (но не в скабрезной форме и не в форме высмеивания), то эмоциональное отреагирование может обойтись без нецензурного лексикона. Достижению данного эффекта будут способствовать активная воспитательная работа, разнообразные культурно-досуговые мероприятия, особенно самодеятельность с обязательным присутствием в ней элементов юмора.

4) Использование матерной и нематерной брани для подчеркивания своего доминирующего положения, для унижения и запугивания низкостатусных членов социальной группы есть проявление отсутствия у руководителя реального авторитета и опыта эффективного управления подчиненными. Предъявление жестких требований к морально-нравственному облику командиров и начальников, повышение культуры управления, усиление мер по пресечению использования командирами всех уровней данного незаконного способа самоутверждения будут средствами решения рассматриваемого вопроса. Командир, не использующий бранный лексикон, мощно стимулирует подчиненных следовать его примеру.

5) Применение ругательств и нецензурных выражений для провоцирования эмоционального стресса со стороны объекта вербального воздействия должно быть заменено развитием коммуникативных способностей руководителя. К ним можно отнести: умение придавать вес и силу собственным словам (интонационно, ситуационно, за счет особого подбора слов, усиления речи мимикой); развитие индивидуального подхода (общение с данной конкретной личностью без использования шаблона, опора в общении на знание личности и психологии подчиненного). Необходимо специально работать над техникой речи, чтобы она обладала силой, производила впечатление и передавала необходимое смысловое и эмоциональное содержание. Ключом к успеху является собственный личностный рост командира и целенаправленные усилия с его стороны.

6) Использование скабрезно-матерной лексики как неосознаваемое средство сексуального стимулирования структур подсознания с эффектом энергетической и иммунной мобилизации есть проявление сексуальной неудовлетворенности военнослужащих. Эта причина использования нецензурной лексики не может быть нейтрализована какими-либо организационными и правовыми мерами. Однако, общекультурное, нравственное и эстетическое развитие личности может вести к уходу от грубо-животного отношения к вопросам пола, к пониманию нравственной и духовной сущности женственности, к уважению женского начала как источника жизни, красоты и чистоты. Это ведет к искоренению брутальных элементов в человеческой природе и к исчезновению скабрезно-матерных проявлений в лексиконе.

Современные реалии свидетельствуют о том, что ушли в прошлое привычные механизмы нравственного воспитания, ослабли традиционные нравственные запреты, препятствующие загрязнению языка непотребным содержанием. В то же время нарастает психологическая напряженность индивидуальной жизни, усиливаются противоречия между экзистенциальными потребностями личности и официально предлагаемыми средствами их удовлетворения, что ведет к стрессам и фрустрациям. Пока не отработаны и не распространены новые культурные формы и социально-психологические механизмы, обеспечивающие конструктивное разрешение психологических противоречий. Всё это способствует росту общей агрессивности и депрессивности. И общество прибегает к ненормативному лексикону как к простому и доступному средству, снижающему уровень депрессивности (за счет сексуально-гормональной стимуляции), канализирующему агрессивность в относительно малотравматичную форму словесной агрессии, выводящему личность из жестких рамок социального контроля. Но следовать ли этому простому и распространенному пути или искать более конструктивные способы гармонизации своей жизни, решает каждый человек самостоятельно. И остается рассчитывать на индивидуальный выбор военнослужащих в определении ими строя и содержания их речи.

И в этом выборе мы предлагаем руководствоваться пониманием того, что мысль и чувства и есть строительный материал для процессов сознания и деятельности. Красота, выразительность и богатство языка есть залог и условие ясности, красоты и силы мысли и чувства, которыми живет человек. И от этого зависит человеческая сущность и то, какую жизнь строит человек.

Библиографический список

1. Адоньева С.Б. Матерные частушки и частушки «с картинками», брань и доминирование // Речевая агрессия в современной культуре. Челябинск: Изд. ЧГУ, 2005. С. 167-170.
2. Быков В.А. Русская фея. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Изд. Траст-Имаком, 1994.
3. Володкович В.И. Рекреативная роль инвектив в динамике цивилизации // Личный архив, 1991 [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vash-psiolog.info/voprospsih/214/17717-socialno-psixologicheskie-aspektu-upotrebleniya-1-maternoj-rechi.html>.
4. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, 2001.
5. Ильясов Ф.Н. Мат в три хода (опыт социологического исследования феномена нецензурной брани) // Человек. 1990. № 3. С. 198-204.
6. Китаев-Смык Л.А. Сексуально-вербальная защита и агрессия (матерная речь и матерная ругань) // Речевая агрессия в современной культуре. Челябинск: Изд. ЧГУ, 2005. С. 17-21.
7. Китаев-Смык Л.А. Стресс войны: фронтовые наблюдения врача-психолога. М.: РИК, 2001.
8. Китаев-Смык Л.А. Психофизиологические и социально-психологические аспекты сексуальных инвектив и «матерной речи» // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 120-128.
9. Лабунская В.А. Психология выражения и проблемы формирования экспрессивного «Я» личности // Прикладная психология. 1999. № 5. С. 53-62.
10. Левин Ю.И. Об обценных выражениях русского языка // Russian Linguistics. 1986. № 10. С. 61-72.

B.G. Gersh

*Novosibirsk Higher Command Military School
Novosibirsk*

arimoja@mail.ru

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CAUSES OF USING OF PROFANITY BY SERVICEMEN

The article deals with the social and psychological reasons for using profanity by soldiers. Under profanity it means using jargon, slang, simplified and rude words and expressions. A variety of non-normative acts obscene vocabulary (swearing), which is used in the informal interaction of many members of professional groups, including the military. The majority of troops who use profanity in interpersonal interaction, there is a psychological motivation for its use. Non-Standard lexicon becomes adequate means of communicating the meaning and context of communication, becomes stable, a tendency to spread. The author reveals a number of reasons for the existence and reproduction of the offensive, including obscene, vocabulary among soldiers: the pursuit of the accumulated aggression channeled into a verbal form; the need to go beyond the formal and official communication field; the need for the transformation of emotional stress; the desire for domination, humiliation and intimidation of members of low-status social groups; Installation on emotional suppression of the object of verbal effects; the need to compensate for sexual dissatisfaction. The special nature of military life activity gives rise to intractable conflicts between social and biological needs of the individual and officially institutionalized possibilities to meet them. This mismatch causes the growth of the officially declared and actually adopted the value system and provides the prerequisites and conditions for the use of profanity. The author makes recommendations to stimulate the non-using of profanity.

Keywords: soldier, military team mate, profanity, obscene language, morality, society, law, the reasons for recourse to profanity.

Е.В. Дорошенко

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

kapitanjak@mail.ru

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ КОНСТАТИРУЮЩЕГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПО РАЗВИТИЮ ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ КУРСАНТОВ ВОЕННОГО ИНСТИТУТА ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

В статье рассматриваются результаты констатирующего эксперимента по развитию гуманитарной культуры курсантов, проводившегося в период 2011-2015 гг. на базе Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России. В период проведения эксперимента измерение уровня развития гуманитарной культуры курсантов осуществлялось в два этапа: до и после эксперимента. По мере получения результатов проходило их сравнение с целью получения информации об эксперименте и внесения необходимых коррективов. Автором описывается комплекс методик, текстов, заданий, используемых перед началом эксперимента и после его завершения для определения уровня развития гуманитарной культуры курсантов; выявляются критерии (мотивационно-ценностный, когнитивный, деятельностный и рефлексивный), по которым определялся уровень развития гуманитарной культуры курсантов. Констатирующий эксперимент показал, что в условиях образовательного процесса военного института внутренних войск развитие гуманитарной культуры курсантов, к сожалению, не рассматривается как его важная составляющая, что не обеспечивает высокого уровня развития гуманитарной культуры у будущих офицеров. Результаты констатирующего эксперимента подтверждают необходимость внедрения специально разработанных педагогических условий развития гуманитарной культуры курсантов, что и было апробировано в период формирующего эксперимента.

Ключевые слова: гуманитарная культура курсантов, критерии, эксперимент, самооценка, комплекс методик, ценности, гуманитарные знания.

В период 2011-2015 гг. на базе ФГКВООУ ВПО «Новосибирский военный институт внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России» нами проведена экспериментальная работа. Количество участников эксперимента составило 420 курсантов, 18 офицеров-преподавателей и командиров подразделений курсантов.

В качестве педагогических условий развития гуманитарной культуры курсантов военного института нами были определены: насыщение учебного материала содержанием гуманистической направленности; организация диалоговой направленности учебного процесса; гуманистическая направленность воспитательной работы с курсантами; реализация интегрированного спецкурса «Гуманитарная культура курсантов» [1].

В период проведения эксперимента измерение уровня развития гуманитарной культуры курсантов осуществлялось в два этапа: до и после эксперимента. По мере получения результатов проходило их сравнение, что явилось источником получения информации об эксперименте и позволяло постоянно вносить необходимые коррективы.

Для доказательства гипотезы нашего исследования необходим выбор минимального, но достаточного количества участников эксперимента, то есть определение генеральной совокупности рассматриваемой системы. В нашем случае генеральная совокупность состоит из курсантов и преподавателей Новосибирского военного института внутренних войск МВД России.

Определение уровня развития гуманитарной культуры курсантов осуществлялось по мотивационно-ценностному, когнитивному, деятельностному и рефлексивному критериям [2].

Для определения уровня развития гуманитарной культуры курсантам экспериментальной (ЭГ) и контрольной групп (КГ) был предложен комплекс методик, текстов, заданий перед началом эксперимента и после него.

В ходе I этапа эксперимента выявление показателей мотивационно-ценностного критерия представленного процесса проводилось с использованием анкеты «Курсант и гуманитарная культура» (оценка уровня развития гуманитарной культуры курсантов), адаптированного под задачи исследования варианта теста М. Рокича «Ценностные ориентации», адаптированного варианта теста З. Королевой «Ваши жизненные ценности» [3].

Результаты анкетирования «Курсант и гуманитарная культура» описаны ниже. На вопрос «Имеете ли Вы представление о социальной значимости профессии офицера?» положительно ответили 65 человек (31 %) респондентов; затруднились ответить – 118 человек (56 %); отрицательный ответ дали 27 опрошенных (13 %). Социальные мотивы характеризуются осознанием курсантами важности своей будущей профессии для общества. На вопрос «Считаете ли Вы, что обладаете достаточным для вас уровнем гуманитарных знаний?» ответили: «да» – 29 курсантов (14 %); «затрудняюсь ответить» – 88 курсантов (42 %); «нет» – 93 курсанта (44 %). Мотивация курсантов включает в себя желание повысить свой уровень гуманитарных знаний. Это видно из результатов ответа на вопрос «Удовлетворяется ли Ваша потребность в гуманитарных знаниях в процессе изучения дисциплин гуманитарного цикла?». Положительно ответили только 25 человек (12 %); затруднились ответить 118 человек (56 %); отрицательно ответили 67 человек (32 %). Анализируя вопрос «Влияют ли Ваши ценностные ориентации на мотивацию Ваших действий и поступков?» положительно ответили 57 курсантов (27 %); затруднились ответить 103 курсанта (49 %); «нет» ответили 50 курсантов (24 %).

Из анализа результатов анкеты можно сделать вывод, что менее четверти опрошенных курсантов на начальном этапе эксперимента обладают ярко выраженными профессионально обусловленными потребностями, мотивами; ценностным отношением к самому себе и другим, осознанием ценности человеческих взаимоотношений. У половины опрошенных эти показатели находятся в слабо сформированном состоянии, у остальных они находятся на начальном этапе развития.

Анализ показателей когнитивного критерия развития гуманитарной культуры курсантов проводился с помощью авторского метода незаконченных предложений «Офицер и гуманизм» (проверка наличия гуманитарных знаний и гуманитарной направленности); анкеты И.И. Скрипюка «Культурная эрудиция», адаптированной автором к задачам исследования; теста «Определение начитанности респондентов» А.В. Петровского [4] (на знание классической мировой литературы), адаптированного автором к задачам исследования; анкеты «Курсант и гуманитарная культура» (оценка уровня развития гуманитарной культуры курсантов).

Обработывая результаты, полученные при помощи авторского метода незаконченных предложений «Офицер и гуманизм», мы выяснили, что 153 курсанта (73 %) имеют поверхностное представление о гуманизме; всего 34 курсанта (16 %) уверенно ответили, что это система идей, отстаивающих и обосновывающих высшую ценность человеческой личности, признание человека личностью, признание ценностей человека; 23 будущих офицера (11 %) затруднились с ответом. На вопрос «Гуманитарные знания – это?» уверенно ответили 29 опрошенных курсантов (14 %); затруднились с ответом 142 курсанта (67 %); отрицательный ответ дали 39 будущих офицеров (19 %). Предложение «Принципы гуманизма – это...» правильно закончили 32 опрошенных (15 %), неточное, но близкое по смыслу определение дали 82 человека (39 %); затруднились с ответом или не ответили 96 респондентов (46 %).

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы. 20 % опрошенных показали систематизированные гуманитарные знания, необходимые для постоянного повышения уровня профессионализма и общей культуры курсантов. Поверхностными гуманитарными знаниями обладают 25 % будущих офицеров. Слабые гуманитарные знания выявлены у 55 % опрошенных.

Анализ показателей деятельностного критерия развития гуманитарной культуры курсантов проводился с помощью анкеты «Курсант и гуманитарная культура» (оценка отношения курсантов к гуманитарной культуре); адаптированной методики В.Ф. Ряховского на оценку уровня общительности; адаптированной под задачи исследования «Анкеты оценки развитости коммуникативных умений» М.М. Безруких; экспертной оценки деятельностной успешности курсантов военного института.

По результатам опроса респондентов с помощью анкеты «Курсант и гуманитарная культура» (оценка отношения курсантов к гуманитарной культуре) были получены следующие результаты. На вопрос анкеты «Применимы ли в деятельности офицера принципы гуманизма?», «да» ответили 23 курсанта (11 %); «нет» – 68 курсантов (32 %); затруднились ответить 119 опрашиваемых (57 %). Ответы на вопрос «Готовы ли Вы пожертвовать жизнью ради своих товарищей, командиров, подчиненных?» распределились следующим образом: положительно ответили 32 курсанта (15 %); «затрудняюсь ответить» – 113 курсантов (54 %); «нет» – 65 курсантов (31 %). Способными самостоятельно вырабатывать руководящие принципы своей будущей профессиональной деятельности считают себя только 36 курсантов (17 %); затрудняются с ответом – 131 курсант (62 %); отрицательный ответ дали 43 будущих офицера (21 %).

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы. 14 % опрошенных высказывают позитивное отношение к гуманитарной культуре. Нейтральное отношение выявлено у 58 % будущих офицеров. Отрицательное отношение к гуманитарной культуре высказали 28 % курсантов.

Диагностика рефлексивного критерия развития гуманитарной культуры курсантов осуществлялась посредством адаптированной методики С.А. Будаси «Список качеств личности офицера»; адаптированного варианта теста Л.Н. Куликовой «Тест-анкета самооценки способностей к самообразованию и саморазвитию личности»; карты самооценивания курсантов.

Одним из методов, использованным нами для определения показателей рефлексивного критерия развития гуманитарной культуры курсантов, была адаптированная методика С.А. Будаси «Список качеств личности офицера». С помощью данной методики необходимо из 48 слов, обозначающих качества личности, выбрать 20, в наибольшей степени характеризующих эталонную (идеальную) личность будущего офицера. Из них курсантам необходимо построить эталонный ряд d_1 в протоколе исследования, где на первых позициях располагаются наиболее важные, с их точки зрения, свойства личности, а последними наименее желательные из выбранных ранее.

Анализ самооценки курсантов выявил, что большая часть курсантов в обеих группах (16 % в ЭГ и 15 % в КГ) считает «справедливость» одним из важнейших качеств офицера. Завершает этот список такое качество как «гуманность», которую указали 6 % в ЭГ и 7 % в КГ.

После проведения исследования по методике А.С. Будаси мы довели результаты до каждого участника эксперимента и в результате бесед постарались выяснить:

- что знают курсанты о самооценивании и что для них есть адекватная самооценка?
- чья оценка для курсантов важнее всего и кто может, по их мнению, оценить их наиболее объективно?

- довольны ли они полученными в ходе исследования самооценки результатами?

Результаты бесед в обеих группах (ЭГ и КГ) оказались практически одинаковы.

Большинство курсантов (около 80 % в каждой группе) имеют смутное представление о самооценке вообще и адекватной самооценке, в частности. Более того, они убеждены, что «адекватной» самооценка быть не может, так как «это самооценка».

По мнению будущих офицеров, более адекватную оценку им могут дать родители (70 %), друзья (60 %), сослуживцы (40 %), командиры и преподаватели (20 %). При этом более точную оценку дают родители и друзья. Очевидно, что правильность оценок командиров, преподавателей и сослуживцев (не принадлежащих к числу друзей), а также своих собственных оценок вызывает у курсантов сомнение. Это объясняется, на наш взгляд, возрастными особенностями курсантов и периодом адаптации к военной службе и учебе, который в это время протекает. Достаточно сложный процесс адаптации для большинства курсантов сопровождается как излишней самокритичностью, неудовлетворенностью собой, своими возможностями и способностями, так и неудовлетворенностью окружающей действительностью, когда очень часто необходимо подчинить личные интересы интересам службы и учебы. В этой связи могут возникнуть трудности в общении с командирами и преподавателями, которые, как правило, предъявляют большое количество требований к ним, что вследствие возрастных особенностей может вызвать неприязнь, недоверие. Характерными ответами курсантов в ходе бесед были: «офицеры, как правило, «придираются», «преподаватели не считаются с интересами курсантов, полагая важным только свой предмет» и др. Однако на вопрос, чья оценка для них является наиболее важной, большинство будущих офицеров (74 %) ответили, что оценка других людей важнее, чем собственная.

Таким образом, констатирующий эксперимент показал, что в условиях образовательного процесса военного института внутренних войск развитие гуманитарной культуры курсантов, к сожалению, не рассматривается как его важнейшая составляющая, что не обеспечивает высокого уровня развития гуманитарной культуры у будущих офицеров. Результаты констатирующего эксперимента подтверждают наше предположение о необходимости внедрения специально разработанных педагогических условий развития гуманитарной культуры курсантов, что и было сделано нами в период формирующего эксперимента.

Библиографический список

1. Дорошенко Е.В. Моделирование процесса развития гуманитарной культуры курсантов военного института внутренних войск МВД России // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Оренбург: ФГБОУ ВПО Оренбургский государственный университет, 2015. С. 2888-2894.

2. Дорошенко Е.В., Беловолов В.А. Критерии развития гуманитарной культуры курсантов военного института внутренних войск МВД России // Инновационно-педагогические технологии в формировании специалиста XXI века: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск: НГИ, 2015. С. 122-124.

3. Мартыненко О.А. Педагогические условия развития гуманитарной культуры курсантов высших военно-учебных заведений / О.А. Мартыненко : автореф. дисс. .. канд. пед. наук. Хабаровск, 2011.

4. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982.

E.V. Doroshenko

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk*

kapitanjak@mail.ru

ANALYSIS OF RESULTS OF ASCERTAINING EXPERIMENT ON DEVELOPMENT OF HUMANITARIAN CULTURE OF CADETS OF THE MILITARY INSTITUTE OF INTERIOR MINISTRY TROOPS OF RUSSIA

The article discusses the results of ascertaining experiment on development of humanitarian culture of students, held in the period 2011-2015 years on the basis of the Novosibirsk military institute of internal troops named by the general I.K. Yakovlev. During the experiment, measuring the level of development of humanitarian culture of students was carried out in two phases: before and after the experiment. As the results were held to compare them in order to obtain information about the experiment and make the necessary adjustments. The author describes a set of techniques, texts, assignments, used before the experiment and after its completion to determine the level of development of humanitarian culture of students; identified criteria (motivational and evaluative, cognitive, activity and reflexive), which defines the level of development of humanitarian culture of students. Ascertaining experiment showed that under the conditions of the educational process of military institute of internal armies of the development of humanitarian culture of students, unfortunately, is not regarded as its most important component, it does not provide a high level of development of humanitarian culture at the future officers. Results ascertaining experiment confirm the need for the implementation of specially designed pedagogical conditions of development of humanitarian culture of cadets that was tested during the formative experiment.

Keywords: humanitarian culture of cadets, criteria, experiment, self-esteem, set of techniques, values, human knowledge.

УДК 342.7

Е.И. Зоренко

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

loroukha@yandex.ru

СОВРЕМЕННОЕ ВОЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАЗАМИ КУРСАНТОВ: ПРИОРИТЕТЫ ЦЕННОСТЕЙ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Данная статья посвящена проблеме соблюдения и защиты образовательных прав курсантов военного вуза. Автор поставил перед собой задачу ответить на вопрос «как оценивается курсантами состояние соблюдения и защиты их образовательных прав?». В статье описаны факторы, влияющие на развитие представлений курсантов военного вуза о справедливости, о качестве образовательного процесса. На основании изучения и анализа различных научных источников автором статьи были выявлены критерии, используя которые он разработал методику проведения социологического опроса обучаемых по теме исследования. Оценка удовлетворенности курсантов качеством получаемого образования и защитой своих образовательных прав была проведена методом стандартизированного интервью. Проведенные исследования показали высокую степень удовлетворенности обучаемых культурно-бытовыми условиями, качеством военного образования, учебно-материальной базы, питания, состоянием учебного оборудования, подготовкой педагогических работников и проведением досуга. Достаточно высоко оценены соблюдение законных прав курсантов. Это свидетельствует о том, что соблюдение и защита образовательных прав курсантов соответствует действующему законодательству Российской Федерации в сфере военного образования и обеспечивает необходимую мотивацию обучаемых к получению качественного образования, соответствующего квалификационным требованиям заказчиков к подготовке специалистов для Вооруженных Сил Российской Федерации. Большинство обучаемых считает основы современного военного образования рациональными и справедливыми.

Ключевые слова: военное образование, качество жизни, качество образовательного процесса, образовательный процесс, права человека в сфере образования, справедливость, система ценностей, удовлетворенность качеством образовательного процесса.

Военное образование, как и весь образовательный процесс в России в целом, претерпевает в настоящее время серьезные изменения. Вносятся дополнения и поправки в содержание образования, внедряются новые образовательные технологии, разрабатываются новые методики и т. д. Немаловажную роль играет направление современной политики руководства России в военной сфере и связанные с этим недавние изменения в Стратегии национальной безопасности и Военной доктрине государства, которые в свою очередь отражаются на воспитании будущих офицеров для Вооруженных Сил Российской Федерации.

Современное военное образование реализуется на основе законодательных актов: Конституции России, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», а также ведомственных нормативно-правовых актов Министерства обороны. Помимо вышеперечисленных документов на слушателей и курсантов военных вузов распространяются требования общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации». В вышеозначенных правовых актах четко определено, каким образом должно проходить обучение будущих офицеров, какие обязанности на них возлагаются и какими правами они при этом наделяются.

Как оценивается курсантами состояние соблюдения и защиты их образовательных прав?

Важная роль в оценке курсантами состояния защиты своих образовательных прав в системе военного образования принадлежит формированию и развитию их представлений о справедливости. Сама правовая система базируется на понятии человека о справедливости. Суть этого понятия заключается в «выработке принципов, регулирующих распределение благ и обязанностей граждан...» [1, 352]. Подобное распределение в сфере военного образования может осуществляться на основе принципов равенства, заслуг, усилий, профессиональной пригодности, достижений, способностей. У обучаемых военных вузов понятие справедливости связано с добровольным выбором профессиональной военной службы, ее иерархичностью, повседневной опасностью, особой ответственностью. С учетом этого во главу угла ставится обращение к более высоким, чем справедливость моральным нормам и ценностям при ее обязательном учете.

Справедливость является одним из фундаментальных принципов, регулирующих взаимоотношения в системе военного образования на основе представлений о должном, о сущности человека и его правах. С ее помощью осуществляется распределение и перераспределение всевозможных социальных ценностей (свобода, благоприятные возможности, благосостояние, знаки уважения и внимания, служебная карьера и т. д.). Причем распределение ценностей происходит в соответствии с выбранными критериями, которые определены нормативными актами государства, Министерства обороны Российской Федерации и др. Их несоблюдение рассматривается как несправедливость. Утверждение справедливости воплощено в законах, обычаях, нравственных нормах. Несоблюдение принципа справедливости делает невозможной человеческую солидарность, которая особенно значима в условиях профессиональной военной службы. Мы провели исследование распространенности среди курсантов мнений о справедливости в обучении методом стандартизированного интервьюирования ($\Sigma=56$ чел.) с последующим согласованием результатов в ходе фокус-групповой дискуссии.

Таблица 1

Мнение курсантов о справедливости в военном образовании

№ п/п	Вариант ответа	Выбор (в %)
1	Законность, соблюдение юридических норм, определенных государством	11,6
2	Обеспечение равенства обучающихся	15,6
3	Обеспечение привилегий в соответствии с заслугами, талантом	7,8
4	Благополучие, полученное при поддержке «спонсоров»	4,8
5	Соответствие положения обучаемых моральным нормам	8
6	Социально оправданное равенство и объективное неравенство	7,2
7	В организации обучения в военном вузе за все отвечает начальник	5,6
8	Главная цель обучения – подготовка к защите Отечества	15
9	Обучение – средство решения жизненных целей курсантов	6,2
10	Обучение курсантов – это их подготовка к служению Богу, народу	1,2
11	Трудности нужно понимать как необходимость	11

Приведенные выше результаты исследования свидетельствуют о том, что курсанты считают наиболее приоритетным в обеспечении справедливости при получении высшего военного образования обеспечение равенства обучаемых, подготовку к защите Отечества в качестве главной

цели, законность, соблюдение юридических норм определенных государством. Занимая 1-3 места в иерархии значимости условий успешности военного образования, по мнению курсантов, они обеспечивают высокую справедливость образовательной практики в военных вузах.

Показателем отношения курсантов к соблюдению их прав в образовательной сфере является их удовлетворенность качеством образовательного процесса.

Понятие «качество образовательного процесса» в современном мире тесно связано с понятием «качество жизни» и является одним из его критериев. Качество, как и жизнь, многомерно и сложно для однозначных определений и трактовок. Качество жизни – понятие, используемое в социологии, экономике, политике, медицине и некоторых других областях, которое обозначает оценку некоторого набора условий и характеристик жизни человека, обычно основанную на его собственной степени удовлетворенности этими условиями и характеристиками. В научной литературе представлено большое количество исследований о понятии качества жизни. Рассмотрим некоторые из них.

Жизненные стратегии человека формируются под влиянием многих социальных факторов и условий. Исходной, определяющей основой целостности качества жизни, глубины качественных изменений в обществе, как показал анализ литературы, является духовность, принятые и формируемые смыслы и ценности, представленные как в индивидуальном, так и в общественном сознании и социальном настроении. В международной и отечественной практике социально-политического взаимодействия разрабатывается и совершенствуется перечень индикаторов и показателей качества жизни, унифицируются стандарты и нормативы, предъявляемые к статичным явлениям, продукции и услугам, а также к различным процессам производства и управления. Систематизированными объективными показателями качества жизни в этих документах определяются: здоровье и продолжительность трудоспособной жизни; воспроизводство населения; удовлетворенность жизнью; уровень агрессивности в обществе; стабильность и благополучие семьи; защищенность детства; защищенность имущества и собственности; материальное благополучие; профессиональный успех и самореализация; уверенность в завтрашнем дне. Значительное место в теоретических исследованиях отводится такому показателю качества жизни как удовлетворение и возвышение потребностей.

В работах Е.Г. Анимицы, Г.С. Батыгина, И.В. Бестужева-Лады, А.А. Возмителя и других авторов, исследующих образ и качество жизни, проводятся классификации потребностей. Выделяются физиологические, биологические, социальные потребности, потребности различных социально-демографических, возрастных, профессиональных групп населения. Они соотносятся с различными сторонами жизни общества (духовные потребности, культурные потребности, потребности в здоровом образе жизни, в образовании и т. п.) Все используемые исследователями классификации потребностей не имеют завершенного вида, поэтому оценка качества жизни только на основе удовлетворения какой-либо группы потребностей является недостаточной. Особенно это относится к оценке качества жизни молодежи и образовательной практики. Значит, необходим поиск оценок качества жизни на основе критерия «удовлетворение потребностей», но с учетом типологических особенностей молодых людей, в нашем случае – профессиональных военных.

Анализ литературы показывает, что в современных исследованиях качества жизни наиболее востребованной является классификация потребностей, предложенная А. Маслоу, которая включает в себя потребности физиологические, в безопасности и защищенности, в принадлежности к социальной группе, причастности, поддержке, в уважении и признании, в самовыражении. В самом сжатом виде качество жизни следует трактовать как уровень развития и степень удовлетворения комплекса высокоразвитых потребностей и интересов людей. В исследованиях отмечается, что персональные ценности, цели и перспективы, имеющие отношение к качеству жизни, включают в себя: персональные нужды, внутренние состояния, материальные и пост-материальные ценности, религиозные факторы, характеризующие членство в том или ином сообществе.

Для обобщенной характеристики качества жизни и критериев его оценки рассмотрим ряд определений данного понятия. Так, Б.М. Генкин указывает, что «под качеством жизни обычно понимают условия человеческого существования: обеспеченность материальными благами (пища, одежда, жилье), безопасность, доступность медицинской помощи, возможности для получения образования и развития способностей, состояние природной среды, социальные отношения в обществе, включая свободу выражения мнений и влияние граждан на политические решения» [2, 4].

В теоретических и практических социально-экономических исследованиях предлагается «...рассматривать качество жизни человека (группы, общества) как единство (синтез) двух элементов. Во-первых, оценки людьми степени удовлетворенности своих базисных потребностей (субъективный аспект). Во-вторых, характера и степени реализации жизненной стратегии человека. То есть качество жизни в данном контексте можно рассматривать как удовлетворенность людьми степенью реализации их жизненной стратегии» [3, 115].

Приведенные определения и характеристики качества жизни показывают, что это чрезвычайно широкое, многоаспектное, многогранное явление, охватывающее все сферы жизнедеятельности общества:

1) качество жизни определяется как отражение, мерило, результирующий, интегральный показатель; как степень удовлетворения различных потребностей человека и общества;

2) качество жизни рассматривается как интегральный показатель удовлетворенности человека различными сторонами своей жизни и как отражение проявленной субъектности, созидательной активности в различных сферах жизнедеятельности, в которых реализуются его социетально-витальные функции и удовлетворяются социетально-витальные потребности;

3) качество жизни различных социально-демографических групп имеет свои особенности проявления, факторы и условия улучшения; качество жизни курсантской молодежи, с одной стороны, предопределяется уже существующими условиями и его характеристиками, особенностями восприятия этих условий и характеристик с учетом уже имеющегося (курсанты) положения в обществе.

С учетом вышеописанного мы измерили уровень удовлетворенности курсантов различными сторонами образовательного процесса и защиты их прав.

Таблица 2

Сравнительная характеристика удовлетворенности курсантов военным образованием и защитой образовательных прав

№ п/п	Некоторые стороны военного образования	Ранг	Степень удовлетворенности (в %)		
			Высокая	Средняя	Низкая
1	Культурно-бытовые условия	1	51	36	13
2	Качество военного образования	2	42	58	0
3	Качество учебно-материальной базы	3	33	49	18
4	Качество питания	4	24	42	34
5	Материально-финансовое обеспечение	5	49	50	1
6	Современное учебное оборудование	6	45	51	4
7	Качество подготовленности педагогических работников	7	45	49	6
8	Соблюдение законных прав курсантов	9	36	51	13
9	Возможности для самостоятельного развития	10	49	49	2
10	Качество проведения досуга	8	58	36	6
11	Обеспеченность занятий современной техникой и вооружением	12	27	51	22
12	Справедливость командования	11	33	51	16

Оценка удовлетворенности курсантов качеством получаемого образования и защитой своих образовательных прав, проведенная методом стандартизированного интервью, показала высокую степень удовлетворенности обучаемых культурно-бытовыми условиями, качеством военного образования, учебно-материальной базы, питания, состоянием учебного оборудования, подготовкой педагогических работников и проведением досуга. Достаточно высоко оценены соблюдение законных прав курсантов. Приведенные выше итоги исследования свидетельствуют о том, что соблюдение и защита образовательных прав курсантов соответствует действующему законодательству Российской Федерации в сфере военного образования [4; 5; 6; 7] и обеспечивает необходимую мотивацию обучаемых к получению качественного образования, соответствующего квалификационным требованиям заказчиков к подготовке специалистов для Сухопутных войск.

Таким образом, проведенное нами исследование свидетельствует о достаточно высоком уровне соблюдения и защиты образовательных и лично-бытовых прав курсантов. Проведенный опрос показал, что большинство обучаемых считает основы современного военного образования рациональными и справедливыми.

Библиографический список

1. Кохановский В.П. Основы философии науки: учеб. пособие для аспирантов. Изд. 5-е. Ростов н/Д: Феникс, 2007.
2. Генкин Б.М. Эффективность труда и качество жизни. СПб.: Изд-во СПбГИЭА, 1997.
3. Баженов С.А. Качество жизни населения: теория и практика (по результатам исследования качества жизни населения г. Белгорода) // Уровень жизни населения регионов России. 2002. № 10. С. 1-14.
4. Вопросы прохождения военной службы: Указ Президента РФ от 16.09.1999 N 1237 (ред. от 16.06.2015) // Справочно-правовая система консультант Плюс.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Справочно-правовая система Консультант Плюс.
6. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 20.04.2015, с изм. от 04.06.2014) // Справочно-правовая система консультант Плюс.
7. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 N 53-ФЗ (ред. от 05.10.2015) // Справочно-правовая система консультант Плюс.

E.I. Zorenko

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

lopoukha@yandex.ru

**MODERN MILITARY EDUCATION BY THE EYES OF CADETS:
PRIORITIES OF VALUES AND JUSTICE**

This article is devoted to the observance and protection of educational rights of military high school cadets. The author set out to answer the question "how are estimated by cadets state of observance and protection of their educational rights?". The article describes the factors that influence the development of concepts of military high school cadets about justice, about the quality of the educational process. Based on the study and analysis of various scientific sources the author of the article identified criteria, using which he developed a method of sociological survey of cadets on a research theme. Evaluation of satisfaction with the quality of the education of cadets and the protection of their educational rights was carried out by a standardized interview. Studies have shown a high degree of satisfaction of cadets on cultural and social conditions, the quality of military education, training facilities, food, state of training equipment, training of teachers, and leisure activities. Suffice it highly appreciated the observance of the legal rights of cadets. This indicates that the observance and protection of educational rights of cadets corresponds to the current legislation of the Russian Federation in the field of military education and provides the necessary motivation of learners to quality education that meets the qualification requirements of customers in the preparation of specialists for the Armed Troops of the Russian Federation. Most of the trainees said the foundations of modern military education rational and fair.

Keywords: military education, quality of life, quality of the educational process, educational process, human rights, education, justice, values, satisfaction with the quality of the educational process.

УДК 37.017.92

В.Л. Разгонов, Т.Л. Лопуха

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

*nvvku@list.ru
lopoukha@yandex.ru*

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ ВОЕННЫХ КАДРОВ РОССИИ

В статье рассматривается и анализируется опыт профессионального воспитания военных кадров России. Авторы раскрывают специфику целей, содержания, методов профессионального воспитания военных кадров на различных этапах развития Российского государства и его Вооруженных Сил. При этом отмечается преэминентность профессионального воспитания в царской, советской и современной российской военных школах. В Советском Союзе сложилась одна из лучших в мире систем подготовки офицерских кадров, которой по праву можно было гордиться. Она аккумулировала в себе достижения предшествующих этапов развития отечественной военно-педагогической мысли. В постсоветскую эпоху произошли коренные изменения,

коснувшиеся всех сфер жизни российского общества, включая оборону и систему военного образования. Длительное время система военного образования функционировала в режиме выживания, что отрицательно сказалось на комплектовании Вооруженных Сил офицерскими кадрами. В ходе реформирования системы военного образования решались задачи ее оптимизации, повышения качества и эффективности деятельности военно-учебных заведений. Однако избранная стратегия и тактика реформ не позволили в полном объеме решить поставленные задачи, а многие управленческие решения оказались просто ошибочными, так как не опирались на научный анализ проблем функционирования и развития высшей военной школы. По мнению авторов статьи, процесс воспитания невозможен без опоры на определенную систему ценностей. Ценностные основы военно-профессионального воспитания должны включать общественно-государственные, ментальные, корпоративные и личностные идеи и ценности. Именно в процессе освоения данных идей и ценностей формируются качества, присущие офицерам.

Ключевые слова: военные кадры, Вооруженные Силы Российской Федерации, офицер, воспитание, профессиональное воспитание, реформа военного образования, система ценностей, ценностные основы профессионального воспитания.

Системное профессиональное воспитание военных кадров России в военно-образовательных учреждениях начато в период реформ Петра I.

Открытые в начале XVIII в. указами Петра I военно-учебные заведения давали специальное образование, но офицеров не готовили. Их выпускники шли служить в армию и на флот нижними чинами и лишь в последующем производились в офицеры (такой порядок существовал вплоть до 1712 г.).

Сложившаяся к 1730 г. система военно-профессионального образования в России готовила выпускников военных школ не только для военной службы, но и как специалистов государственного управления. Они получали офицерское звание в войсках после приобретения практического опыта, профессиональных навыков, умений и сдачи экзаменов специальными комиссиями в полках. Подготовка военных специалистов не обеспечивала комплектование всех офицерских должностей в войсках и велась лишь в интересах артиллерии, инженерных частей и морского флота. Офицерские кадры для пехоты готовились из дворян, проходивших службу в гвардейских полках, практиковалась и подготовка офицеров за рубежом.

Подготовка офицерских кадров в России вплоть до революции 1917 г. находилась в ведении царя, высших правительственных чиновников, которые устанавливали требования к офицерским кадрам и содержание их подготовки, количество и емкость военно-учебных заведений, порядок и уровень финансирования военного образования. Перед военно-учебными заведениями ставилась задача морального, нравственного, эстетического, духовного, воспитания дворянских детей, подготовки офицеров, преданных царю, Отечеству и православию, обладающих необходимыми для военной или гражданской службы общими и специальными знаниями и умениями.

Поражение России в Крымской войне (1853-1856 гг.) позволило выявить ряд крупных упущений в системе подготовки офицерских кадров, к которым относятся: недостаточная специализация военного образования, низкий уровень военно-профессиональной подготовки выпускников в связи с их широким общим образованием и увлечением строевой муштрой, отставанием военно-учебных заведений в техническом отношении.

Проведенная в 60-е годы XIX в. военная реформа сформировала полноценную систему военного образования. К 1880 г. в России сложилась четырехуровневая система военного образования. Первый составили пять военных академий, в т. ч. Николаевская академия Генерального штаба; второй, дающий право производства в офицеры, составили Пажеский корпус, кавалерийское, артиллерийское, инженерное, военно-топографическое, 3 пехотных, 3 морских, 16 юнкерских училищ; третий – 18 военных гимназий и 8 военных прогимназий; четвертый – техническая, пиротехническая, военно-фельдшерская и оружейные школы. Отдельно выделялись Императорская медико-хирургическая академия, финляндский кадетский корпус, военно-учительские семинарии и Педагогические курсы при 2-й Петербургской гимназии и гвардейская берейторская школа [1, 14-19]. Это обеспечило переход к комплектованию армии офицерами, имеющими специальное военное образование.

Позднее в 1904-1905 гг. были приняты меры по реформированию военного образования и переходу на новые учебные программы, усиливающие военно-профессиональную специализацию выпускников, поскольку война с Японией выявила глубокие пороки в подготовке офицерского состава и бездарность генералитета [2, 9].

Сложившаяся к 1912 г. система военного образования в России включала четыре группы военно-учебных заведений: для получения общего среднего образования; для получения офицерского звания; для получения офицером высшего военного и специального технического образования; для подготовки специалистов-техников. Система обеспечивала подготовку офицеров, но ее воспитательная компонента не обеспечивала формирования государственного патриотизма. Это стало одной из причин

проигрыша Белым движением Гражданской войны [5]. Около половины царских офицеров честно служили в Красной армии, они помогли создать в Советской России полноценную систему военного образования.

В годы Великой Отечественной войны развитие военного образования шло по пути расширения сети военных вузов, создания ускоренных курсов подготовки и переподготовки офицерских кадров и сокращения сроков обучения в вузах. К 1942 г. система военного образования позволила полностью удовлетворять потребности фронта.

В послевоенные годы качество подготовки офицеров постоянно повышалось, активно велось воспитание на традициях русского воинства.

В конце 80-х годов XX в. были предприняты серьезные усилия по укреплению научно-педагогического потенциала военных вузов, совершенствованию обустройства и материальной базы вузовских коллективов. К январю 1991 г. в стране действовало 162 военно-учебных заведения: 18 военных академий, 3 военных института, 126 высших военных училищ (из них 49 со сроком обучения 5 лет), 7 военных факультетов при гражданских вузах и 8 средних военных училищ [3].

В Советском Союзе существовала одна из лучших в мире систем подготовки офицерских кадров, которой по праву можно было гордиться. Значительные ресурсы, выделяемые на военное образование, давали возможность обеспечивать вузы всем необходимым и готовить высокопрофессиональные кадры для армии и флота. Новейшие образцы вооружения и военной техники поставлялись в вузы в первоочередном порядке. Отличительной чертой подготовки будущих командиров в советских военных вузах являлась ее универсальность. Как правило выпускник способен был выполнять обязанности не только по штатному предназначению. Объем знаний, умений и навыков, полученных в вузе, позволял молодому офицеру быстро осваивать родственные воинские специальности и без дополнительной подготовки исполнять обязанности по вышестоящим должностям до уровня командира батальона.

За последние 20 лет в государстве произошли коренные изменения. Они коснулись всех сфер жизни российского общества, включая оборону и систему военного образования.

За короткий период численность войск значительно сократилась. Сократился и ежегодный заказ на подготовку офицерских кадров. В военных вузах удалось сохранить ценный опыт и лучшие традиции отечественной военно-педагогической школы, но принятых мер сегодня недостаточно. Деятельность вузов нуждается в дальнейшем совершенствовании, повышении качества профессионального воспитания будущих офицеров.

Характерной отличительной чертой военных вузов является относительно маленькая емкость переменного состава. Как следствие, много учебного времени у курсантов уходит на наряды, караулы, хозяйственные работы и т. п. Кафедральные коллективы, как правило, немногочисленны по своему составу. Все это не позволяет организовать эффективную учебную, методическую, воспитательную и научную работу.

В военных вузах Министерства обороны до недавнего времени имела широкое распространение практика дублирования подготовки офицеров по родственным военным специальностям в военно-учебных заведениях различной подчиненности. Это не только увеличивало стоимость обучения, но и приводило к различным подходам в подготовке специалистов одного профиля. Чтобы избежать этого негативного явления, следует определить направление подготовки специалистов для каждого вуза на длительную перспективу, обеспечить предсказуемость политики в сфере военного образования и сохранения офицерских традиций как основы военного образования.

В ходе реформирования военного образования решались следующие задачи:

- укрупнение вузов, создание военных учебно-научных центров, реализующих образовательные программы различных уровней, профилей и специальностей;
- межвидовое и межродовое объединение военно-учебных заведений;
- интеграция военного образования и военной науки, сохранение научных школ, диссертационных советов, профессорско-преподавательского состава;
- учет принципа региональности при сохранении военно-учебных заведений;
- максимальное использование существующих инфраструктуры и материально-технической базы военно-учебных заведений и их дальнейшее развитие;
- реинвестирование в военное образование средств, полученных от реализации избыточных фондов военно-учебных заведений;
- безусловное выполнение договорных обязательств по подготовке иностранных военнослужащих, специалистов для федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации, и другие [4].

Правительством Российской Федерации высшим военно-учебным заведениям поставлены конкретные задачи:

- а) подготовка офицеров с высшим профессиональным образованием, научно-педагогических и научных кадров высшей квалификации для федеральных органов;
- б) профессиональная переподготовка и повышение квалификации военнослужащих и гражданского

персонала;

в) военная (специальная) подготовка должностных лиц федеральных органов законодательной и исполнительной власти, органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, деятельность которых связана с решением мобилизационных и оборонных вопросов, а также задач по обеспечению безопасности Российской Федерации;

г) организация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований, направленных на решение проблем укрепления обороноспособности и безопасности страны и совершенствование профессионального образования военнослужащих;

д) удовлетворение потребностей обучающихся в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии посредством получения высшего и (или) послевузовского профессионального образования;

е) организация и проведение работы по военно-профессиональной ориентации молодежи и подготовке ее к поступлению в высшие военно-учебные заведения.

Как свидетельствует опыт проведенной в 2008-2012 гг. реформы военного образования, были и негативные последствия ее проведения: катастрофическое падение патриотических мотиваций офицерского состава к службе, снижение морально-психологического состояния курсантских коллективов, устойчивая неуверенность военнослужащих в перспективах развития Вооруженных Сил Российской Федерации. В современных условиях, когда возникли реальные угрозы военной безопасности России, стала очевидной необоснованность ряда принятых ранее решений относительно снижения численности выпуска офицеров, ослабления их профессионального воспитания и др.

«Деполитизация» армии в 90-е гг. прошлого века исказила процесс воспитания курсантов, а ликвидация в 2008 г. воспитательных структур в военных вузах и прекращение подготовки специалистов для органов воспитательной работы снизила его качество. В таких условиях существует настоятельная необходимость обеспечить профессиональному воспитанию ценностную ориентированность на идеалы и ценности Российского государства и его офицерского корпуса. Конституция Российской Федерации, к сожалению, запрещает в ст. 13 формирование общегосударственной идеологии, но в ряде своих выступлений Президент России В.В. Путин отметил, что место идеологии должна занять патриотическая идея.

Процесс воспитания невозможен без опоры на определенную систему ценностей. В ходе освоения идей и ценностей военно-профессиональной группы формируются качества, присущие офицерам. Мы полагаем, что ценностные основы профессионального воспитания должны включать общественно-государственные, ментальные, корпоративные и личностные идеи и ценности.

Общественно-государственные идейно-ценностные основы профессионального воспитания будущих офицеров являются отражением идеальной позиции Вооруженных Сил по отношению к обществу и государству, социальным институтам и различным социальным группам. К этой группе можно отнести следующие идеи: государственности военно-профессиональной деятельности и ее субъектов; органичного единства общества и армии; социальности военной службы.

Группа ментальных идейно-ценностных основ профессионального воспитания отражает совокупность культурных, эмоциональных, умственных и др. установок, ценностей, смыслов и ориентаций, характерных для российского народа и присущих офицерам как его представителям. Выраженные в виде идейно-ценностных основ профессионального воспитания будущих офицеров эти установки включают: принадлежность офицера к национальной культуре; духовность и нравственность; оборонное сознание, а также другие многочисленные черты, образуемые российским менталитетом.

Группа корпоративных идейно-ценностных основ профессионального воспитания будущих офицеров отражает специфику офицерского корпуса как социально-профессионального института, корпорации, раскрывает его отличия от офицеров других армий. К ним мы отнесли: воинскую честь, службу по призыванию, а также коллективизм и товарищество.

Группа личностных идейно-ценностных основ профессионального воспитания образуется личностными качествами, присущими представителям офицерского корпуса. В эту группу включены идеи патриотизма, дисциплинированности, подчинения и ответственности, профессионализма и образования. приносимые через всю жизнь.

На выбор путей реформы военного образования на современном этапе влияют следующие обстоятельства.

Первое состоит в том, что Вооруженные Силы располагают сложившейся русской победной военной школой, сформированной более 300 лет назад, и в ходе реформы необходимо бережно использовать все то, что создано за это время, опираясь на рекомендации науки, на отечественный и мировой опыт, офицерские традиции.

Второе обстоятельство связано с тем, что Россия, Вооруженные Силы, военно-учебные заведения в условиях кризиса имеют ограниченные материальные и финансовые ресурсы, и это необходимо учитывать

при реформировании высшей военной школы, бережно используя существующий потенциал военных вузов.

Третье обстоятельство предопределено взрывным нарастанием военных угроз России на Западе, Северном Кавказе, в Центральной Азии. Экономить на обороне в этих условиях нельзя, иначе наш народ будет кормить чужую армию.

Военно-учебные заведения в первоочередном порядке необходимо оснащать новейшими образцами вооружения и военной техники, современной учебно-материальной и лабораторной базой, необходимым информационно-методическим обеспечением образовательного процесса. Требуется подготовка высококвалифицированного профессорско-преподавательского состава, своевременное обновление библиотечного фонда. Внедрение компьютерных и телекоммуникационных технологий должно стать одним из ведущих факторов развития новой образовательной системы.

При этом важно помнить главное – на поле боя побеждает человек, воюющий не за деньги, а за Отечество. Сегодня, как и сто лет назад, «задача военного училища, во-первых, подготовить офицера к боевому делу в соответствии с природой современного боя, и, во-вторых, подготовить офицера в военно-педагогическом отношении, дабы он мог выработаться в умелого воспитателя и учителя солдат» [2, 25]. Эти слова генерал-лейтенанта царской армии М.Д. Бонч-Бруевича сегодня вновь актуальны. Только ценностно-ориентированное государственно-патриотическое профессиональное воспитание в военных вузах способно дать российской армии офицера-патриота, военного профессионала, умелого воспитателя военнотружущих.

Библиографический список

1. Иванов В.Н., Лаптев Ю.В., Слепов В.Я. История отечественной военной педагогики. СПб., СПбВИ ВВ МВД РФ, 1997.
2. Антология военно-педагогической мысли России / под ред. Е.А. Соколкова. Новосибирск: НВВКУ, 1991.
3. Мильберт П.М. Особенности функционирования военного образования на этапах реформ Вооруженных Сил России: автореф. дисс... канд. пед. наук. СПб., 2003.
4. Тезисы выступления Статс-секретаря заместителя Министра обороны Российской Федерации генерала армии П.А. Панкова на заседании пресс-клуба военных обозревателей Министерства обороны Российской Федерации [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://voennovosti.ru/2010/08/reforma-voennogo-obrazovaniya/>.
5. Душа Армии. Российский военный сборник. Выпуск 13. М.: ВУ – «Русский путь», 1997.

V.L Razgonov, T.L. Lopoukha

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

*nvvku@list.ru
lopoukha@yandex.ru*

PROFESSIONAL TRAINING OF MILITARY PERSONNEL OF RUSSIA

The article discusses and analyzes the experience of the professional training of Russian military personnel. The authors reveal the specifics of the objectives, content, methods of professional training of military personnel at various stages of development of the Russian state and its Armed Forces. It is noted the continuity of professional training in Tsarist, Soviet and modern Russian military schools. The Soviet Union has developed one of the world's best training systems of officer, which we could be proud. It accumulated the achievements of the previous phases of the development of Russian military pedagogic thought. In the Soviet era there were fundamental changes that were taking place in all spheres of life of Russian society, including defense and military education system. Long time, the system of military training to function in survival mode, which has a negative impact on the acquisition of the Armed Forces officer personnel. In the course of the reform of the military training system solves the problem of its optimization, improve the quality and efficiency of the military schools. However, the chosen strategy and tactics of reform is not allowed to fully solve the problem, and many management decisions were simply erroneous, since it is not based on scientific analysis of the problems of functioning and development of the higher military school. According to the authors, the process of education is not possible without the support of a certain system of values. Valuable bases of military-professional education should include public and government, mental, corporate and personal ideas and values. It is in the process of development of these ideas and values are formed by the qualities of the officers.

Keywords: military personnel, the Russian Federation Armed Forces, Officer, education, vocational education, reform of military education, values, value bases of professional education.

Д.В. Рябков, С.П. Беловолова, В.А. Беловолов

*Новосибирский военный институт внутренних войск
имени генерала армии И.К. Яковлева
Министерства внутренних дел Российской Федерации
г. Новосибирск*

d.riabkow@yandex.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОФИЦЕРА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В статье подчеркивается, что аксиологический подход к проблеме формирования профессиональной деятельности будущих офицеров внутренних войск играет приоритетную роль в подготовке курсантов военных институтов внутренних войск МВД России в современных условиях. Авторы раскрывают содержание данного подхода, его основные функции и условия реализации, показывают его значение для формирования гуманистических ценностных ориентаций личности будущих офицеров внутренних войск МВД России. Профессионально-нравственные ориентации офицеров внутренних войск являются стержневой характеристикой личности профессионала и обуславливают социальную успешность его деятельности, повышают моральную устойчивость офицеров, постоянно участвующих в выполнении служебно-боевых задач. В статье рассмотрены различные подходы к интерпретации понятий «деятельность», «профессия», «профессиональная деятельность офицера», предпринята попытка раскрыть данные понятия в контексте аксиологического подхода. Авторы статьи приходят к выводу, что профессиональную деятельность офицера можно рассматривать как деятельность индивида, как труд, как одну из профессий офицера. Профессиональная деятельность офицера выступает как сложное структурное образование, представленное несколькими самостоятельными видами деятельности. Это означает, что для каждого отдельного офицера вхождение в эти виды деятельности связано с вхождением в уже сложившуюся организационную структуру, в рамках которой ему предстоит следовать уже оформленным нормам и правилам деятельности. Освоение профессии офицера – это не только приобретение способности эффективно выполнять служебные обязанности, но и принятие будущим офицером соответствующего образа жизни, образа мыслей, системы норм и ценностей.

Ключевые слова: аксиологический подход, внутренние войска МВД России, военное образование, деятельность, офицер, профессия, профессиональная деятельность офицера.

В последние годы в педагогической науке активно развивается аксиологический подход, который акцентирует внимание на субъективной, ценностной позиции офицеров внутренних войск МВД России в процессе профессиональной деятельности. Аксиологический подход выступает своеобразным «мостом» между теорией и практикой в процессе формирования профессиональной компетентности будущих офицеров внутренних войск МВД России. Признавая изучение военно-профессиональных и гуманитарно-педагогических дисциплин в качестве лично значимой ценности, следует считать формирование профессиональной компетентности будущих офицеров закономерным процессом преобразования личности курсанта. В современных условиях возрастают требования к каждому человеку как специалисту в определенном виде деятельности. Успешность во многом зависит от наличия у курсантов способностей и склонностей к этому роду деятельности, от его профессиональной направленности [9].

Аксиологический подход к проблеме формирования профессиональной деятельности будущих офицеров внутренних войск, на наш взгляд, играет приоритетную роль в подготовке курсантов военных институтов внутренних войск МВД России [3; 16; 17]; является основой новой философии образования и соответственно методологии современной педагогики, отражающей связь различных ценностей между собой, их обусловленность социальными и культурными факторами и структурой личности (Н. Розов).

Аксиологические ориентиры, по мнению З.И. Равкина, воплощают в себе национальные и общечеловеческие ценности духовной жизни общества и составляют одну из существенных основ его стратегии в форме образования.

В своих работах С. Гершунский обратил внимание на необходимость пересмотра аксиологической функции образования с точки зрения его гражданской, общественной и личной ценности [4].

М.С. Каган считает, что «ценность предстает перед нами как отношение, причем специфическое отношение, поскольку она связывает объект не с другими объектами, а с субъектом, то есть с носителем социальных и культурных качеств» [7]. Ценностные отношения военнослужащих будут проявляться во взаимодействии и общении с другими людьми. Поэтому именно ценности являются

системообразующим началом профессиональной деятельности и поведения офицера. Ценности, инициируя его взаимодействие с курсантами, как мотивы определяют строение мотивационной сферы. В процессе своей профессиональной деятельности офицер (воспитатель) должен раскрывать подчиненным смысл ценностей, предвосхитив, таким образом, будущие состояния «социального и индивидуального нравственного развития», что является, по мнению А.В. Бездухова, одной из функций ценностного подхода [2].

Гуманистические ценностные ориентации личности будущих офицеров внутренних войск МВД России вытекают из развитости их гуманистического мировоззрения. Ценностные ориентации курсанта складываются в процессе приобретения жизненного опыта, который он проецирует на свою профессиональную деятельность. На основе освоения применения гуманистических, социально-прагматических и духовных ценностей у курсантов формируются профессионально-нравственные ориентиры, позволяющие им лучше адаптироваться в будущей профессиональной деятельности [3; 9; 12]. Профессионально-нравственные ориентации будущих офицеров внутренних войск являются стержневой характеристикой личности профессионала и обуславливают социальную успешность его деятельности, повышают моральную устойчивость офицеров, постоянно участвующих в выполнении служебно-боевых задач.

Решение проблем профессиональной подготовки офицерских кадров для внутренних войск МВД России невозможно без анализа следующих базовых понятий: «деятельность», «профессия» и «профессиональная деятельность» [3;8;10].

Наиболее общим понятием, среди выделенных нами, является понятие «деятельность». В социально-философском и методологическом плане понятие деятельности используется для характеристики специфически человеческого способа бытия. В философии деятельность понимается как способ воспроизводства социальных процессов, самоорганизации человека, его связей с окружающим миром. Деятельность можно определить, как специфический вид активности человека, направленный на познание и творческое преобразование мира, включая самого себя и условия своего существования [10; 14].

В.А. Петровский определяет категорию деятельности через активность как субстанцию деятельности, через внутреннюю организацию активности (мотивационную основу, потребности, целевую и инструментальную основы активности), а также ее внешнюю организацию [13].

По мнению В.А. Крутецкого, деятельность есть активность человека, направленная на достижение сознательно поставленных целей, связанных с удовлетворением его потребностей и интересов, на выполнение требований к нему со стороны общества и государства [6].

Как отмечает А.Н. Леонтьев: «...деятельность каждого отдельного человека зависит при этом от его места в обществе, от условий, выпадающих на его долю, от того, как она складывается в неповторимых индивидуальных обстоятельствах» [10]. Следовательно, чтобы понять механизмы воздействия конкретной профессиональной деятельности на индивида, ее влияние на отношение человека к труду и как следствие для выявления необходимых условий подготовки к профессиональной деятельности, необходимо рассмотреть эту деятельность во взаимосвязи с общественными условиями.

В связи с этим для более глубокого и всестороннего анализа профессиональной деятельности офицера внутренних войск мы считаем необходимым рассмотреть понятие профессии на онтологическом уровне.

В частности, Е.А. Климов в числе прочего рассматривает профессию как общность людей, выполняющих определенные трудовые функции, имеющих общественно полезный характер. Он анализирует профессию в четырех аспектах:

- как ограниченный вид трудовой деятельности (вследствие исторического разделения труда);
- общность людей, выполняющих определенные трудовые функции, имеющие общественно полезный характер;
- как подготовленность (знания, умения, навыки, квалификация) человека, благодаря которой он способен выполнять соответствующие трудовые функции;
- как деятельность профессионала, процесс реализации трудовых функций, выполняемых профессионально [8].

А.К. Маркова утверждает, что профессия – это «социально зафиксированная область осуществления трудовых функций», «система профессиональных задач, форм и видов деятельности, особенностей личности», «деятельность, посредством которой человек участвует в жизни общества и которая служит ему главным источником материальных средств к существованию» [11].

Выражаясь словами К.А. Абульхановой-Славской, происходит «превращение профессии в форму индивидуальной жизни» [1].

Рассмотрим профессиональную деятельность офицера с позиции исторического развития.

Реконструкция исторического процесса обособления профессии офицера, определение факторов, обусловивших такое обособление, позволит выявить характеристики этой деятельности, составляющие её исторически обусловленную сущность. Исторические примеры свидетельствуют о том, что ценностное отношение к защите Отечества имело место задолго до возникновения регулярной армии. Это вызвало потребность в специалистах, обладавших большим объемом знаний и для которых военное дело является основным занятием. Постепенно деятельность офицера приобрела все основные черты, присущие профессии. Сформировались и закрепились в обществе представления и требования к образовательному уровню и личным качествам офицеров. Говоря о профессиональной мотивации, следует отметить, что исторически сложилось понимание офицерской деятельности как подвижничества во благо Отечества. Об этом М.И. Драгомиров писал: «Наше дело все построено на самоотвержении и самоотречении; кто этого не понимает, кто не может поступиться своей личностью во имя дела, тот никогда не будет порядочным военным». Офицер – «государственный человек» [5]. Отдельно следует отметить, что одной из значимых составляющих исторического процесса обособления профессиональной деятельности офицера является ее превращение из «сопутствующего» занятия определенных социальных групп в «дело всей жизни» человека, то есть изменение мотивационной основы этой деятельности, проявившееся в появлении собственно «профессиональной деятельности офицера» [3; 9].

Анализ особенностей понятия «профессия», на наш взгляд, возможен в контексте тех исследований, где базовым является понятие «профессиональная деятельность». По мнению ряда исследователей, (Е.А. Климов, А.К. Маркова и др.) профессиональная деятельность является одним из основных компонентов профессии [8; 11]. Анализ профессиональной деятельности офицера с точки зрения теории деятельности несомненно важен методологически и позволяет учесть некие всеобщие закономерности, присущие любой деятельности вообще, а также проанализировать конкретную деятельность с позиций данной теории, которая носит наиболее абстрактный, всеобщий характер. Однако необходимо учесть и особенности конкретной профессиональной деятельности, проявляющиеся в различных ее компонентах, и, что очень важно, в условиях осуществления этой деятельности.

Профессиональная деятельность – это, прежде всего, трудовая деятельность. Как основной вид человеческой деятельности труд обладает рядом специфических характеристик, обусловленных своеобразием природы данного вида деятельности. Исходя из того, что профессиональная деятельность офицера является одной из форм трудовой деятельности, образовавшейся в процессе исторического разделения труда, ученые отмечают особый характер мотивации трудовой деятельности, когда «цель деятельности лежит не в ней самой, а в ее продукте». Определяющую роль играет результат деятельности, который может проявляться относительно далеко во времени. С.Л. Рубинштейн называет это способностью к действию «дальнего прицела», опосредованной далекой мотивацией [14].

Необходимо, чтобы в процессе профессиональной подготовки у будущих офицеров формировалась именно такая профессиональная мотивация, действие которой будет распространяться на весь период нахождения в профессии. На стадии обучения в военном институте профессиональные мотивы должны выражаться в стремлении добиться успеха в профессиональной деятельности, причем как индивидуально значимого, так и имеющего значимость для общества. Для осуществления профессиональной деятельности офицеру необходима способность ставить перед собой цели, выходящие за рамки текущих потребностей, осознавать, как его деятельность будет сказываться на конечном результате, и соответствующим образом эту деятельность строить [9].

Профессиональную деятельность офицера можно рассматривать как деятельность индивида; как труд; как одну из профессий офицера. Профессиональная деятельность офицера выступает как сложное структурное образование, представленное несколькими самостоятельными видами деятельности. Это означает, что для каждого отдельного офицера вхождение в эти виды деятельности связано с вхождением в уже сложившуюся организационную структуру, в рамках которой ему предстоит следовать уже оформленным нормам и правилам деятельности.

Профессиональная деятельность офицера отличается высокой степенью социальной ответственности, консервативности ценностных ориентаций, строгой регламентацией условий ее осуществления. В такой профессиональной среде значительно возрастает роль социально обусловленных характеристик и условий деятельности [3; 9; 16; 17]. Из этого следует, что освоение профессии офицера – это не только приобретение способности эффективно выполнять служебные обязанности, но и принятие будущим офицером соответствующего образа жизни, образа мыслей, системы норм и ценностей.

В современных условиях реализация аксиологического подхода в процессе профессиональной подготовки будущих офицеров внутренних войск МВД России обеспечивает курсантам ценностное обоснование будущей профессиональной деятельности в качестве офицера [15].

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Бездухов В.П., Бездухов А.В. Ценностный подход к формированию гуманистической направленности студента – будущего учителя. Самара, 2000.
3. Беловолов В.А., Левин Е.М., Беловолова С.П. Профессиональная деятельность офицеров внутренних войск МВД России: понятие, содержание, особенности // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 1. С. 40-48.
4. Гершунский И.С. Философия образования для XXI в. М., 1997. С. 88-89.
5. Драгомиров М.И. Избранные труды. Вопросы воспитания и обучения войск. М., 1956.
6. Крутецкий В.А. Основы педагогической психологии. М., 1972.
7. Каган В.П. Философская теория ценностей. СПб., 1997.
8. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М., 1988.
9. Левин Е.М. Проблемы формирования ценностных ориентаций личности будущего офицера // Образование и культура в развитии современного общества. Материалы научной конференции. Новосибирск, 2009.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
11. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: РАГС, 1996.
12. Нургалеев В.С., Беловолов В.А., Лубочников П.Г. Психологический анализ понятия «деятельность» // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 1 (13). С.55-60.
13. Петровский В.А. Основы теоретической психологии: учеб. пособие. М., 1999.
14. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000.
15. Султанбеков Т.И., Беловолов В.А. Структура образовательной среды военного вуза // Педагогический журнал Башкортостана. 2014. № 4 (53). С. 48-50.
16. Шадрин В.А., Беловолов В.А. Ценностно-патриотические ориентации военнослужащего: понятие, содержание // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2 (45). С. 171-173.
17. Шадрин В.А., Беловолова С.П. Патриотизм как социально-педагогический феномен // Гуманитарные науки и образование в Сибири. 2014. № 2 (14). С. 199-203.

D.V. Ryabkov, S.P. Belovolova, V.A. Belovolov

*Novosibirsk military institute of internal troops
named by the general I.K. Yakovlev
Ministries of Internal Affairs of the Russian Federation
Novosibirsk*

d.riabkow@yandex.ru

PROFESSIONAL EXPERIENCE OF OFFICER: AXIOLOGICAL APPROACH

The article is devoted to the axiological approach to the problem of formation of the professional activity of the future officers of the internal troops, that plays a primary role in the preparation of cadets of military institutes of internal troops of the Russian Interior Ministry in the present conditions. The authors reveal the contents of this approach, its main functions and implementation conditions show its importance for the formation of humanistic valuable orientations of the person of the future officers of Interior Ministry troops of Russia. Professional and moral orientation of the Internal Troops officers are the core characteristics of professional identity and determine the success of its social activities, increase moral stability officers are constantly engaged in the performance of service and combat tasks. The article discusses various approaches to the interpretation of “activity” concepts “profession”, “professional activity officer”, an attempt to reveal these concepts in the context of the axiological approach. The authors conclude that the officer's professional activities can be regarded as an activity of the individual as labor, as one of the officer's profession. Professional career officer acts as a complex structural formation, represented by several independent activities. This means that for each individual officer's entry into these activities due to the entry into the already existing organizational structure within which he is to follow an already issued norms and rules of business. Mastering the – officer profession is not only the acquisition of ability to perform duties, but also the adoption of the future officers of the appropriate lifestyle, way of thinking, a system of norms and values.

Keywords: axiological approach, internal troops of the Russian Interior Ministry, military education, work, officer, profession, professional officer activity.

А.Г. Страбыкин

Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск

strabikin.andre@yandex.ru

САМООБРАЗОВАНИЕ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ

В статье рассматриваются теоретические проблемы, связанные с самообразованием курсантов военных вузов. На основе анализа педагогической литературы автор статьи выявляет сущность, содержание, основные этапы процесса самообразования. Основным условием активизации самообразования, обеспечения его непрерывности и эффективности является мотивация курсанта. Опираясь на современные педагогические идеи, автор ставит вопрос о готовности человека к самообразованию, указывает на основные элементы технологии самообразования, которыми должны овладеть слушатели и курсанты высшей военной школы, выделяет основные средства и формы самообразования применительно к особенностям учебно-воспитательного процесса в военном вузе. В статье формулируются некоторые практические рекомендации по организации самообразовательной деятельности обучающихся, особое внимание обращается на развитие мотивационного и целеполагающего компонентов познавательной деятельности, обучение способам самостоятельного познания, формирование умений решать творческие задачи, отработку компонентов деятельности самообучения в их единстве и взаимосвязи. Достижение высокого уровня самообразования, по мнению автора, в конечном счете, обеспечивает более эффективное развитие профессиональных качеств офицера.

Ключевые слова: военный вуз, личность, образовательное пространство, профессиональные качества офицера, самообразование, самообучение, технология самообразования, этапы самообразования.

Развитие профессиональных качеств офицера является проблемой многоаспектной, включающей в себя внешние (социальные) и внутренние (психологические) условия развития, механизмы развития [1]. Профессиональные качества офицера развиваются постепенно, следовательно, необходимо проводить целенаправленную работу по созданию педагогических условий, обеспечивающих динамику их развития. Такими педагогическими условиями, на основании исследования научной и мемуарной литературы выдающихся военачальников, будут являться самообразование и самовоспитание.

В образовательном процессе нельзя добиться желаемого результата без стремления к саморазвитию обучаемого, его потребности в самообразовании. Необходимо подчеркнуть, что человек, активно, целеустремленно и творчески занимающийся самообразованием, способен значительно расширить свои возможности в развитии необходимых качеств. Это обстоятельство и предопределяет особую роль самообразования в развитии профессиональных качеств офицеров Сухопутных войск.

По мнению Л.П. Вишневской, самообразование включает в себя следующие элементы: познавательную сущность; тесную связь с самовоспитанием личности; совершенствование личности на основе систематической и целенаправленной деятельности, связанной с социальными условиями [2].

Педагогический словарь определяет самообразование как целенаправленную познавательную деятельность, управляемую самой личностью; приобретение систематических знаний в какой-либо области. В основе самообразования – интерес занимающегося в органическом сочетании с самостоятельным изучением материала [3, 252].

В психологическом словаре следующее определение: самообразование (англ. self-education) – образование, получаемое самостоятельно, вне стен какого-либо учебного заведения, без помощи обучающего; неформальная индивидуальная форма учебной деятельности. Т. е. самообразование – самостоятельно организуемая субъектом деятельность учения, удовлетворяющая его потребности в познании и личностном росте [4].

Самообразование в образовательном пространстве военного вуза реализует деятельность участников образования. В свою очередь человек, обращаясь к самообразованию, реализует потребность познать себя как личность и как профессионала в своей специальности.

По нашему мнению, самообразование – это самостоятельная деятельность личности по достижению целей собственного воспитания, образования, профессионального развития, которая включает в себя средства поиска и усвоения значимого для личности опыта.

Самообразование отличается от самообучения. По мнению Н.И. Баньковской, самообучение определяется как процесс самостоятельного образования без непосредственного участия преподавателя, а самообразование – как способ овладения знаниями, навыками, умениями по инициативе самого обучающегося в отношении предмета знаний, объема и источника познания, установления продолжительности и времени проведения занятий, а также выбора форм удовлетворения познавательных интересов и потребностей [5].

Основным условием активизации самообразования, обеспечения непрерывности и эффективности процесса самообразования является мотивация курсанта – приобретение необходимых офицеру профессиональных качеств в целях успешного выполнения поставленных перед ним задач.

В.П. Лебедева, говоря о готовности человека к самообразованию, обращает внимание на владение технологией самообразования, которая включает в себя следующие элементы:

- четкое определение целей самообразовательной деятельности;
- принятие алгоритма последовательных действий, обеспечивающих реализацию целей;
- проведение рационального планирования самообразовательной деятельности;
- владение техникой выполнения действий, обеспечивающих результат;
- непрерывный самоконтроль качества полученных результатов и при необходимости повторение действий с целью устранения ошибок и пробелов;
- объективную оценку достижений самообразовательной деятельности и поиск путей использования результатов данной деятельности на практике;
- подведение итогов реализации плана самообразования и практического использования результатов самообразования;
- постановку новых целей и вытекающих из них задач самообразования [6, 34-38].

Таким образом, характеристика процесса самообразования включает:

- 1) возникновение потребности в самообразовании, самооценку подготовленности, осознание необходимости в знании, постановку целей и задач;
- 2) планирование работы по самообразованию;
- 3) определение форм, методов и средств самообразования;
- 4) содержание самообразования: общее, профессиональное, психолого-педагогическое.
- 5) деятельность по самообразованию: знакомство с предметом, выборочное изучение, анализ и самооценку результатов;
- 6) самоконтроль, самооценку;
- 7) руководство самообразованием;
- 8) результат: новые знания, навыки и умения, приобретенные качества, применение полученных знаний на практике.

Осознав необходимость в развитии военно-профессиональных качеств и оценив собственную подготовленность в этом направлении деятельности, курсант переходит к этапу планирования, на котором ему необходимо, по нашему мнению, составить личный план самообразования, который должен включать в себя следующие пункты: тема самообразования; сроки работы над темой самообразования; цель; задачи; основные вопросы; форма, методы и средства самообразования; практический вывод о логике проведения.

Средствами самообразования выступают: научная, учебная литература, мемуарные источники, а также интернет-ресурсы.

Основной формой самообразования является изучение литературы и других источников, методами самообразования – самостоятельная работа над литературой и другими источниками, самостоятельные упражнения и практические задания, общение с преподавателями, коллективом, старшими командирами. При этом значимым является овладение методикой и техникой работы с различными источниками информации: приобретение навыков оперативно находить интересующую информацию, извлекать ее из различных источников, анализировать и преобразовывать для решения своих задач, применять полученную информацию на практике.

Рассматривая пути организации самообразовательной деятельности, Н.В. Фомашина предлагает учитывать следующие позиции: организацию самостоятельной работы, формирование методов и приемов познавательной деятельности, осуществление самоконтроля в учебной деятельности. С этой целью, по ее мнению, образовательная среда военного вуза должна быть направлена на развитие мотивационного и целеполагающего компонентов познавательной деятельности, обучение способам самостоятельного познания, формирование умений решать творческие задачи, отработку компонентов деятельности самообучения в их единстве и взаимосвязи. В случае успешного развития этих направлений личность развивает в себе способность к целеполаганию, доминирование активного познавательного интереса (вызванного потребностью

самостоятельного познания), что в свою очередь ведет к достижению высокого уровня самообразования и в конечном счете развитию профессиональных качеств офицера [7].

Процесс самообразования можно условно разделить на три этапа:

первый этап – появление потребности в самообразовании, выработка умений целеполагания и планирования своей деятельности, освоение рациональных способов самостоятельной деятельности;

второй этап – выработка умений самоорганизации, самоконтроля, развитие творческих способностей в самостоятельной деятельности, совершенствование коммуникативных умений;

третий этап – выработка умений самостоятельного определения задач самообразования и путей их эффективного решения, осуществления контроля и оценки результатов своей деятельности.

Таким образом, самообразование является одним из важнейших условий развития профессиональных качеств офицера Сухопутных войск, ценностных ориентаций и воли посредством большей активности, целеустремленности и настойчивости в формировании военно-профессиональных качеств.

Библиографический список

1. Разгонов В.Л. Военно-профессиональное воспитание курсантов и формирование у них оборонного сознания. Новосибирск: НВВКУ, 2015.
2. Вишневская Л.П., Вишневская Г.В. Самообразование как психолого-педагогическая проблема // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2009. № 12(16). С. 156-158.
3. Педагогический энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2003.
4. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
5. Баньковская Н.И. Исследование мотивационных характеристик самообразования студентов // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 282-294.
6. Лебедева В.П. Самообразование и пути профессионального роста учителя новой школы // Психодидактика в теории и практике развивающего образования: коллективная монография. Ч. IV. Черноголовка, 2011.
7. Фомашина Н.В. Организация самообразования будущих военных специалистов // Известия РГПУ м. А.И. Герцена. 2007. № 45. С. 433-466.

A.G. Strabykin

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

strabikin.andre@yandex.ru

SELF-EDUCATION OF CADETS OF MILITARY SCHOOLS

The article discusses the theoretical problems associated with the self-education of cadets of military schools. Based on the analysis of pedagogical literature the author of article reveals the essence of the content, the main stages of the process of self-education. The main condition for activation of self-education, ensure its continuity and efficiency is the motivation of the cadet. Relying on modern educational ideas, the author raises the question of a person's readiness for self-education, points to the basic elements of self-learning technology, which must master cadets of higher military school, identifies the main means and forms of self in relation to the characteristics of the educational process in military high school. The article formulates some practical recommendations on the organization of self-educational activity of cadets, special attention is paid to the development of motivation and goal-setting components of cognitive activity, learning methods of self-knowledge, the formation of the ability to solve creative problems, practicing self-activity of components in their unity and interrelation. Achieving a high level of self-education, in my opinion, ultimately provides a more efficient development of professional qualities of the officer.

Keywords: military school, personality, educational space, professional quality officer, self-education, self-learning, self-learning technology, stages of self-education.

С.А. Чернов

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

chernovnsk@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВЫСШИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ПРИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

В статье рассматриваются методологические и методические подходы к оценке эффективности подготовки специалистов в высших военных учебных заведениях в условиях перехода к стратегии инновационного обучения. Сердцевиной этого перехода выступает индивидуализация и гуманизация процессов обучения и воспитания будущих офицеров. Автором формулируются исходные методологические позиции, предопределяющие подходы к оценке качества подготовки специалистов в высшей военной школе: эмерджентность, системность высшего образования; преобладание подхода к воспитанию не как к целенаправленному формированию личности в соответствии с выбранным идеалом, а как к созданию условий для саморазвития личности; признание существования двух стратегий управления учебно-воспитательным процессом в высшей, в том числе и военной школе, предопределяющих различные «социальные ситуации развития личности». Переход к инновационному образованию, по мнению автора статьи, предполагает осознанную системную реорганизацию военного образования, кардинальную перестройку его целей, содержания, методов и технологий. Автором выявляются сравнительные особенности стратегии традиционного и инновационного обучения; раскрываются процессуальный и результативный аспекты, существенные для определения методических подходов к практической оценке эффективности подготовки специалистов в военных учебных заведениях при индивидуализации процессов обучения и воспитания.

Ключевые слова: военные вузы, воспитание, обучение, инновационное обучение, традиционное обучение, образование, оценка эффективности подготовки специалиста, управление учебно-воспитательным процессом, формирование личности.

Опыт военного строительства показывает, что в реализации его планов особая роль отводится офицерскому корпусу. Успех намеченного во многом определяется тем, насколько удастся в непростых экономических, политических и социальных условиях сохранить офицерский корпус, повысить его престиж, привлечь в его ряды лучших представителей общества. В решении этой задачи важнейшая роль принадлежит педагогам военных образовательных учреждений, которые обеспечивают подготовку офицеров в соответствии с требованиями времени.

Хотя термин «подготовка» уже термина «образование» и обычно связывается с усвоением сведений и навыков, необходимых для определенной практической деятельности, в традиционной педагогической литературе высшее образование часто понимается как подготовка в системе профессионального образования специалистов высшей квалификации и специалистов научной квалификации.

В связи с таким положением для определения подходов к оценке эффективности подготовки специалистов в военных учебных заведениях при индивидуализации процессов обучения и воспитания возникает необходимость в уточнении ряда исходных методологических и методических позиций.

Начнем с категории «высшее образование». Мы считаем возможным придерживаться следующего наиболее сущностного его определения (предложенного Ю.Г. Фокиным). Высшее образование – образование, обеспечивающее активную социальную позицию субъекта, успешную интеллектуальную деятельность в избранной сфере общественной жизни, не имеющую полного предписания и осуществляемую на научной основе, а также потенциал творческого развития избранной сферы деятельности и самостоятельного усвоения новых объектов этой сферы [25, 55].

Исходя из указанной дефиниции, высшее образование – системный результат, создаваемый в течение нескольких лет спланированной работы многих людей. В этом результате труд разработчиков учебных планов и программ, связанный с отбором из объективизированного опыта человечества сведений и знаний, подлежащих усвоению курсантом для возникновения этого результата, соединяется с трудом авторов учебников и учебных пособий, с совместным трудом самого обучающегося и многих преподавателей, руководящих его учением и проводящих разнообразные занятия.

Итогом этой целенаправленной работы становятся качества выпускника вуза, обеспечивающие ему успешную деятельность в избранной сфере активности по окончании вуза. Абитуриент военного вуза, пройдя стадию подготовки в качестве курсанта, становится выпускником вуза, обладающим качествами, которые отсутствовали у него до поступления в военный вуз. Однако,

несмотря на множество изменений, которые происходят в психике и возможностях курсанта на каждом занятии, итоговые качества не представляют собой простую сумму этих изменений.

В результате этой совместной деятельности возникает нечто, что не сводится лишь к совокупности результатов, полученных на каждом занятии. Более того, этот совокупный результат не только больше суммы частных результатов, он качественно иной: результирующие изменения в психике и возможностях военного специалиста, прошедшего установленные стадии совершенствования, глубже и ценнее всех парциальных результатов. В этом качественном несоответствии и состоит эмерджентность, системность высшего образования: возникновение в системе нового, отсутствующего у элементов системы. Итог оказывается больше суммы частных результатов.

Из вышеизложенного следует другая методологическая позиция, связанная с оценкой эффективности подготовки специалистов в военных учебных заведениях при индивидуализации процессов обучения и воспитания. В современной педагогике начинает преобладать подход к воспитанию не как к целенаправленному формированию личности в соответствии с выбранным идеалом, а как к созданию условий для саморазвития личности [14; 16; 17; 19; 25].

Новый тип организации образования военных профессионалов продиктован не только повседневными нуждами общества в повышении его качества, но определяется более глобальной социальной проблемой – приведение состояния всех компонентов образовательных систем в соответствие с целями гуманизации и демократизации нашего общества.

Таким образом, имеются основания констатировать не только принципиальные изменения профессиональных функций военного педагога, но и его роли в подготовке курсантов к будущей профессиональной деятельности. Оставаясь ведущим субъектом учебно-воспитательного процесса, преподаватель становится одним из основных субъектов проводимой реформы военного образования, смысл которой выражается необходимостью гуманизировать деятельность военных профессионалов. На первый взгляд может показаться, что в условиях Вооруженных Сил, деятельность которых регламентируется весьма жесткими правовыми регулятивами, ни о какой гуманизации не может быть и речи. К тому же сам характер армейской жизнедеятельности, специфика выполнения военными служащими задач чаще всего предполагает подчинение личных интересов общественным. Думается, что противоречия здесь нет, так как речь идет в данном случае не о социально-профессиональном статусе субъекта воинской деятельности, а о его моральном самоопределении.

Кардинальная перестройка целей, содержания, методов и технологий военного образования означает, что по масштабам своего влияния на личность процесс профессионального обучения должен стать более действенным и конструктивным именно потому, что он затрагивает всех участников – и педагогов, и курсантов. Решение этого нового класса сложности задачи динамизируется и требованием времени, которое как никогда чревато ускорением перемен. Отсюда необходимость в утверждении нового, коэволюционного, подхода к развитию личности в процессе обучения. Взаимодействие, сотрудничество, диалог, присущие индивидуализации обучения и воспитания, – необходимость не только становления личности курсанта, но и развития преподавателя: без помощи нового поколения, без соразвития с ним он не реализуется как профессионал, как личность [10, 10].

Третья методологическая позиция, предопределяющая подходы к оценке качества подготовки военных специалистов, основывается на существовании двух стратегий управления учебно-воспитательным процессом в высшей, в том числе и военной школе. Первая следует традиционному, нормативному укладу организации образования, свойственному индустриальной эпохе. Вторая начала складываться с изменением социального запроса к личности, к ее роли в общественном развитии, появившемся в постиндустриальном информатизированном обществе. Именно этот второй тип управления, положивший в основу организации образования ценность личности всех его участников, и стал определять инновационную стратегию. И хотя нельзя абсолютизировать различия этих двух стратегий управления в реальном образовательном процессе, тем не менее, в своей тенденции они определяют кардинальные отличия «социальной ситуации развития личности», складывающейся внутри каждого типа организации образования.

Культура инновационного образования, составной частью которой является индивидуализация обучения и воспитания курсантов военного вуза, предполагает (вопреки извне заданному, директивно определяемому управлению учебно-воспитательным процессом) его осознанную системную реорганизацию.

Первым компонентом этой реорганизации выступает сама личность преподавателя (как управленца и организатора образования).

Второй компонент – изменение функции и строения знаний, которые осваиваются в военном вузе, и способов организации процесса их усвоения.

Третий компонент – решительное выдвигание на первый план социальной природы всякого учения и развития личности будущего военного специалиста.

Четвертый компонент связан с отказом от репрессивной, подавляющей, деструктивной роли контроля и оценок, с изменением критериев оценивания эффективности учения и воспитания будущего профессионала.

Выделив лишь четыре из многих существенных аспектов реорганизации типа управления учебной ситуацией, наиболее значимых для стратегии инновационного обучения, включающего индивидуализацию обучения и воспитания, мы еще далеки от ее полной характеристики [1; 9; 21]. Поэтому мы считаем необходимым представить относительно полный спектр значимых компонентов, позволяющих судить не только о масштабе системной реорганизации учебно-воспитательного процесса в ситуации инновационного по сравнению с традиционным обучения, но и о том, что именно подлежит оценке в подготовке будущих военных специалистов (таблица 1) [10, 19-22].

Таблица 1

Сравнительные особенности стратегии
традиционного и инновационного обучения

Параметры обучающей системы	Традиционное обучение	Инновационное обучение
<i>Единица управления</i>	Учебно-воспитательный процесс рассматривается как взаимосвязь двух автономных деятельностей: обучающей педагога и учебно-познавательной обучающегося; обучающиеся выступают как <i>объекты</i> управления, как исполнители планов преподавателя.	Единицей управления является <i>целостная учебно-воспитательная ситуация</i> во взаимосвязи осваиваемой деятельности с многообразными формами взаимодействий между всеми участниками, изменяющимися на разных этапах усвоения содержания деятельности с целью поддержания высокого уровня мотивации и активности обучающихся; курсанты выступают как <i>субъекты</i> учения, общения, организации, сотрудничающие с педагогом.
<i>Цели</i>	Усвоение предметно-дисциплинарных знаний.	Развитие личности и многообразных форм мышления каждого обучающегося в процессе усвоения знаний.
<i>Рольевые позиции преподавателя и стиль руководства</i>	Предметно-ориентированная позиция, преобладает функция информационно-контролирующая (обучаемый как познающий «когнитивный» индивид). Стиль авторитарно-директивный, репрессивный, инициатива обучаемых чаще подавляется, чем поощряется.	Личностно-ориентированная позиция, преобладают организационная и стимулирующая функции (обучающийся как целостная личность, взаимодействующая со всеми участниками процесса обучения). Стиль демократический, поощряющий, инициатива обучаемых поддерживается.
<i>Характер организации учебно-познавательной деятельности</i>	Преобладают репродуктивные задания, действия по образцу, упражнения в заданных способах решения. Овладение исполнительской оперативно-технической стороной деятельности опережает смысло- и целеполагание. Тренировка в выполнении отдельных элементов предшествует пониманию замысла и смысла деятельности, скрывая ее системную организацию. Система заданий строится в логике извне заданных целей, не стимулируя самостоятельность целеобразования и поиск способов решения. Задания рассчитаны на дифференциацию уровней индивидуальной одаренности учащихся, закрепляя индивидуальные различия в границах уже достигнутого обучающимся.	На первый план выдвигаются творческие и продуктивные задания, определяющие смыслы и мотивы выбора обучающимся тех или иных репродуктивных задач. «Погружение» в целостную систему деятельности предшествует расчлененной ориентировке и отработке отдельных элементов и операций. Формирование смыслов и целей познавательной деятельности опережает тренировку в способах достижения результатов. Синтез предшествует анализу, облегчая осмысленность системы осваиваемых действий. Задания следуют в логике возрастающих креативностей, социальной значимости, культурной полноценности получаемого результата, побуждая к самоорганизации системы познавательной деятельности, к выдвижению новых целей, к смене смысловых установок. Задания расширяют зону перспективного развития для всех обучающихся.
<i>Формы отношений</i>	Соперничество преобладает над сотрудничеством.	Многообразие, динамика становления и развития внутри- и межгрупповых деловых и межличностных отношений, снижение конфликтности по мере роста уровня взаимодействий, усиление эмпатии в отношении друг к другу и к педагогу. Сотрудничество вытесняет соперничество, антагонизм изживается солидарностью.

Параметры обучающей системы	Традиционное обучение	Инновационное обучение
<i>Контроль и оценка</i>	Преобладает внешний пооперационный контроль в рамках жестко заданных правил. Самоконтроль отличается ригидностью и ситуативностью. Поощряется соперничество в борьбе за лучшую оценку. Мотивация осуществляется за счет «ожидания приговора» – оценки преподавателя. Учебная работа выполняется, чтобы избежать наказания, потери престижа, а не в интересах познания и личностного вклада в него. Преобладает оценка результата со стороны педагога, формы поощрения однообразны, страх перед наказанием плохой оценкой – ведущая эмоциональная составляющая учения.	Преобладает взаимо- и самоконтроль в рамках общих, разделяемых группой ценностей и смыслов. Внутренний контроль быстро формируется в отношении всего поведения в широких границах принимаемых личностью ценностей. Преобладает взаимо- и самооценка в группах обучающихся, устремленных к социально и лично значимым целям и заинтересованных достижением продуктивного результата. Вводятся многообразные формы актуализации для поощрения достигнутого, усиления публичного признания достижений, создания позитивного эмоционального настроя в учебно-воспитательной ситуации.

Приведенные психологические различия в типах управления «социальной ситуации развития личности» в процессе обучения и воспитания помогают преподавателю конкретной учебной дисциплины, чья повседневная деятельность ориентирована в основном на проведение очередного занятия, то есть на частные результаты, осознавать, что результат его труда воплощается не только в знаниях, навыках и умениях, возникших у курсанта после занятия: каждое занятие, каждый акт общения педагога с курсантом осуществляются в конечном счете именно ради главного системного результата – социально ожидаемые качества выпускника.

Осознание этого факта, понимание глубинных результатов своей деятельности, их оценка с позиций вышеприведенных методологических подходов наполняют повседневную деятельность преподавателя военного вуза особым смыслом.

Как показывают исследования А.Т. Беренгер [5], В.Я. Ляудис [9], Е.И. Мануйловой [11] и др., психологически наиболее сложным в переходе от традиционного к инновационному обучению оказывается процесс освоения преподавателями нового типа управления – системного управления целостной ситуацией, предполагающего, прежде всего, изменение собственной личностной позиции и роли в учебной ситуации, перестройки внутренней картины этой ситуации. Переход от директивного, административно-командного управления отдельными мероприятиями, отдельными аспектами учения курсантов военного вуза и их оценки к организации целостной ситуации во всей полноте ее параметров, в режиме совместной деятельности не может происходить спонтанно, самопроизвольно. Здесь необходимы усилия, направленные на обучение самих организаторов образования – преподавателей.

Рассмотрим процессуальный и результативный аспекты, существенные для определения методических подходов к практической оценке эффективности подготовки специалистов в военных учебных заведениях при индивидуализации процессов обучения и воспитания.

Предваряя раскрытие процессуального аспекта методического подхода к практической оценке эффективности подготовки специалистов, отметим характерный факт. Поступающие в Новосибирское высшее военное командное училище отзывы на выпускников с оценкой качества их подготовки и служебной деятельности за предыдущие пять лет свидетельствуют о том, что около 4 % молодых офицеров занимаемой должности не соответствуют. Изучение данного несоответствия через сравнение отношения бывших курсантов к учебе, военной службе, нормативно-правовым и нравственным нормам поведения позволяет заключить, что оно, в первую очередь, обусловлено низкими деловыми и морально-психологическими качествами нынешних молодых офицеров.

Следовательно, подготовка курсантов в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения вызывает необходимость в уточнении приоритетов сосредоточения усилий профессорско-преподавательского состава военных вузов в целом и нашего училища, в частности. Вышеуказанный документ определяет, что «... выпускник... в соответствии с задачами профессиональной деятельности и целями основной образовательной программы должен обладать... компетенциями...». Термин «компетенция» означает способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области. Тем самым официально обращено внимание на тот факт, что ранее доминирующей триаде «знания – навыки – умения» приходит на смену другая цепочка «знания – навыки – умения – качества» [23].

Исходя из того, что военный вуз служит не столько для передачи специальных знаний, сколько для развития и воспроизведения особого культурного слоя, важнейшим элементом которого является и военный

педагог, возможно более четко определить предназначение преподавателя военного вуза. Его, как представителя определенной культуры, характеризует не только специфический набор знаний и умений, но и определенное мировоззрение, жизненные ценности и установки, особенности профессионального поведения. Поэтому военный педагог не просто передает курсанту знания, профессиональные навыки и умения, а приобщает будущего офицера к общей и военной культуре.

Эту истину хорошо сформулировал К.Д. Ушинский: «Только личность может действовать на развитие и определение личности, только характером можно образовать «характер» [22, 124]. Воспитывать – в значительной мере строить систему взаимоотношений между людьми. Как уже отмечалось выше в современной педагогике и психологии начинает преобладать подход к воспитанию не как к целенаправленному формированию личности в соответствии с выбранным идеалом, а как к созданию условий для саморазвития личности (П.А. Корчемный [6], И.П. Подласый [15], В.С. Селиванов [18]). При таком подходе предполагается гораздо более высокий уровень профессионализма, связанный с умением постепенно превращать внешнюю детерминацию учебно-воспитательного процесса со стороны преподавателя в самодетерминацию его учеников, сущностью которой является их ценностное и профессиональное самоопределение.

Обучающую функцию преподавателя военного вуза, на наш взгляд, следует рассматривать как оргуправленческую деятельность и как понимание сознания курсанта и организацию понимания. В первом случае задачей является формирование (и развитие) деятельности (и уже внутри этого целого возникают проблемы понимания), во втором случае задачей является развитие сознания воспитанника.

Преподаватель тактики (высшей математики, истории, экономики и пр.), обучающий курсантов, лишь тогда добивается хоть какого-то успеха, когда сам он занят тактическим (математическим, историческим, экономическим и пр.) мышлением, оно интересно ему самому, и он не только преподает тактику, но и «живет в ней», то есть является хотя бы немножко ее фанатиком. В этом случае он представляет и выражает науку и мысль как форму бытия, а не лишь как отдельный специальный предмет. При этом не так важно то, плохо или хорошо, с интересом или без него курсанты относятся к преподавателю и его действиям, как то, что относятся небезразлично, смотрят не сквозь, а на него. Мы поддерживаем мысль Эльконина Б.Д. о том, что «вне опоры на выраженное отношение других вообще никакое произвольное, а тем более описываемое им действие невозможно» [26]. В абсолютной пустоте человек просто не может чувствовать свое действие, не может знать и ощущать, что он вообще что-то делает.

Следовательно, мы считаем, что для формирования педагогом личностных качеств у курсантов немаловажным является «окрашенность» вузовского курса индивидуальностью преподавателя-предметника, при этом содержание любого занятия каждый раз должно выступать научным открытием, передачей курсантской аудитории его внутренней убежденности. В.А. Сухомлинский писал, что «мастер педагогического дела настолько хорошо знает азбуку своей науки, что на уроке, в ходе изучения материала, в центре его внимания не само содержание того, что изучается, а ученики, их умственный труд, их мышление, трудности их умственного труда» [20, 110].

Итак, диалог между преподавателем и курсантом, курсантов друг с другом, группы курсантов и преподавателя призван улучшать усвоение учебного материала, влиять на мотивационную сферу познавательной деятельности учащихся. Благодаря этому для преподавателей высшей военной школы представляет интерес проблема адекватного формирования у курсантов учебной деятельности.

Совместной учебной деятельностью обычно называют акты обмена действиями, операциями, а также вербальными и невербальными сигналами этих действий и операций между преподавателем и учащимися, между самими учащимися в процессе формирования осваиваемой деятельности. Эти акты связаны как с содержанием структурированной деятельности, так и с процедурами взаимодействия между участниками обучения. Безусловный базис совместной деятельности – ее ценностные основания: смыслы и реализующие их цели, которые формируют единое смысловое поле совместного учения.

Изучение совместной деятельности преподавателя и учащихся в ряде экспериментальных исследований [5; 9; 11] позволяет выявить ее общие особенности. Прежде всего совместная деятельность преподавателя и обучаемых предполагает развернутые акты сотрудничества между ними.

Общей особенностью их совместной учебной деятельности является преобразование позиций личности как в отношении к усвоенному содержанию, так и к собственным взаимодействиям, что выражается в изменении смысловых ориентиров, целей учения и самих способов взаимодействия и отношений между участниками обучения. Здесь, мы полагаем, важно подчеркнуть, что для анализа и оценки перестройки позиций личности существенными являются взаимодействия и отношения между позициями личности преподавателя как носителя смыслов профессиональной деятельности и позициями личностей учащихся, но отнюдь не взаимодействие между деятельностью обучающей и деятельностью учебной.

Сообразно с этим профессионально-личностный аспект взаимодействия преподавателя и курсантов, тесно переплетаясь с предметно-содержательной стороной взаимодействия, связанной с регуляцией процесса усвоения деятельности, составляет тот важный канал, по которому осуществляется социальная организация

поведения и личности курсантов, благодаря чему любая учебная ситуация превращается в ситуацию учебно-воспитательную. Личностно-позиционные аспекты учебных взаимодействий в ходе совместной учебной деятельности, а не сами по себе усвоенные курсантами знания, оказывают прямое влияние на их личностное развитие и являются главными носителями объединяющей и воспитывающей функции учебной ситуации.

Осуществление учебной деятельности в качестве совместной и открывающиеся на этом пути перспективы усиления ее развивающей функции определяются объективными факторами, в частности, тем, как структурировано и представлено учащимся содержание усваиваемой деятельности. В этом случае мы встречаемся с непреложностью системной организации целостной учебной ситуации. Если при организации содержания обучения преобладает ориентация на операционно-техническую, а не на смысловую сторону формируемой деятельности, то вся учебная ситуация будет сохранять сугубо адаптивную направленность. В ней не возникает объективная необходимость в многообразии форм сотрудничества педагога с курсантами и самих курсантов друг с другом.

Противоположный тип организации обучения В.Я. Ляудис называет продуктивным [10, 54]. Он обеспечивается иной логикой построения содержания усваиваемой деятельности. Здесь учащиеся с самого начала усвоения новой деятельности становятся в позицию получения социально значимого и культурно полноценного продукта. В этой ситуации учащийся стоит перед объективной необходимостью сотрудничества с преподавателем и с другими учащимися, ориентируясь при этом в первую очередь на смысловую сторону деятельности, а не только на операционно-техническую, ибо задача получения социально значимого продукта сразу вводит его во всю полноту смыслов и значений этой деятельности в культуре. А недостаток операционно-технических умений вызывает к жизни потребность в совместных учебных действиях и заряжает их смыслом для каждого участника обучения. Таким образом, в данном случае мы встречаемся с такой стратегией организации учебного сотрудничества, которая приводит к тому, что «развитие познавательной активности осуществляется не как обучение приемам решения задач, а как воспитание творческого мышления в условиях дидактически организованного диалога и... группового мышления» [12, 16].

Следует отметить, что в рассматриваемом аспекте теоретического анализа учебно-воспитательной деятельности военного педагога, направленной на формирование личностных качеств у курсантов, необходимо выделить проблему выбора им методов организации взаимодействия с ними. Сложность заключается, в частности, в том, что выбор методов обучения обусловлен чрезвычайно большим числом факторов. Ю.К. Бабанский, проведя анализ педагогической литературы, показал, что решение вопроса находится в зависимости от 23 различных показателей. На самом деле невозможно педагогу вести выбор методов, а, следовательно, и разработку всей структуры процесса обучения по 23 факторам. Поэтому Ю.К. Бабанский предлагает педагогам при выборе метода обучения учитывать шесть основных параметров, которые включают в себя все многообразие факторов: закономерности и принципы обучения; цели и задачи обучения; содержание предмета; учебные возможности учащихся; особенности внешних условий; возможности самих педагогов [3, 292-297].

Сообразно с этим овладение определенной «суммой технологий» педагогического мастерства – существенное звено реализации ценностей преподавателя военного вуза. Его мастерство не может ориентироваться на какое-то одно универсальное средство. Развивающие технологии учебно-воспитательного воздействия обращены не только к объекту воздействия (курсанту), но и к субъекту учебно-воспитательного процесса – педагогу, его индивидуальным возможностям и склонностям. Педагог вынужден каждый раз как бы заново строить свои отношения с курсантом, при этом личностный компонент образует своеобразный центр развивающих технологий, а не просто условие их реализации (А.В. Барабанщиков [4], В.М. Гареев [7], Н.Д. Никандров [13], В.П. Феофилова [24]).

Наряду с прямым эффектом обучения в ситуации продуктивной совместной деятельности возникает широкий спектр воспитательных эффектов, на которые указывают ряд исследователей (В.И. Аржаев, Е.М. Дугин, Ю.Д. Подгорных [2], В.Я. Ляудис [10]), учитываемых при оценке эффективности подготовки специалистов. Прежде всего изменяется уровень саморегуляции всей учебной деятельности – появляется самоорганизация целей учения, происходит перестройка и мотивов учения в целом. Это обстоятельство сказывается не только в увеличении интереса к учебным предметам, но и в появлении у учащихся долговременно действующих побуждений к творческой работе, выходящих далеко за пределы собственно учебных ситуаций. Другой воспитательный эффект, подтверждающий значительную роль продуктивной совместной деятельности педагога и учащихся в формировании их личности, состоит в появлении стойких изменений в содержании ценностных ориентаций обучаемых, в формировании у них нравственного самосознания, в осознанном овладении ими нормами и способами коллективной жизни, в появлении многообразных межличностных отношений, создании положительного морально-психологического климата в учебной группе. Таким образом, вклад личности в продуктивную совместную деятельность становится условием ее последующего саморазвития.

Однако не следует упускать из виду то, что преподавательская деятельность специфична. В данном

случае речь идет о том, что для военного педагога быть специалистом в некоторой предметной военно-специальной области – это значит освоить виды деятельности, необходимые для решения военно-специальных задач. А преподавание курсантам требует совершенно другой деятельности: необходимо учитывать психологические особенности курсантов, психологические и дидактические закономерности, с которыми большинство преподавателей знакомо поверхностно. Реальная картина такова, что педагоги, в лучшем случае, знают не одну, а две дисциплины: свой предмет и немного педагогики, часто освоенной самостоятельно. При этом «свой» предмет и педагогика осознаются ими как независимые дисциплины, взаимодействующие при изложении курса как содержание и форма подачи материала учащимся [8, 232]. Следовательно, офицер, осваивающий преподавание в военном вузе, должен освоить вторую профессиональную деятельность – собственно педагогическую, дополняющую уже освоенную им профессиональную деятельность специалиста военно-специального профиля.

Переходя к результативному аспекту методических подходов в оценке эффективности подготовки специалистов в военных учебных заведениях при индивидуализации процессов обучения и воспитания, важно иметь в виду то, что практика учебно-воспитательного взаимодействия преподавателя и курсанта военного вуза должна осуществляться исходя из рассмотрения его как многомерного, многофакторного явления, результаты которого могут быть не только непосредственными, но и опосредованными, не всегда поддающимися даже тонкому педагогическому наблюдению.

Мы исходим из того, что курсант является одним из основных субъектов педагогического процесса. Значимость воспитанника в этом процессе как его участника коренным образом отличается от ролей других субъектов: воспитанник выступает одновременно и как объект воздействий всех других участников педагогического процесса – ради него все они осуществляют свою деятельность, и как субъект процесса, который является активным участником формирования своей личности и, кроме того, активно воздействует на весь процесс воспитания и обучения, оказывает влияние на его изменение.

Курсанты неодинаковы по своим психофизиологическим свойствам, возможностям развития, достигнутому уровню воспитанности. Но для всех них характерна способность к саморазвитию, то есть в надлежащих условиях даже без их собственных усилий и целенаправленных стараний они развиваются. Кроме того, каждый из них, обладая развитым сознанием, способен к самосовершенствованию, то есть способен сознательно прилагать усилия для совершенствования качеств своей личности.

Поскольку ожидаемый результат воспитания и обучения находит свое выражение в изменении, продвижении, развитии курсанта – в развитии его понятий и представлений, его взглядов и убеждений, его ценностных ориентаций, его практических навыков и умений, постольку специфика педагогических целей состоит в том, что они формулируются не в виде действий преподавателя, а с точки зрения результатов деятельности учащегося, с точки зрения эффектов его продвижения и развития в процессе усвоения определенного содержания учебного материала. Преподаватель военного вуза в конечном итоге формирует, развивает и оценивает у курсанта способность к саморазвитию, самовоспитанию, самостоятельному управлению собственной деятельностью, к управлению самим собой как ее субъектом. Совершенно ясно, что такое самоуправление может состояться только в том случае, если у курсанта будет сформирована соответствующая регуляторная ценностная основа его деятельности, а именно:

- 1) ее понятийная основа (формирование знаний и понимания окружающей действительности);
- 2) ее мотивационно-ценностная основа (формирование отношений личности к окружающему миру и другим людям);
- 3) операционная основа (формирование умения действовать с объектами окружающей действительности).

Достижение названных эффектов как раз и определяет исходные целевые и последующие оценочные функции преподавателя военного вуза, вступающего в процесс совместной деятельности с курсантами.

Однако на этом процесс учебно-воспитательного взаимодействия не заканчивается. При характеристике названного процесса необходимо учитывать не только то, что делает военный педагог, но одновременно и то, что делает в этой совместной деятельности курсант. Воспринимая содержание учебного материала, курсант определенным образом к нему относится: он стремится понять то, что изучается; он старается выработать к изучаемому материалу соответствующее ценностное отношение; он пытается овладеть способами работы с данным содержанием.

Поэтому индивидуальное развитие, интеллектуальное, профессиональное и социальное становление курсантов обусловлены совместной деятельностью и возникающими в ней способами взаимодействия. Следовательно, профессионально-личностный аспект взаимодействия преподавателя и курсантов, тесно переплетаясь с предметно-содержательной стороной взаимодействия, связанной с регуляцией процесса усвоения деятельности, составляет тот важный канал, по которому осуществляется социальная организация поведения и личности курсантов, благодаря чему любая учебная ситуация становится ситуацией учебно-воспитательной.

Библиографический список

1. Активные методы обучения: рекомендации по разработке и применению / Е.В. Зарукина, Н.А. Логинова, М.М. Новик. СПб.: СПб ГИЭУ, 2010.
2. Аржаев В.И., Дугин Е.М., Подгорных Ю.Д. Еще раз о проблемах высшей военной школы // Военная мысль. 2000. № 6. С. 35-38.
3. Бабанский Ю.К. Избранные педагогические труды. М.: Педагогика, 1989.
4. Барабанщиков А.В. Проблемное обучение: итоги подведены – проблемы останутся // Вестн. высш. шк. 1985. № 11. С. 16-23.
5. Беренгер А.Т. Специфика учебно-воспитательного процесса на начальном этапе обучения студентов в высшей школе: Автореф. дис... канд. пед. наук. М., 1989.
6. Военная психология и педагогика / Под ред. П.А. Корчемного, Л.Г. Лаптева, В.Г. Михайловского. М.: Совершенство, 1998.
7. Гареев В.М., Шарипов Ф.В. Пути совершенствования методов обучения в условиях перестройки высшего образования // Повышение академической успеваемости студентов путем совершенствования методов обучения: Межвуз. темат. науч. сб. Уфа: УАИ, 1987. С. 4–13.
8. Зинченко В.П., Моргунов Е.Б. Человек развивающийся: очерки российской психологии. – М.: Тривола, 1994.
9. Ляудис В.Я. Инновационное обучение и наука: Науч.-аналитич. обзор. М.: РАН ИНИОН, 1992.
10. Ляудис В.Я. Методика преподавания психологии. М., 2000.
11. Мануйлова Е.И. Формирование конструктивно-проектировочной деятельности педагогов инновационной школы: Автореф. дис... канд. психол. наук. Орел, 1998.
12. Матюшкин А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008.
13. Никандров Н.Д. Об активизации учебной деятельности // Вестн. высш. шк. 1983. № 8. С. 26-31.
14. Педагогика и психология высшей школы / Под ред. Л.Д. Столяренко. Ростов н/Д: Феникс, 2014.
15. Подласый И.П. Педагогика. Новый курс. В 2 кн. Кн. 2. Процесс воспитания. М.: ВЛАДОС, 2005.
16. Поливарова М.Г. Воспитание курсантов: психологический аспект // Военная мысль. 2001. № 6. С. 53-55.
17. Самойлов В.Д. Высшее образование офицеров: проблемы и пути их решения // Военная мысль. 2003. № 5. С. 60-64.
18. Селиванов В.С. Основы общей педагогики: теория и методика воспитания. М.: Академия, 2000.
19. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Академия, 2005.
20. Сухомлинский В.А. О воспитании. М.: Политиздат, 1979.
21. Тихомирова Е. Каким должно быть современное образование? [электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: <http://e-learningcenter.ru>.
22. Ушинский К.Д. Собр. соч. М., 1948. Т. 2.
23. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050200 Психолого-педагогическое образование. М., 2008.
24. Феофилова В.П. Особенности взаимодействия преподавателя и студентов при активном методе обучения: Дис... канд. пед. наук. Л., 1983.
25. Фокин Ю.Г. Преподавание и воспитание в высшей школе: Методология, цели и содержание, творчество. М., 2002.
26. Эльконин Б.Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л.С. Выготского). М.: Тривола, 1994.

S.A. Chernov

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

chernovnsk@mail.ru

**METHODOLOGICAL AND METHODICAL APPROACHES TO EVALUATING
THE EFFECTIVENESS OF TRAINING OF SPECIALISTS IN HIGHER MILITARY SCHOOLS
BY THE INDIVIDUALIZATION OF TRAINING AND EDUCATION**

The article deals with methodological and methodical approaches to the evaluation of the effectiveness of training in higher military schools in the conditions of transition to innovative learning strategies. The core of this transition appears individualization and humanization of the processes of training and education of future officers. The author formulated the initial methodological positions that predetermine approaches to assessing the quality of training at the higher military school: the emergence, system of higher education; the prevalence approach to education not as a purposeful formation of the individual in accordance with the chosen ideal and how to create the conditions for self-development; recognition of the existence of two educational process management strategies in the highest, including the military school, predetermine “different social situation of development of the person”. The transition to innovative education, according to the author, suggests a conscious reorganization of the system of military education, radical restructuring of its objectives, contents, methods and technologies. The author reveals the comparative features of traditional and innovative strategies of learning; discloses procedural and productive aspects that are essential for the definition of methodological approaches to evaluating the effectiveness of practical training in military schools at the individualization of learning and education.

Keywords: military colleges, education, training, innovative teaching, traditional teaching, education, evaluation of the effectiveness of specialist training, management of the educational process, formation of personality.

К 50-летию НВВПОУ – НВВКУ(1967-2017)

УДК 82-94(477)“1941/1945”

О.А. Андрушевич

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

tomas38@rambler.ru

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Данная статья – это краткие воспоминания сына о своем отце – подполковнике Анатолии Ивановиче Андрушевиче, ветеране училища, прекрасном преподавателе, создателе и первом начальнике музея истории НВВПОУ. Все, кто служил или учился в Новосибирском политучилище, хорошо знали и помнят этого человека. После знакомства с настоящими записками личность А.И. Андрушевича раскроется перед читателями с незнакомой стороны, засверкает новыми гранями.

Ключевые слова: А.И. Андрушевич, выпускники училища, курсанты, НВВПОУ, музей истории училища, Новосибирск, отец.

Человеческая память избирательна. А уж детская – тем более. Тем не менее, хорошо помню, как прохладным ранним августовским утром 1967 года на вокзале станции «Сеятель» нас с мамой и старшим братом, приехавших из Бийска, встречал мой папа Андрушевич Анатолий Иванович, прибывший в Новосибирск несколькими месяцами раньше для формирования Новосибирского высшего военно-политического общевойскового училища.

И начались новые новосибирские впечатления: новый дом (пятиэтажный!), новая школа (кирпичная!), новая папина работа... Мне казалось, что отец все время на этой самой работе. Приходил поздно вечером, быстро ужинал и садился что-то писать. Работал он допоздна, в той же комнате, где я спал. Чтобы мне не мешать, он соорудил «светомаскировочное устройство» – картонный колпак на торшер с небольшой прорезью, пропускающей лишь узкую полоску света на поверхность его рабочего стола. Таким я его хорошо помню: родной профиль, подсвеченный неярким светом, склонившийся над разложенными на столе бумагами.

Зато сколько радости было (да простит меня мама), когда она уезжала куда-нибудь в отпуск по путевке. Старший брат к этому времени уже поступил в наше училище, и мы с папой оставались вдвоем. После школы я приходил к нему на работу, мы обедали в офицерской столовой, располагавшейся тогда в первом (и единственном на то время) учебном корпусе, и я с нетерпением ждал возвращения отца со службы. И тогда наступал праздник! Если позволяла погода, мы одевали спортивные костюмы и шли гулять. Сейчас я понимаю, что на таких прогулках, в легкой игровой форме, он приобщал меня к спорту: физкультурные упражнения, небольшие пробежки, отжимания в упоре. Отец сам был разносторонним спортсменом. Сейчас мне кажется, что он был членом абсолютно всех спортивных сборных училища в своей возрастной категории – лыжи, плавание, стрельба, всего не упомнишь.

Ну, а если за окном моросил дождь, отец что-то мастерил дома. Он редко мне что-нибудь подробно объяснял, просто садил рядом, и я следил за его работой. Про таких людей говорят – «у него золотые руки». Мне до сих пор кажется, что Анатолий Иванович умел абсолютно все – будь то ремонт кухонной табуретки или сложный ремонт магнитофона. Он просто не терпел никакой «халтуры», и вещи, побывавшие в его руках, еще долго служили нам после его смерти.

Авторитет отца в семье был непререкаем. Но он всегда находил возможность объяснить, почему в конкретной ситуации нужно поступить именно так, а не иначе. Причем делал это настолько просто и убедительно, что казалось, что это мой самостоятельный выбор, мое решение.

Следующий яркий период воспоминаний об отце – создание музея НВВПОУ. Разговоры в доме – только о музее. Поездки отца в Москву, в ГлавПУР, встреча с тогдашним начальником ГлавПУРа генералом армии А.А. Епишевым, и распирающая отца гордость за родное училище. «Понимаешь, сын,

военных училищ много, – рассказывал он мне, – и у многих училищ есть музеи. Но все военно-политические училища – ровесники. И наш музей будет первым!». Отец не просто жил музеем. Он буквально жил в музее. Рисовал чертежи стендов, турникетов, целых экспозиций, размещал заказы на предприятиях города, и постоянно что-то сам строил, пилил, строгал, красил. Но музей – это не только благоустроенное помещение. Это история училища. И дома, и в гарнизонном офицерском клубе «Звезда», где должен был открыться музей, везде были разложены бесчисленные папки с материалами, экспонаты, фотографии, магнитофонные записи и т. д.

Открытие музея истории училища планировалось приурочить к какой-то памятной дате. Отец очень волновался – успеет ли? Он уже по-настоящему дневал и ночевал на работе. Но все закончилось хорошо. На торжественном открытии музея присутствовали многочисленные гости, в том числе выпускники нашего училища. Все высоко оценили проделанную работу, отметили своевременность и важность этого начинания, и в Книге отзывов появились первые отзывы посетителей.

Я наивно полагал, что теперь папа, к тому времени уже вышедший на пенсию, будет больше времени бывать дома. Но ошибся. Музей за рекордно короткий срок

обрел заслуженную популярность в г. Новосибирске и области. Часто гостями музея были иностранные делегации. Экскурсии шли «сплошным потоком», планировались на много дней вперед. Доброй традицией стал прием в музее октябрят в пионеры. Сначала небольшая экскурсия по музею, затем церемония приема в пионеры, а в заключение ребята оставляли в дар музею пионерский галстук с прикрепленными к нему своими октябрятскими звездочками. Кто знает, может быть именно тогда, там, в музее истории нашего училища, у некоторых мальчишек в новеньких пионерских галстуках впервые появилось желание надолго связать свою жизнь с армией?

После открытия музея Анатолий Иванович по-прежнему, как и ко всему в своей работе, относился очень ответственно к каждому мероприятию, проводимому в музее, готовился к нему, как к серьезному экзамену – с учетом контингента будущих посетителей что-то менял в экспозиции, доставал из «запасников» новые слайды и фотографии.

Кроме прочего, музей стал центром аккумуляции информации о выпускниках училища. В него охотно приходили наши выпускники, рассказывали о себе, интересовались информацией о своих сокурсниках.

Даже когда отец узнал, что неизлечимо болен, он не оставил свое детище, и буквально до своего последнего дня продолжал работать в музее. Иногда сейчас мне кажется, что именно его любимая работа, дело всей его жизни, смогли немного продлить ему жизнь на Земле.

Двадцать лет отдал родному училищу мой отец Андрушевич Анатолий Иванович. С первых дней работы училища в библиотеке работала моя мама Раиса Михайловна. В разное время училище закончили мой старший брат Валерий и я. Верю, что добрая память об Анатолии Ивановиче Андрушевиче сохранится в училище на долгие годы.

O.A. Andrushevich

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

tomas38@rambler.ru

WORD ON THE FATHER

This article is a brief recollection of the son on his father – Lieutenant Colonel Anatoly Andrushevich, veteran of military school, an excellent teacher, founder and first chief of the museum of history of NVVPOU. All those who served or studied in Novosibirsk political military school knew well and remembered him. After becoming acquainted with these notes the identity of A.I. Andrushevich revealed to readers with unfamiliar side shine with new faces.

Keywords: A.I. Andrushevich, military school graduates, cadets, NVVPOU, military school history museum, Novosibirsk, father.

УДК 355.231.3

В.А. Бочаров

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

gumproblemy@gmail.com

НАШЕ УЧИЛИЩЕ НАЧИНАЛОСЬ ТАК...

Настоящая статья – это воспоминания ветерана училища, выпускника 1971 года, полковника в отставке В.И. Бочарова о первых месяцах существования училища и судьбах однокашников. Именно в то время закладывались мировоззренческие, нравственные, педагогические основы одного из лучших и авторитетных военных вузов страны.

Ключевые слова: Академгородок, микрорайон «Щ», вступительные экзамены, курсанты, НВВПОУ, Новосибирск, Омск, В.Г. Зибарев, Б.Н. Волков.

Весна 1967 года. По рекомендации военного комиссара я оформил документы для поступления в одно из вновь создаваемых военно-политических училищ. Мой выбор пал на Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. Оно формировалось тогда с 18 мая по 25 августа в соответствии с требованиями приказа Министра обороны СССР, директивы Генерального штаба и приказа командующего войсками Сибирского военного округа. Позже нам стало известно, что к 1 июня были развернуты управление, ряд кафедр и основные службы тыла. Этот день и стал днем рождения нового военно-учебного заведения. Но предстояло еще осуществить первый набор курсантов. Перспективы военной службы, да и сама поездка в Сибирь наполнили мою обыденную жизнь каким-то особым романтическим смыслом. Разговоров на эту тему было немало. И вот уже поезд мчит меня из европейской части Советского Союза на восток, в загадочную Сибирь, но... в город Омск. Так было оформлено предписание. Я и мои товарищи Владимир Калашников и Петр Феклисов недоумевали: произошла ошибка или сыграла шутку ирония судьбы? В учебном центре знаменитого на всю страну Омского ВВКУ «Карьер» сомнения развеялись: мы прибыли по назначению. Поскольку база Новосибирского училища еще не была готова к приему значительного количества абитуриентов, то набор решено было провести у соседей. Более того, интригу вносило известие, что само училище располагается в научном центре, в Новосибирском Академгородке, и будущим счастливицам-курсантам предстоит приобщиться к этому оазису науки и культуры своеобразной «Сибирской Швейцарии». Мудрое решение руководства провести вступительные экзамены в два потока, разделив военнослужащих и гражданскую молодежь, позволило рационально использовать первых в организации лагерного сбора, а также в подготовке учебно-казарменного фонда училища.

«Карьер» познакомил многих прибывших абитуриентов с армией. Здесь нас встретили первые командиры, которые приложили немало сил и старания, чтобы превратить нашу юношескую мечту в реальную, нужную для общества и государства жизнь. Среди них были прежде всего первый командир батальона подполковник И.П. Черных, командир роты капитан А.М. Переладов, будущие наши преподаватели подполковники А.И. Андрушевич, А.А. Шарифутдинов, майор Н.Т. Климович и человек, от которого нередко зависел результат нашего поступления в училище, а впоследствии ставший источником ярких и веселых курсантских баек, начальник медицинской службы майор И.Ф. Жук. Вот и вся немногочисленная когорта офицерского десанта вновь формируемого военного училища, которая решала сложную задачу поздно объявленного первого набора. В этом деле они опирались на достаточно подготовленный и зрелый сержантский состав. Старшина В. Рыков, старший сержант А. Лопатин, сержанты А. Пашинский, А. Упыренко и другие стали их надежными помощниками, а для нас абитуриентов – первыми армейскими наставниками. Не все прошли элементарные трудности лагерного сбора, но очевидно одно: «Карьер» мы запомнили на всю жизнь! Здесь мы ощущали себя не как соперники в борьбе за право стать курсантом, а в большей степени как сотоварищи. Отбор был принципиальным не столько по показателям вступительных экзаменов, сколько по потенциальным возможностям, склонностям и задаткам кандидатов, отраженным в характеристиках и проявленным в период короткого лагерного сбора. И здесь главную роль играли первые лица нового вуза: начальник училища полковник Василий Георгиевич Зибарев и начальник политотдела полковник Борис Николаевич Волков. Опытные офицеры-политработники, фронтовики-орденоносцы, мудрые воспитатели и наставники – они более других осознавали всю ответственность и сложность выполнения порученного дела. Поэтому в основу работы по осуществлению набора курсантов на всех его этапах был положен индивидуальный подход. Итоговым актом становилась персональная встреча и конкретная беседа руководителей с каждым кандидатом, что

оставляло незабываемый след в сознании молодого человека. Если это был мотивированный отказ, то он не давал повода для обиды, положительный результат являлся отеческим напутствием на трудную военную службу, своеобразной стратегической программой, к чему большинство из нас отнеслось со всей серьезностью. Короткое пребывание в «Карьере» завершилось для многих желаемым зачислением, сопровождаемым азартными спортивными состязаниями и веселым концертом вчерашних абитуриентов. Так мы стали первыми курсантами нашего училища. Интересна характеристика первого набора: 73 % принятой молодежи имели опыт трудовой деятельности и службы в войсках до 3-х лет, 72 % абитуриентов окончили среднюю школу с хорошими и отличными показателями, 79 % были детьми военнослужащих, почти каждый – сыном участников Великой Отечественной войны, 90 % принятых военнослужащих являлись отличниками боевой и политической подготовки, классными специалистами. Некоторые уже тогда имели государственные награды (Л. Бондарьков, Б. Кишиев, В. Максимов и др.). Средний возраст на момент поступления в училище составлял 20-21 год, отдельные были женаты и даже имели детей. Но в то время это нам ни о чем не говорило – обыкновенная статистика. Лишь прошедшие годы обнажили качество того состава первокурсников. По оценкам многих офицеров, преподавателей и технического персонала первый набор был уникален. «Это были зрелые ребята, способные решать любые задачи без особого разъяснения, – отмечает поистине заслуженный ветеран училища, заведующая кафедрой общенаучных дисциплин в 60-80-х годах, проработавшая здесь почти 45 лет, кандидат педагогических наук, доцент Соболева Калерия Борисовна. – На них можно было положиться во всем. Но особенно они отличались желанием учиться, постигать неизвестное, претворять свои планы в жизни». Такую лестную оценку мы услышали намного позже, когда появилась возможность сравнить нас с последующими наборами. А в августе 67-го первое удачно пройденное испытание следовало еще закрепить. Поступление в училище юридически откладывалось до объявления соответствующего приказа, который полагалось издать после передислокации новобранцев в Новосибирск...

Вечерний Академгородок того времени, особенно микрорайон «Щ», первоначально вызывал у нас противоречивое чувство. Нам запомнилось немного: деревянный домик с понятной, но странной вывеской «ст. Сеятель», овраг, через который мы пробирались строем и почти единственная улица Солнечногорская (ныне ул. Иванова) с десятком одно и двухэтажных брусчатых домов, изредка стоявших на ее противоположных сторонах. Жилая зона по правой стороне заканчивалась лыжной базой и конечной остановкой автобуса № 109 (на территории современной школы № 190). Поневолу вспоминалось предостережение пессимистов о том, что «там (в Новосибирске) еще по ночам медведи по улицам бродят». Окончание левой стороны улицы было, по сути, городским, и это нас несколько взбодрило. Здесь находились благоустроенный по тем временам корпус и четыре пятиэтажных панельных дома. К нашему величайшему удовлетворению лучшее из увиденного и являлось нашим училищем, расквартированным в здании физико-математической школы-интерната Сибирского отделения Академии наук СССР (сейчас учебный корпус № 1).

Учебный корпус №1. В этом здании первоначально располагалось практически все училище

Преимущества такого решения мы ощутили сразу. Здесь располагались практически все элементы вуза: штаб и основные службы, кафедры и учебные аудитории, спальные помещения курсантских подразделений и батальона обеспечения учебного процесса с их незамысловатой армейской инфраструктурой, спортивный зал, клуб, караульное помещение, даже столовая и некоторые склады. А перед фасадом здания еще не было «вековых» елей.

Особенностью нашего вузовского расположения являлось отсутствие в обычном понимании казарменного фонда и элементарного ограждения как воинской части. Спальные помещения были изолированными и компактными, емкостью от отделения до взвода, что сразу делало их уютными.

Здесь же находились встроенные шкафы, используемые для учебных принадлежностей, в некоторых имелись балконы. Буквально в считанных метрах располагались оборудованные по такому же принципу классы. Паркетные полы, комфортные туалетные комнаты, достаточное количество кранов-фонтанчиков с питьевой водой – все это как бы подчеркивало необходимость их бережного, рачительного использования в интересах нашей учебы

и жизни. Многие из нас, особенно из числа военнослужащих, знакомых с привычным армейским бытом, тогда просто «обалдели». Поэтому учебное заведение оставалось необычным, от него веяло духом внешнего и внутреннего демократизма. Естественно, размещение рядом руководства, преподавательского состава настраивало на поддержание безукоризненного внутреннего порядка. Сейчас процесс натирки паркетных полов мастикой можно увидеть лишь в редких кинофильмах, а тогда это было ежедневным будничным занятием суточного наряда. Но это было потом...

Прибывших из Омска первокурсников разместили в отведенных спальнях помещений левого крыла здания поротно: 1-я рота (командир роты капитан А.Л. Кулик) расположилась на первом этаже, соответственно на втором – 2-я рота (командир роты капитан В.И. Шихов), на третьем – 3-я рота (командир роты капитан А.М. Переладов). Затем был организован незамысловатый ужин. После полевой столовой в «Карьере» курсантская столовая на нас произвела впечатление ресторана (некоторые даже не представляли, что это такое). Столики, накрытые на четыре персоны, белоснежные скатерти и салфетки, столовые приборы, вежливые официантки – все это у многих тогда породило трезвую мысль: «здесь из нас действительно намерены сделать хороших специалистов, в крайнем случае воспитанных людей». Затем мы приняли душ, расположенный в подвальном помещении, и получили наконец-то военное обмундирование с

Спальное помещение одного из курсантских подразделений (1967 г.)

1 сентября 1967 г. Митинг, посвященный началу первого учебного года

заветными курсантскими погонями. Время на его подготовку отводилось минимальное, так как вскоре после вечерней поверки прозвучала команда «Отбой!». Чистая постель мгновенно поглотила молодых ребят, для большинства из которых эта ночь показалась самой короткой. По-моему спать пришлось несколько минут, а в 7 часов утра команда дневального: «Подъем!» прервала этот удивительный сон-сказку. Начиналась совершенно новая, не менее интересная страница нашей жизни...

Пройдут четыре года напряженной учебы, и к государственным экзаменам будет допущено 100 % личного состава наших курсантов – 283 человека. 74 из них получат дипломы с отличием, а трое

(старшина Н.М. Дегаев, курсант Н.И. Конюхов, сержант В.Н. Якунин) – дипломы с отличием и золотые медали.

Время неумолимо идет вперед, отсчитывая десятки лет. Вот уже подходит 50-летие родного училища. Среди нас теперь есть генералы и ученые, общественные деятели и журналисты, представители самых различных гражданских специальностей, этим первый выпуск почти не отличается от последующих. Но мы с гордостью и достоинством констатируем факт: мы были в числе первых, кому выпала честь утверждать авторитет и славу молодого военно-учебного заведения.

V.A. Bocharov

Novosibirsk Higher Military Command School

Novosibirsk

gumproblemy@gmail.com

OUR MILITARY SCHOOL STARTED SO...

This article is the memories of veteran of military school, graduated in 1971, retired colonel V.I. Bocharov, on the first months of the existence of the military school and the fate of classmates. It was at that time laid the philosophical, moral and pedagogical foundations of one of the best and most prestigious military school of our country.

Keywords: Akademgorodok, region "TSCH", entrance examination, cadets, NVVPOU, Novosibirsk, Omsk, V.G. Zibarev, B.N. Volkov.

УДК 355.231.3

А.И. Гурский, В.Ю. Балабушевич, В.А. Бочаров, А.К. Конопацкий

Новосибирское высшее военное командное училище

г. Новосибирск

angur@ngs.ru

vbalab@yandex.ru

ОН СТАЛ ДЛЯ НАС ВО ВСЕМ ПРИМЕРОМ

Статья посвящена предстоящему пятидесятилетию Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища (НВВПОУ), ныне Новосибирского высшего военного командного училища (НВВКУ). Авторы раскрывают многогранную деятельность первого начальника НВВПОУ Василия Георгиевича Зибарева в период формирования и становления нового военно-учебного заведения (1967-1973 гг.). Высокие личностные качества В.Г. Зибарева, его талант командира и педагога во многом способствовали решению всего комплекса сложнейших проблем, связанных с организацией жизни училища. Министром обороны на формирование училища на новой и не имеющей соответствующей инфраструктуры территории отводился крайне сжатый срок: с 18 мая по 25 августа 1967 г. Благодаря самоотверженному и слаженному труду всего коллектива училища во главе с В.Г. Зибаревым 1 сентября 1967 г. начались плановые учебные занятия с курсантами первого курса. К выполнению возложенной на него миссии В.Г. Зибарев подошел, имея большой жизненный и военно-профессиональный (в том числе и фронтовой) опыт. В статье на конкретных примерах показано плодотворное влияние личности начальника училища на судьбы людей, соприкасавшихся с ним. Его педагогические идеи не потеряли актуальности и в наши дни. Василий Георгиевич Зибарев продолжает оставаться для всех, кто работал с ним, служил под его началом, образцом офицера, военного руководителя, высшим моральным авторитетом.

Ключевые слова: Академгородок, В.Г. Зибарев, М.А. Лаврентьев, высшая военная школа, курсанты, НВВПОУ, офицеры, традиции, учебно-воспитательный процесс.

В 2017 г. будет отмечаться пятидесятилетие Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища (НВВПОУ), созданного в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 21 января 1967 г. «О мерах по улучшению партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте». Сегодня – это Новосибирское высшее военное командное училище (НВВКУ), являющееся одним из ведущих военных вузов страны и осуществляющее подготовку

офицеров для разведывательных и мотострелковых подразделений Сухопутных войск российской армии.

В преддверии юбилея нельзя не вспомнить о человеке, стоявшем у истоков училища, его «отце-основателе» и легендарном первом начальнике – генерал-майоре Василии Георгиевиче Зибареве. Это имя и сегодня заставляет учащено биться сердца убежденных седиными выпускников училища, прошедших через войны и суровые испытания. Василий Георгиевич продолжает оставаться для них образцом офицера, военного руководителя, высшим моральным авторитетом, человеком с «большой буквы».

Считается, что в жизни каждого человека есть свой «звездный час», когда он имеет возможность в полной мере реализовать себя, совершить что-то очень важное и нужное для других людей. Таким «звездным часом» для Василия Георгиевича Зибарева стало формирование Новосибирского политехнического училища и руководство им в сложный период становления нового военно-учебного заведения. Приведем его собственные слова: «Для меня лично... годы становления и развития Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища, а также годы дальнейшей работы по подготовке и воспитанию офицеров-политработников представляют лучшие годы моей деятельности...» [4, 22].

К выполнению возложенной на него миссии он подошел, имея большой жизненный и военно-профессиональный опыт.

В.Г. Зибарев родился 20 апреля 1918 г. в с. Михайловка Мамлютского района Североказахстанской области в семье крестьянина. Отец – Зибарев Георгий Ульянович в рядах Красной Армии сражался с колчаковцами, пропал без вести в 1919 г. Мать, Зибарева Ульяна Степановна, умерла в 1957 г.

После пяти классов начальной школы В.Г. Зибарев поступил и в 1937 г. окончил техникум механизации сельского хозяйства, получив квалификацию «техник-механик по тракторам и автомобилям». В течение года работал механиком по комбайнам на МТС. Однако время было беспокойное, над страной собирались военные тучи и гражданская карьера Василия Георгиевича оборвалась. В ноябре 1938 г. он был призван Троицким РВК Челябинской области в ряды Красной Армии.

Военную службу В.Г. Зибарев начал в должности заместителя командира ремонтного взвода парковой роты. С ноября 1939 г. по июль 1941 г. находился на комсомольской работе (секретарь комсомольского бюро отдельного танкового батальона и отдельного танкового полка). В последующем – политрук роты, в мае 1942 г. был назначен на должность помощника начальника политотдела танковой бригады по работе среди комсомольцев. С момента призыва и по ноябрь 1943 г. военная служба В.Г. Зибарева проходила на Дальнем Востоке.

В период с ноября 1943 г. по август 1944 г. Василий Георгиевич учился на Высших Всеармейских военно-политических курсах Главного Политического Управления РККА при ВПА им. В.И. Ленина. После завершения учебы убыл в распоряжение Политического Управления 1-го Белорусского фронта. Участвовал в боях по освобождению Польши и на территории Германии в должности заместителя командира танкового батальона по политической части, а во время штурма Берлина в должности командира танкового батальона.

В 1949 г. В.Г. Зибарев заочно окончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. Дальнейшую службу он проходил на различных военно-политических должностях (от пропагандиста политотдела дивизии до первого заместителя начальника политотдела армии). С должности первого заместителя начальника политотдела 14-й армии Одесского военного округа он и вступил в командование формирующимся Новосибирским высшим военно-политическим общевоинским училищем.

*Первый начальник училища
генерал-майор Василий Георгиевич Зибарев.
Таким он запомнился многим офицерам
и курсантам училища.*

К этому времени полковник Василий Георгиевич Зибарев был полон сил, энергии, творческих замыслов и надежд на будущее. Задача создания нового военно-учебного заведения целиком захватила его, увлекла своим масштабом, возможностью реализовать свои силы и опыт.

«С чувством приятного волнения вспоминаю 1967 год, когда мне было доверено возглавить Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище... – вспоминает В.Г. Зибарев. – И это волнение вполне объяснимо, так любое начало работы на новом месте и в новой должности всегда трудно» [4, 16].

На формирование принципиально нового военного вуза на новой и не имеющей соответствующей инфраструктуры территории приказом министра обороны отводился крайне сжатый срок: 100 дней (с 18 мая по 25 августа 1967 г.).

18 мая 1967 г полковник В.Г. Зибарев издает приказ № 1 по Новосибирскому высшему военно-политическому общевойсковому училищу, в котором объявляет о том, что «приступил к формированию училища и исполнению должности начальника училища» [6, 14]. В кратчайшие сроки необходимо было подобрать и расставить преподавательский состав, командиров, политработников, провести набор курсантов, сформировать подразделения обеспечения учебного процесса, создать необходимую учебную базу, получить боевую технику, вооружение, подготовить учебные и жилые помещения. И все задачи были решены качественно и в установленные руководством Министерства обороны сроки. 1 сентября 1967 г. училище приступило к занятиям. Трудно переоценить роль, которую сыграл В.Г. Зибарев в эти первые, самые трудные месяцы существования нового военно-учебного заведения.

Все, знавшие Василия Георгиевича, отмечали его мощный интеллект, аналитический склад ума, способность к рациональному мышлению, умению выделять главное, видеть перспективу, критически оценивать достигнутое. Всю жизнь Василий Георгиевич учился, работал над собой, полагая, что это неотъемлемая сторона деятельности военного профессионала. Он досконально изучал любую ситуацию, требующую его вмешательства, и решения всегда принимал со знанием дела.

Столкнувшись с совершенно новой для него проблемой формирования училища и «запуска» механизма его жизнедеятельности, Василий Георгиевич не ограничился изучением соответствующих документов. Он самым внимательным образом ознакомился с организацией учебного процесса и жизни Омского общевойскового командного училища, подмечая ее сильные и слабые стороны. «Проектируя» будущее училище, В.Г. Зибарев предложил нестандартные подходы к решению многих педагогических проблем.

Новосибирское политучилище в каком-то смысле опередило свое время. Так, например, в нем достаточно четко просматривалась тенденция переноса акцента с обучения на учение и самообразование. Научить человека учиться, самостоятельно находить необходимые ему знания, формировать у себя необходимые для высокоэффективной профессиональной деятельности качества – эта сверхзадача успешно решалась в условиях активного взаимодействия командиров, педагогов и курсантов училища.

А.Г. Зибарев из принципиальных соображений отказывался от возведения забора, отделяющего училище от городской территории. Он справедливо полагал, что от дурных намерений будущих офицеров должны удерживать не заборы, а твердые идейные и нравственные убеждения. Границы училища были определены приказом, и за их пределами курсанты считались находящимися в самовольной отлучке. Бывший курсант училища А.К. Конопацкий вспоминает об одной курьезной ситуации, связанной с этим обстоятельством. В августе 1969 г. для поступления в училище прибыл один из выпускников Орджоникидзевского СВУ. Отсутствие забора буквально шокировало бывшего суворовца. При беседе с начальником училища он заявил: «Товарищ генерал-майор! У нас в Орджоникидзе четырехметровый забор не мог нас удержать. А здесь его вообще нет. А я так не могу...». «У нас все строится на сознательности и идейности. Спасибо за честное признание. И если так, поезжайте туда, где есть забор вокруг училища, если он вам так необходим, и жить без него вы не можете. Мы вас не держим» – с этими словами Василий Георгиевич отпустил незадачливого претендента на звание курсанта.

Некоторые ветераны училища утверждают, что в первое время существования училища было просто не до возведения заборов – слишком велик был объем решаемых задач. Но если даже дело обстояло именно таким образом, то вызывает восхищение то, как А.Г. Зибарев обыграл эту ситуацию в педагогическом плане. Отсутствие забора превратилось в мощный фактор воспитания курсантов, формирования чувства гордости за свое училище.

Решение о создании военно-политического училища в Академгородке вызвало неоднозначную реакцию со стороны представителей научного сообщества. Значительная часть «академгородковцев» восприняла этот факт весьма благосклонно, тем более, что многие ученые, инженерно-технические работники были фронтовиками, прошли через военную службу, были связаны с научными

исследованиями по оборонной тематике. Авторитет армии в то время был достаточно высок. Но были и такие, кто искренне возмущался «вторжением» военных в «храм науки», активно транслировал негативное отношение к офицерам и курсантам училища. Все было очень непросто в том далеком 1967 г.

Однако Василий Георгиевич Зибарев сумел переломить ситуацию. Ему удалось установить хорошие деловые и личные контакты с руководством Сибирского отделения Академии наук СССР в лице академика М.А. Лаврентьева и его заместителей, директорами академических институтов, ведущими учеными, местными советскими и партийными органами. Училище заняло достойное место в Академгородке и стало его неотъемлемой частью. Едва-ли в 70-80 гг. прошлого века можно было найти пример более тесного взаимодействия между военным училищем и академической наукой. Неслучайно в любимой курсантами училищной песне появились строки:

*«Не забудем мы годы курсантские
И тебя, Академгородок!»*

Постоянное общение офицеров и курсантов училища с учеными, преподавателями и студентами университета, их вовлеченность в научную, культурную и спортивную жизнь Академгородка и Новосибирска не могли не сказаться на облике выпускников НВВПОУ. По справедливому замечанию одного из них, полковника И.В. Трофимова, питомцев училища отличала «ненавязчивая, но заметная с первого взгляда интеллигентность» [10, 21].

Связи Василия Георгиевича Зибарева с миром науки оказались очень прочными. Уже после увольнения из рядов Вооруженных Сил в апреле 1979 г. он более десяти лет проработал начальником отдела – уполномоченным СО АН СССР в г. Москве, а затем старшим инспектором Совета по координации научной деятельности Академий наук союзных республик при Президиуме АН СССР. Это свидетельство высокой оценки интеллекта В.Г. Зибарева, его государственного мышления.

В бытность начальником училища Василия Георгиевича неоднократно спрашивали, почему он при наличии столь блестящих способностей не пишет кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию. В ответ он обычно отшучивался. Конечно, В.Г. Зибарев мог добиться многого на научном поприще. Но рискнем предположить, что Василий Георгиевич не мог позволить себе отвлечься от своего главного детища – созданного им училища.

В.Г. Зибарев сумел сплотить вокруг себя коллектив училища. Рядом с ним мы видим целую когорту единомышленников. В дни празднования 20-летия училища первый его начальник писал: «Вспоминая годы становления училища, мне хочется также выразить сердечную признательность тем, кто вместе со мной закладывал основы научно-педагогического воинского коллектива, опытным командирам и политработникам, которые не жалели сил и времени для оперативного, своевременного и качественного решения поставленных перед училищем задач: Б.Н. Волкову, А.Г. Демакову, И.П. Черных, Р.И. Абаеву, педагогам – В.П. Измайлову, Н.И. Киряшову, Б.В. Корниенко, Н.В. Солнцеву, Ф.Ф. Лопатникову, Е.В. Абрамову, Ю.И. Калетнику, И.П. Киселеву и многим другим» [4, 17].

Не секрет, что многие руководители не любят видеть рядом с собой умных и талантливых людей. Василий Георгиевич принципиально шел по другому пути. Во многом благодаря его усилиям училище пополнялось талантливыми командирами и преподавателями. В 1977 г. в родное училище после окончания военно-педагогического факультета ВПА им. В.И. Ленина в качестве преподавателей вернулись бывшие курсанты легендарного первого набора – А.С. Подольский, Г.В. Долгачев, В.П. Ляшенко. Это было поистине знаковое событие для всего коллектива. А всего, по подсчетам В.А. Бочарова, в училище в разное время проходили службу 19 офицеров первого выпуска. Получив войсковой опыт и академическое образование, они вернулись в родное училище, как возвращаются домой после долгой разлуки.

Не всё, конечно, в подборе кадров зависело от В.Г. Зибарева. Иногда кадровые органы направляли для прохождения службы в училище офицеров, не имевших должных знаний, опыта, не склонных к педагогической деятельности. Василий Георгиевич требовал очень внимательного отношения к этой категории лиц. Он давал возможность вновь прибывшим офицерам «врасти» в должность, попробовать себя на педагогическом поприще, овладеть педагогическим мастерством. Но если начальник училища убеждался в том, что тот или иной офицер непригоден для работы в военном вузе, не разделяет ценностей его коллектива, то решительно расставался с ним.

Оставляя за собой решение стратегических вопросов функционирования и развития училища, В.Г. Зибарев умело распределял обязанности и полномочия между подчиненными. Им всячески поощрялись инициатива, творчество, вдохновение, новаторство командиров, политработников, педагогов. Каждый, кто трудился «с внутренним огоньком», мог рассчитывать на одобрение и поддержку со стороны начальника училища.

Василий Георгиевич Зибарев на всем протяжении своего нахождения у руля училища оставался его настоящим «хозяином» – мудрым, рачительным, предусмотрительным, ответственным.

Работать рядом с В.Г. Зибаревым было непросто, но очень интересно и исключительно поучительно. Будучи профессионалом высочайшего класса, обладая высокой общей и методологической культурой, он многому мог научить. И, действительно, под влиянием его могучей личности люди росли в духовном и профессиональном плане очень быстро.

Василий Георгиевич Зибарев отличался не только высоким уровнем интеллекта, но и сильной волей. Волевые качества военного руководителя имеют исключительное значение, но не сами по себе, а в тесной связи с его умом, мышлением. «Умовое» и «волевое» начала (термины М.И. Драгомирова) самым удивительным образом, диалектически сочетались в личности Василия Георгиевича.

В.Г. Зибарев как руководитель проявлял высокую требовательность и к самому себе, и к подчиненным. Он не терпел расхлябанности, внутренней несобранности, недисциплинированности, зная из фронтового опыта, к каким печальным последствиям все это приводит.

Так, приказом начальника училища была отчислена за опоздание из каникулярного отпуска без уважительных причин на несколько часов группа курсантов (преимущественно суворовцев). И это не эмоциональная реакция на происшедшее, а обдуманная, отрефлексированная позиция.

Показательна реакция В.Г. Зибарева на конфликт, имевший место в 1973 г. между группой курсантов училища и группой молодежи города. Сам конфликт был незначителен, но вызвал большой общественный резонанс. Василий Георгиевич полагал, что такое поведение принципиально несовместимо с моральным обликом будущего офицера-политработника и репутацией самого училища. Состоялось выездное открытое судебное заседание военного трибунала. Виновники понесли наказание, а присутствующие получили поучительный урок на будущее.

Первому начальнику новосибирского училища была совершенно чужда живучая, к глубокому сожалению, формула: «Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак». Требовательность никогда не выливалась у Василия Георгиевича в оскорбления, «разносы» подчиненных, крикливость, перекалывание ответственности на подчиненных. Спокойствие, выдержка, корректность, стремление всегда действовать в интересах дела, готовность взять на себя ответственность – все это черты фирменного «зибаревского» стиля руководства.

В течение всей своей жизни В.Г. Зибарев был очень щепетилен в вопросах чести. Обладая развитым чувством собственного достоинства, В.Г. Зибарев никогда не позволял унижать достоинство другого человека, тем более подчиненного. Он полагал, что если командир, политработник не уважает самого себя, если ему глубоко чуждо понятие чести, то трудно ожидать от подобного руководителя уважения к своим подчиненным. От таких горе-начальников следует избавляться со всей решительностью. Это твердое убеждение Василий Георгиевич вынес еще с фронта. Многие ошибки и просчеты он мог простить подчиненным, но только не подлость, ложь, бесчестное отношение к подчиненным и порученному делу. Не зря люди, хорошо знавшие Василия Георгиевича, подчеркивали его военный аристократизм!

Встречая в училище старших начальников, гостей, многочисленные делегации, Василий Георгиевич всегда выступал в роли радушного хозяина, но никогда не опускался до примитивной лести, подбострастия, заискивания, обмана. Он был прекрасным дипломатом, но если требовали интересы дела, то не стеснялся перед самыми высокими начальниками ставить острые, принципиальные, подчас весьма неудобные для них вопросы. При этом соображения личного характера отходили на второй план.

Приведем в подтверждение высоких нравственных качеств В.Г. Зибарева один эпизод из его жизни. В августе 1973 г. генерал-майор В.Г. Зибарев был назначен начальником политотдела ВПА им. В.И. Ленина. Общеизвестно, как непросто складывались отношения между ним и начальником академии генералом армии Е.Е. Мальцевым. На новом месте службы творческий потенциал В.Г. Зибарева оказался фактически невостребованным. Все, знавшие Василия Георгиевича, ожидали его дальнейшего роста по службе, высоких званий, но не сложилось... Более того, в апреле 1979 г. он был уволен в запас и далеко не последнюю роль в этом сыграл именно Е.Е. Мальцев. Однако, когда оппоненту В.Г. Зибарева предстояло отправиться в последний путь, Василий Георгиевич, несмотря на все происшедшее между ними, сам, без всяких приглашений встал в почетном карауле у гроба усопшего. Такой неординарный поступок вызвал со стороны окружающих, знавших об этой непростой ситуации, различную реакцию: кто-то недоумевал, но большинство восхищалось тактом, благородством и великодушием Василия Георгиевича Зибарева. Поступить иначе он просто не мог!

Как руководитель большого воинского коллектива В.Г. Зибарев придерживался четкой ориентации на всемерную индивидуализацию процесса обучения и воспитания. Приведем его размышления по этому поводу: «Придерживаясь принципа «с вниманием к человеку опаздывать нельзя», командно-преподавательский состав серьезное место отводил индивидуальной работе с

подчиненными. Мы требовали от офицеров, чтобы они оперативно разрешали все возникающие у курсантов вопросы в пределах своих прав, не допуская того, чтобы эти вопросы становились острой проблемой для курсанта» [4, 20].

Многие выпускники и ветераны училища с глубокой признательностью вспоминают участие начальника училища в их судьбе.

Очень внимательно и ответственно относился В.Г. Зибарев к подбору курсантов из числа абитуриентов как при первом, так и при последующих наборах. Об этом хорошо написал ветеран училища, один из первых выпускников полковник В.А. Бочаров: «Отбор в училище был принципиальным не столько по показателям вступительных экзаменов, сколько по потенциальным возможностям, склонностям и задаткам кандидатов, отраженным в характеристиках и проявленным в период короткого лагерного сбора. И здесь главную роль играли первые лица нового военного вуза – начальник училища полковник Василий Георгиевич Зибарев и начальник политотдела полковник Борис Николаевич Волков. Опытные офицеры-политработники, фронтовики-орденоносцы, мудрые воспитатели и наставники они более других осознавали всю ответственность и сложность выполнения порученного дела. Поэтому в основу работы по осуществлению набора курсантов на всех его этапах был положен индивидуальный подход. Итоговым актом становилась персональная встреча и конкретная беседа руководителя с каждым кандидатом, что оставляло незабываемый след в сознании молодого человека. Если это был мотивированный отказ, то он не давал повода для обиды, положительный результат – являлся отеческим напутствием на трудную военную службу, своеобразной стратегической программой, к чему большинство из нас отнеслось со всей серьезностью» [1, 176-177].

Уделяя большое внимание правильности речи и четкости дикции будущих политработников, Василий Георгиевич в случае каких-либо сомнений (многие претенденты на курсантские погоны на собеседовании «робели» перед начальством, говорили невнятно, заикались) предлагал абитуриенту прочитать вслух отрывок газетного текста. Выпускники училища, не сумевшие справиться с волнением на мандатной комиссии, помнят этот простой и в то же время эффективный прием проверки их способностей, в итоге решивший их судьбу, и благодарны за это лично Василию Георгиевичу.

Любой руководитель, работающий с людьми, неизбежно испытывает определенные разочарования – ведь далеко не каждый подчиненный оправдывает возлагаемые на него надежды. Были такие моменты и в деятельности генерала В.Г. Зибарева. Но при этом он всегда верил в людей, доверял людям, стремился видеть в них хорошее, опираться на их положительные качества.

Размышляя о времени становления училища, его первый начальник писал: «Конечно, в первые годы жизни и деятельности училища мы переживали большие трудности, свойственные периоду становления... Случались на нашем пути и мрачные дни, когда совершались происшествия отдельными людьми, но они не могли затмить, перечеркнуть той огромной, активной, вдохновенной, согласованной работы командования, политотдела, учебного отдела и всего коллектива с его складывающимся почерком, стилем, характеризующимся дружбой и сплоченностью, что постепенно приобретало характер традиции» [4, 21].

В отношениях с людьми Василий Георгиевич проявлял достойное всяческого уважения и даже восхищения великодушие и жизненную мудрость. Ему были совершенно чужды любые проявления мизантропии, бюрократического чванства, высокомерия.

Вспоминается случай с курсантом А.Е. Лукьяновым, выпускником Уссурийского СВУ, спортсменом-борцом. Уже будучи третьекурсником, он разочаровался в своем выборе, написал по этому поводу пространную теоретическую работу и представил ее на суд начальству. Василий Георгиевич попросил преподавателей кафедры философии дать заключение по данному «труду». Вот как позже он сам рассказывал об этом эпизоде: «Преподаватели философии прочли его работу и сказали, что он хочет уйти из училища. Ну, если хочет, мы решили не держать его, отпустить. И он ушел на гражданку».

Следует отметить, что в дальнейшем А.Е. Лукьянов закончил МГУ, стал доктором философских наук, профессором, ведущим специалистом в области китайской философии и одновременно сотрудником академического исследовательского института.

Этот случай заслуживает особого внимания. Дело в том, что в советское время за «отсев» курсантов из военных училищ строго спрашивало вышестоящее начальство. С медиков – за отчисление по состоянию здоровья (куда смотрели при наборе?), а непосредственно с командования – за все остальные случаи (как набирали курсантов и как с ними работали?). Многие начальники училищ стремились всеми правдами и неправдами «дотянуть» до выпуска как можно большее количество обучающихся, а дальше – «хоть трава не расти!» В этой связи необходимо по достоинству оценить решение В.Г. Зибарева «отпустить» почти готового офицера в гражданскую жизнь. Оно было продиктовано заботой как о будущем молодого человека (ему предоставлялась возможность найти свое

настоящее место в жизни), так и интересами дела (армии нужны офицеры, любящие свою профессию и преданные ей).

Как опытный, много повидавший и испытывавший военный руководитель. В.Г. Зибарев уделял большое внимание сохранению здоровья курсантов.

Когда осенью 1969 г. курсанты 3-го батальона, вселившиеся в только что построенную казарму, пожаловались на холод в помещениях, он сам прошел по этажам, все внимательно осмотрел. Тут же дал распоряжение выделить необходимые материалы и провести тщательные работы по утеплению и заклеивке окон. Действительно, после доброкачественной работы в казарме стало намного теплее и уютней, и этот вопрос больше не возникал.

В марте 1970 г. командир одного из курсантских батальонов решил провести батальонное учение в окрестностях Академгородка. Наметив ротам разные маршруты движения, он после обеда поднял по тревоге весь батальон, и на плацу поставил ротам задачи на марш с последующим отражением атаки «противника». С полной выкладкой, на лыжах, на ночь глядя, несмотря на крепчавший мороз и усиливающийся ветер роты двинулись вперед по непролазной снежной целине, заносам и сугробам. Сам комбат разъезжал на гусеничном транспортёре и подгонял подчиненных. В конечном счете управление батальоном было практически потеряно, в наступившей кромешной тьме достижение поставленных целей учения стало проблематичным. Была дана команда на возвращение личного состава в училище. Внешне оно было настолько беспорядочно и хаотично, что более напоминало паническое бегство Наполеона из России в 1812 г. Курсанты шли группами и поодиночке, несли оружие товарищей, вели и поддерживали ослабевших, выбившихся из сил. А следы «похода» в виде брошенных, поломанных лыж и лыжных палок еще долго напоминали о произошедшем.

Узнав о масштабном мероприятии комбата, проводившемся без санкции руководства училища, Василий Георгиевич неожиданно появился в расположении батальона. Когда среди спящих, полураздетых, потных и взъерошенных курсантов появился генерал, ему подали команду «Смирно!». Ошалевший от такого внезапного визита старшина одной из рот попытался доложить начальнику училища о состоянии дел. Василий Георгиевич жестом остановил его: «Вольно, вольно, продолжайте. Проверьте, чтобы вернулись все. Сдать оружие, срочно на ужин и отдохнуть!» (время ужина уже давно прошло).

Среди курсантов распространился слух со ссылкой на очевидцев, что при встрече с самим комбатом генерал был в таком гневе, в каком его никогда прежде не видели. Он резко отчитал незадачливого организатора «учения» за безответственное отношение к организации мероприятия и сурово предупредил, что если хоть с одним курсантом что-то случится, кто-то не вернется, то ему больше не быть майором. К всеобщему удовольствию обошлось: вернулись все...

Ну, а если отвлечься от курсантского восприятия ситуации, то следует сказать, что В.Г. Зибарев после этого случая провел огромную работу с целью поднять ответственность руководителей всех рангов за качественную подготовку занятий в поле и на боевой технике.

Еще один пример человеческой, отцовской реакции генерала В.Г. Зибарева на ту или иную ситуацию в жизни коллектива училища связан с реализацией легендарного лозунга «Сибиряк – значит лыжник!». Перед каждым курсантом ставилась задача за зиму набегать «500 сибирских километров». Решению этой задачи посвящались не только занятия по физической подготовке и основные спортивно-массовые мероприятия в выходные и праздничные дни, но и свободное время курсантов. Зимняя сессия традиционно заканчивалась зачетом по физической подготовке (десять километров на лыжах в военной форме одежды). И от выполнения норматива зависела возможность поездки курсанта в двухнедельный каникулярный отпуск. Конец января 1971 г. выдался холодным: ночью температура опускалась ниже -30°C , а днем столбик термометра застыл на отметке -25°C . В очень сжатые сроки все училище должно было сдать лыжные нормативы. Первым на дистанцию вышли первокурсники. И когда В.Г. Зибареву доложили, что в одной из рот несколько курсантов обморозились на лыжной трассе, он отдал приказ немедленно прекратить зачет. Всех курсантов было приказано отправить в отпуск, а зачет перенести на более теплое время. Что и было исполнено.

Рядовому курсанту не так уж часто выпадала возможность встретиться с начальником училища и, тем более, поговорить с ним. Наверное, именно поэтому так запомнились выпускникам эти встречи, слова, обращенные непосредственно к каждому из них.

О чем же говорил генерал В.Г. Зибарев с будущими офицерами, что стремился вложить в их сердца? Прежде всего, речь шла о любви к своей Родине, народу, о долге и чести советского офицера, о выбранной ими профессии «Родину защищать».

Василий Георгиевич Зибарев был коммунистом в самом высоком смысле этого слова. Сегодня, когда прошло более двадцати лет с момента гибели СССР, можно сказать, что далеко не все члены КПСС были настоящими коммунистами, и не все настоящие коммунисты состояли в коммунистической партии. Василий Георгиевич был и остается сознательным сторонником

коммунистической идеи, свой мировоззренческий выбор он совершил самостоятельно, обдуманно и никогда не сожалел об этом. Быть коммунистом означало для него трудиться не покладая рук на благо своего народа, во имя прекрасного будущего своей страны, готовность пожертвовать собой во имя общего блага. Василий Георгиевич Зибарев – советский человек, носитель высоких ценностей советской цивилизации. Его отличало ярко выраженное государственное мышление, высокая степень ответственности за результаты своей деятельности.

Начальник училища использовал любые встречи и контакты с курсантами, чтобы настроить их на эффективную учебу, изучение опыта Великой Отечественной войны, освоение опыта армейской жизни. Простые, понятные слова, идущие от сердца к сердцу, имели огромное воздействие на курсантов. Так, напутствуя курсантов перед войсковой стажировкой, Василий Георгиевич предостерегал их от двух ошибок. Он призывал курсантов никогда не выходить неподготовленными к подчиненным при проведении занятий. Также рекомендовалось воздерживаться от огульной критики тех недостатков, с которыми курсанты могли встретиться в войсках. Не следует ставить под сомнение то положительное, что сделано на местах, этим можно обидеть людей, отдающих себя службе. Критика должна быть обоснованной, доброжелательной, и право на нее следует заслужить собственным самоотверженным ратным трудом.

Генерал-майор В.Г. Зибарев среди курсантов на полевом занятии.

Уже после своей отставки Василий Георгиевич неоднократно приезжал в созданное им училище в качестве почетного гостя и по-отечески напутствовал новые поколения курсантов. «Товарищи курсанты! – говорил он. – Учитесь, пока у вас есть такая возможность. В дальнейшем, в процессе армейской службы у вас ее может не быть. Поэтому учитесь сейчас и как можно лучше. Для этого у вас есть все возможности». Мысль В.Г. Зибарева предельно ясна: военный человек обречен учиться, совершенствовать свое профессиональное мастерство всю жизнь, именно так и поступал всегда сам Василий Георгиевич. Но основы общей, методологической, профессиональной культуры будущего офицера закладываются именно в училище. Курсантские годы – это, прежде всего, работа «над собой», «над своим будущим». Процитированное нами выше обращение В.Г. Зибарева к курсантам получило в курсантской среде неофициальное название «завет Зибарева».

По существу, и будучи не у дел, Василий Георгиевич не только сохраняет интерес к жизни и делам училища, но и беспокоится о судьбе его ветеранов и будущих выпускников.

Как относился к личности В.Г. Зибарева коллектив училища?

Абсолютное большинство командиров, политработников, преподавателей очень высоко оценивали его профессионализм и личностные качества. Приведем точку зрения двух офицеров – ветеранов, служивших в училище еще в «зибаревскую эпоху» – В.Г. Донина (кафедра тактики, а затем огневой подготовки) и Н.Г. Варакуты (кафедра физической подготовки): «В.Г. Зибарев – это образец ума, благородства, величия, достоинства, словом, настоящий командир, политработник, педагог. Так мы считали в те времена, когда служили под его началом и в наши дни эта оценка остается неизменной». Такая предельно ясная и четкая позиция была высказана ветеранами в беседе с одним из авторов настоящей статьи.

Выпускниками «зибаревских» наборов на вопрос «Как Вы, будучи курсантом училища, воспринимали его начальника?» чаще всего давался ответ: «умный и строгий», «справедливый и заботливый». Это очень высокая оценка, которую заслужить начальнику у своих подчиненных очень и очень непросто!

Позднее, уже в офицерские годы, приходило понимание масштабности и уникальности личности В.Г. Зибарева. Бывший заместитель командира взвода одного из взводов 3 роты курсантов первого набора, а впоследствии преподаватель училища полковник А.С. Подольский следующим образом сформулировал свое отношение к личности Василия Георгиевича: «В.Г. Зибарев был и остается для меня эталоном военного человека, военного профессионала». Трудно, по-видимому, найти

выпускника НВВПОУ, который бы не согласился с этой емкой оценкой. Неслучайно ветеран училища И.И. Наливайко свою публикацию о В.Г. Зибареве емко назвал «Слово об учителе» [7].

Курсанты первых наборов очень тепло, с гордостью за училище и его начальника восприняли факт присвоения полковнику В.Г. Зибареву генеральского звания. А Василий Георгиевич, с присущей ему скромностью и порядочностью, не преминул отметить, что вручение генеральских погон – это высокая оценка не только его персональных заслуг, но и самоотверженного труда всего коллектива училища.

Буквально все, кто работал, служил и учился в период, когда училищем командовал В.Г. Зибарев, с душевной теплотой и благодарностью вспоминали и вспоминают то время. Выпускники училища, ставшие слушателями ВПА имени В.И. Ленина, всегда приглашали его на встречи курсантов-новосибирцев на Красной площади, отдавая дань уважения его заслугам. А когда в одной из центральных военных газет появилась статья, носившая явно заказной характер и содержащая клеветнические измышления о деятельности В.Г. Зибарева, в редакцию поступило огромное количество писем, авторы которых выражали свое возмущение и протест по этому поводу. Негодование по поводу пасквиля выразили хорошо знавшие Василия Георгиевича сослуживцы, выпускники училища не только первых, но и последующих выпусков, учившихся уже в «постзибаревские» времена, но знавших и слышавших о нем. Эта реакция была показателем того, насколько сильным, благотворным, положительным было влияние неординарной личности Василия Георгиевича, насколько высок был его авторитет среди знавших его людей.

За свою самоотверженную, подвижническую деятельность на благо Родины и Вооруженных Сил генерал-майор Василий Георгиевич Зибарев удостоен многих боевых и трудовых наград. Он кавалер орденов Красного Знамени, Отечественной войны I и II степеней, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медали «За боевые заслуги» и еще тридцати советских, российских и зарубежных наград [6, 15].

Но лучшая награда для Василия Георгиевича – это выпестованное им училище и его питомцы.

Оглядываясь назад и размышляя о прожитом, судьбах родного училища, его выпускников и, видимо, подводя своего рода жизненные итоги, он писал в 2012 г.:

«Время показало, что создание военно-политических училищ было правильным решением. Офицеры-политработники играли цементирующую роль в сплочении воинских коллективов, укреплении дисциплины и совершенствовании уровня боевой готовности подразделений, частей и соединений Вооруженных Сил. Среди выпускников-новосибирцев тысячи орденосцев, 25 Героев Советского Союза и России [в настоящее время – уже 26 – прим. ред.]. Многие наши товарищи сложили свои головы, защищая территориальную целостность и интересы государства.

Несказанно горд за наше родное училище. Пусть не все выпускники стали полковниками и генералами. Но все состоялись как личности, и мне ни за кого не стыдно» [5].

После августовских событий 1991 г., распада СССР и изменения вектора общественно-политического развития страны отпала необходимость в подготовке военно-политических кадров для Вооруженных Сил. Но история прославленного военно-учебного заведения не завершилась. Училище было переведено на командный профиль и продолжило подготовку офицерских кадров теперь уже для Вооруженных Сил Российской Федерации.

Из семи училищ, созданных в 1967 г. для подготовки офицеров-политработников, лишь новосибирское училище сохранилось сегодня «в строю» как Новосибирское высшее военное командное училище. И в том, что училище выжило в неимоверно трудных условиях есть и значительная заслуга лично Василия Георгиевича Зибарева – такой огромный запас энергии, интеллекта, самоотверженности, прочности был заложен им в фундамент здания училища; такие высокие стандарты жизни и деятельности коллектива училища были заданы полвека назад.

Военно-педагогический проект В.Г. Зибарева доказал свою жизнеспособность. Мощный импульс, связанный с деятельностью В.Г. Зибарева, обеспечил поступательное развитие училища на несколько десятилетий вперед. Ведь военно-учебное заведение – это не только и не столько казармы, лаборатории, полигоны, тренажеры (хотя без всего этого не обойтись), но в первую очередь – верность славным традициям, состояние духа и сплоченность его коллектива, вера в свое предназначение. Это и есть то, что сумели сохранить и пронести через годы испытаний ученики и последователи генерал-майора В.Г. Зибарева.

Искренняя благодарность Вам, Василий Георгиевич, за все сделанное Вами!

Мы не склонны идеализировать Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище: у него были и свои проблемы, подчас весьма острые. Однако положительный опыт, наработанный его коллективом, та система обучения и воспитания будущих офицеров, которая сложилась и эффективно функционировала в училище почти четверть века (ее по праву можно назвать

«педагогической системой Зибарева»), не должны быть потеряны для российского военного образования.

«Нет пророка в своем отечестве» – эта истина невольно вспоминается, когда мы знакомимся с очередной «порцией» идей горе-реформаторов российской высшей школы. Их деятельность сводится, как правило, к некритическому заимствованию западных (прежде всего американских) концепций, моделей и технологий образования, их механическому переносу на российскую почву. При этом часто игнорируются богатейшие традиции национальной высшей школы, ее высокий академизм, универсализм, ориентация на всестороннее и гармоничное развитие личности. Размытой оказалась сама система ценностей в образовательной сфере, зачастую воспроизводятся негативные образцы образовательной деятельности. Сегодня, к сожалению, мы теряем уникальные учебные заведения, чьи выпускники традиционно составляли военную элиту государства.

И в этом плане хотелось бы выразить уверенность, что история Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища (НВВПОУ) и деятельность его первого начальника – генерал-майора Василия Георгиевича Зибарева станут объектами пристального внимания со стороны военных историков и педагогов.

Библиографический список

1. Бочаров В.А. Наше училище начиналось так... (мемуары бывшего курсанта) // Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт). Военно-исторический очерк. Новосибирск: ООО Типография «Полиада.про», 2012. С. 176-178.
2. Гурский А.А., Балабушевич В.Ю. Военно-политические училища в системе отечественного военного образования // Сборник материалов военно-исторической конференции «Подготовка офицерских кадров в НВВКУ: история, современность, перспективы» 27 апреля 2012 г. Новосибирск: филиал ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», 2012. С. 44-54.
3. Гурский А.И., Конопацкий А.К. Мы были третьими. Лирические воспоминания о третьем наборе курсантов НВВПОУ, преподавателях и командирах (1969-1973 гг.) // Сборник материалов военно-исторической конференции «Подготовка офицерских кадров в НВВКУ: история, современность, перспективы» 27 апреля 2012 г. Новосибирск: филиал ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», 2012. С. 34-44.
4. Зибарев В.Г. Год 1967-й, начало... // Наследники комиссаров. Сборник статей и очерков к 20-летию Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища имени 60-летия Великого Октября (1967-1987 гг.). Новосибирск: НВВПОУ, 1987. С. 16-23.
5. Зибарев В.Г. Не мы выбираем время – время выбирает нас // Новосибирское братство – 45 лет (1967-2012 гг.) (Очерки живой истории) / Московская ассоциация выпускников Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища. М.: Издательство, 2012. С. 3.
6. Зибарев В.Г., Ершов Г.П. Новосибирское высшее военно-политическое общевоинское училище. Историческая справка // Новосибирское братство – 45 лет (1967-2012 гг.) (Очерки живой истории) / Московская ассоциация выпускников Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища. – М.: Издательство, 2012. С. 12-35.
7. Наливайко И.И. Слово об учителе // Новосибирское братство – 45 лет (1967-2012 гг.) (Очерки живой истории) / Московская ассоциация выпускников Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища. М.: Издательство, 2012. С. 42-44.
8. Панченко А.М. Историческая справка // Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт). Военно-исторический очерк. Новосибирск: Изд. «Art-Avenue, 2007. С. 11-35.
9. Свилин С.Ю. Наша история 1967-2012 // Новосибирское высшее военное командное училище (военный институт). Военно-исторический очерк. Новосибирск: ООО Типография «Полиада.про», 2012. С. 7-25.
10. Трофимов И.В. Выпускники училища – носители героических и духовных традиций // Сборник материалов военно-исторической конференции «Подготовка офицерских кадров в НВВКУ: история, современность, перспективы» 27 апреля 2012 г. Новосибирск: филиал ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ», 2012. С. 19-23.

A.I. Gurskiy, V.Y. Balabushevich, V.A. Bocharov, A.K. Konopatsky

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

*angur@ngs.ru
vbalab@yandex.ru*

HE BECAME FOR US AN EXAMPLE

The article is devoted to the upcoming fiftieth anniversary of the Novosibirsk Highest Military-Political All-Arms School (NVVPOU), now the Novosibirsk Highest Military Command School (NVVKU). The authors reveal the

multifaceted activities of the first chief of NVVPOU V.G. Zibarev during the formation and establishment of a new military school (1967–1973 years). The personality of V.G. Zibarev, his talent of commander and teacher in many ways contributed to the solution of the whole complex of the most difficult problems associated with the organization of military school life. Defence Minister on the formation of the military school in the new and not having appropriate infrastructure area was allocated a very short time: from May 18 to August 25, 1967 thanks to the dedicated and well-coordinated work of the whole team in the military school, led by V.G.Zibarev. September 1, 1967 began the planned training sessions with the cadets of the first course. To fulfill its mission, V.G. Zibarev came up with a great life and a professional military (including the front) experience. In the article on the specific examples it is shown his fruitful influence as a chief of military school on the fate of people who were in contact with him. His pedagogical ideas have not lost its relevance today. V.G. Zibarev remains for all of us who worked with him, who served with him, the example of officer, the military leader, the supreme moral authority.

Keywords: Akademgorodok, V.G. Zibarev, M.A. Lavrentiev, highest military school cadets, NVVPOU officers, traditions, educational process.

УДК 355.231.3

А.В. Пепеляев

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

avp1910@yandex.ru

**ВРЕМЯ И МЫ
(ЗАРИСОВКИ КУРСАНТА 21 РОТЫ 1983-1987 гг.)**

Полковник А.В. Пепеляев, выпускник НВВПОУ 1987 г. знакомит читателей в форме кратких зарисовок с жизнью 21 роты курсантов, рассказывает о курсантских буднях, о своих товарищах по взводу и роте, о командирах, политработниках и преподавателях. Автор стремится донести до нас неповторимую духовную атмосферу, царившую в училище в то время.

Ключевые слова: НВВПОУ, выпускники, курсанты, командиры, политработники, преподаватели, традиции, Афганистан.

Мы поступили в Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище имени 60-летия Великого Октября в августе 1983 г. Нас было примерно 780 человек, составивших два батальона 3-х ротного состава, 6 курсантских рот (13, 16, 17 роты 4-го батальона и 19, 20, 21 роты 5-го батальона). В то время командиром нашего – 5-го батальона был полковник Владимир Иванович Донцов, которого в 1985 г. сменил подполковник Николай Михайлович Бакулин.

1 сентября 1983 г. для нас началось сначала обыденно – торжественный митинг, посвященный началу учебного года, первые занятия, в общем, ничего необычного. После обеда почувствовалось какое-то напряжение. Нас собрали по ротам на политинформацию и сообщили, что в небе над Дальним Востоком вблизи острова Сахалин советские истребители ПВО после двукратного нарушения границы сбили южнокорейский самолет, выполнявший разведывательный полет над территорией СССР. Речь политинформатора, а это был один из преподавателей училища, была тревожной, в духе того времени. Шла «холодная война» и мы впервые почувствовали себя ее непосредственными участниками. Хотя по причине своего малолетства особенно над многими вопросами не задумывались, у нас в то время были другие заботы.

«Главное – выжить», под таким девизом проходил в училище первый курс. А выжить в условиях требований, которые предъявляли к нам командиры, было непросто. Хорошо помню еще один момент 1 сентября 1983 г. Командир роты майор Торопцев Н.Н. перед первыми занятиями произнес напутственную речь. Он сказал нам, что в мотострелковой роте по штату должно быть 110 человек и он сделает все, чтобы 21 рота стала такой по численности. Нас же было около 130. Подсчитать лишних было несложно. Командира роты за время нашей совместной службы все уже узнали. Сомнений в том, что он не шутит, у нас не было. Все притихли и насторожились. Жертвой быть никто не хотел. С таким напутствием, взбодренные и одушевленные мы начали свой первый учебный год.

В памяти первый курс в училище сливается в нечто единое, продолжающееся, трудное. Ежедневные утренние зарядки, масса полевых занятий в любую погоду, уборка территории, наряды по училищу, караулы, стрельбы, вождения, занятия на технике, занятия по различным гуманитарным предметам, короче – скучать не приходилось. При этом шло притирание друг к другу, становление

коллектива, и это становление шло через проверку поступками. Все как в обычном воинском коллективе. Ситуация до боли знакомая всем выпускникам училища. Первый курс. Зима. Полевой выход. Наше отделение – дозорное, мы топаем впереди роты по глубокому снегу. У вчерашних школьников силенок еще маловато, идти уже невозможно, и тогда на помощь приходят друзья. Как сейчас видится Сергей Черкасов, который тащит на себе три автомата и двигается по снегу как трактор, помогая другим. И посматривает, у кого бы взять еще что-нибудь тяжелое. Так формировалась дружба. Может поэтому до сих пор так дороги друзья юности, с которыми вместе преодолели все трудности.

Шла к концу, как теперь принято говорить, «эпоха застоя». Прошло меньше года со дня смерти Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева, у власти находился его преемник К.У. Черненко, а затем – Ю.В. Андропов. Застоя как такового мы, курсанты, не ощущали, в училище на нашем уровне его не было. Зато работал хорошо отлаженный конвейер по производству замполитов рот. Причем политработников не кабинетных, а таких, которые рвались в бой. Тогда уже в полную силу шла война в Афганистане, в которой с первых дней участвовали наши выпускники. Мы ощущали войну не из газет. В училище постоянно приезжали выпускники: боевые, обстрелянные, многие с наградами. Для нас, тогда еще мальчишек, они были настоящими образцами для подражания. С фотографий учебных корпусов, музея, штаба на нас смотрели герои, награжденные боевыми орденами – Н. Шорников, А. Демаков, М. Довбий, В. Захаров, В. Захарян, В. Лебедев, В. Силуянов, Л. Стеринич, А. Казаков и другие. Надо сказать, что агитация и пропаганда были поставлены в училище на высочайший уровень.

Все традиции были с боевой направленностью. Так, в комнате хранения оружия 13 роты находился автомат имени А. Демакова, право стрелять из него предоставлялось лучшим огневицам подразделения.

«Если отдых – то активный, если праздник – то спортивный». Это про наше училище в те годы. Очень сильны мы были в лыжной подготовке. Неслучайно на третьем курсе нашему курсу доверили выступать на первенстве округа и Вооруженных Сил в лыжном марш-броске на 20 км со стрельбой, где мы завоевали первое место. У нашего батальона была традиция – 1 января проводить соревнования по лыжам среди учебных групп на приз «Рванный сапог». Этого «почетного трофея» удостаивалась самая слабая команда батальона.

Особое место в подготовке курсантов отводилось тактике и тактико-специальным дисциплинам, огневой подготовке. Качество тактической подготовки наших выпускников в те годы оценивалось очень высоко. Основное внимание уделялось изучению тактики действий мотострелковой и парашютно-десантной рот. В Афганистане наши выпускники успешно выполняли боевые задачи, часто действуя в качестве командиров. Знания и навыки в управлении подразделениями, полученные в ходе занятий в классах и на полигоне, становились основой успеха при действиях на марше, в охране, разведке и рейдовых действиях. Большой вклад в этот высокий уровень подготовки наших выпускников внесли преподаватели: В.Ф. Максимов, В.С. Прищепа, А.В. Чернов, А.П. Казанцев, В.П. Чиликин, А.И. Хрыкин, А.П. Денисенко, А.С. Гаврилов, Е.П. Бажан, Д.С. Еникеев, Н.Ф. Костюков и другие.

Для абсолютного большинства курсантов Афганистан не был чем-то страшным, как теперь любят представлять в кино. Наоборот, многие курсанты боялись, что не успеют на войну. Помню сентябрь 1983 г., идем пешим маршем на полигон, хлещет дождь, холодно, мысль одна – скорее бы все кончилось. Вадим Турчанов тащит ротный пулемет ПКМ. Зачем, непонятно, ведь можно было взять автомат и не мучиться. Все просто – тренировка себя, своей воли, для того, чтобы было легче на войне. Впоследствии это помогло Вадиму в горах Афганистана. И таких, как он, было много. Кто-то мечтал об Афганистане, кто-то грезил десантом, морской пехотой. К слову сказать, на войну наш выпуск успел, он был последним, направившим лейтенантов в Республику Афганистан. И Вадим Турчанов, а также другие курсанты нашей роты: Иржи Одоев, Игорь Колпаков, Игорь Лобода, Сергей Калмык, Андрей Галкин, Сергей Обищенко успели проявить себя в боях. Пусть простят меня те выпускники роты, имен которых я не назвал, а также курсанты других рот нашего выпуска, с честью выполнившие свой воинский долг в Афганистане.

А еще был Чернобыль, где довелось ликвидировать последствия взрыва атомной станции Александру Пустовому, Закавказье и Северный Кавказ, проверившие на крепость Николая Лепунова, Михаила Сакулина, Николая Сильченко, Михаила Рудь, Виктора Ильченко, Олега Тарана, Олега Еманова, Михаила Саламатина, Игоря Губаря и других курсантов нашей роты.

Такое количество незаурядных, талантливых людей, собранных судьбой в одном месте, я не видел больше нигде и никогда. Сейчас понимаешь, что училище в те годы впитывало в себя самую лучшую часть нашей молодежи. Поэты, художники, музыканты, танцоры, спортсмены. Люди, наделенные природой и умом, и физической силой, и добротой, и порядочностью. Таких курсантов было большинство. Помню, как зачарованно мы слушали выпускника 1984 г. Леонида Молчанова (впоследствии награжденного в Афганистане орденом), написавшего поэму «Звездный час»,

посвященную Герою Советского Союза Александру Демакову. Или выступления вокально-инструментальных групп «Горение», «Поколение», ансамбля народных инструментов «Коробейники». Много было среди нас талантов, а, по словам преподавателей, еще сильнее были курсанты, окончившие училище лет на 7-10 раньше нас. Перечень золотых медалистов тех лет это подтверждает.

Кстати, для того, чтобы получить тогда золотую медаль, надо было быть настоящим универсалом, очень сильным во всех вопросах. Такими были выпускники 1987 г., заслужившие золотые медали: А. Богдан, А. Пичкур, В. Ковтун, М. Исмагилов, Р. Мухамедшин. В нашей роте медаль не получил никто. Хотя достойных претендентов, имевших в дипломе только отличные оценки, было немало: Дмитрий Скуратов (в будущем полковник милиции), Петр Гапонов (будущий командир бригады и заместитель главы одного из районов Московской области), Игорь Колпаков (будущий федеральный судья), Андрей Беляев (будущий военный дипломат) и другие.

Годы учебы в училище не были для нас легкими. Порой приходилось тяжело и физически, и психологически. Мы очищали от снежных заносов узловую станцию «Инская» и территорию местной дивизии, участвовали в работах на метромосте Новосибирского метрополитена, заготавливали картофель для училища. Нам было трудно на учениях, когда после многокилометрового пешего марша ты уже видишь конечную точку маршрута, а дойти до нее не можешь. Сил нет, но мы все идем и идем, идем и идем, как верблюды через пустыню. И наконец, привал, а заснуть не получается, так как от майской земли тянет холодом и надо вставать и придумать что-то для нормального отдыха. Или зимний выход и постоянно мокрые валенки, которые никак не желают сохнуть от печки-буржуйки.

Сейчас трудно в такое поверить, но после трудного зимнего полевого выхода на третьем курсе мы, вернувшись в казарму и едва сняв обмундирование, сидели и пели всей ротой песни Александра Розенбаума. Никогда больше не довелось испытывать такого единения десятков таких разных и таких одинаковых людей. Училище работало как конвейер, но не в худшем значении этого слова, а как отлаженная хорошо отрегулированная машина по производству продукции со знаком качества. Этот знак качества в войсках так и назывался «Новосибирское политическое».

Нас готовили как универсалов военного дела. С одной стороны – сильнейшая боевая подготовка (например, на тактическую подготовку отводилось времени больше, чем в командных училищах), с другой стороны – глубокое изучение гуманитарных дисциплин: истории, философии, истории литературы, психологии и педагогики, политэкономии, научного коммунизма, истории международного коммунистического и рабочего движения, международных отношений и внешней политики, партийно-политической работы, других дисциплин. Культпоходы в театры, поездка в Шушенское (место сибирской ссылки В.И. Ленина), занятия по эстетике в картинной галерее, посещение Бердского радиозавода и многое другое, влияющее на наше мировоззрение. Мы много читали: как учебную литературу, так и художественную, публицистику, которая с началом перестройки в 1986 г. становилась все острее.

С приходом на пост Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева началась новая эпоха в жизни Советского Союза, как теперь говорят – «перестройка». Одной из ощутимых черт того времени было развитие гласности. На занятиях преподавателям все чаще стали задавать неудобные вопросы, с юношеским задором, но без агрессии, отстаивали на семинарах понравившуюся точку зрения. Сами преподаватели стали более открытыми в своих высказываниях, старались разяснить нам свою позицию. Пройдет пара лет и в войсках нам придется самим вести диалог с представителями Закавказья, Прибалтики, других республик.

За высокие показатели в учебе, образцовое выполнение служебных обязанностей, примерную воинскую дисциплину и активное участие в общественной работе.

Начальник училища
генерал-майор Ю. ШИРИНСКИЙ
1986 год

Автор статьи бережно хранит в своем архиве драгоценную реликвию – личную фотографию, снятую при развернутом Боевом знамени училища, которой он был награжден в 1986 г. начальником НВВПОУ генерал-майором Ю.А. Ширинским

Общество изменялось на глазах, но центробежные силы еще не набрали своей разрушительной силы. Выпускались мы в достаточно спокойном 1987 г. Еще не было кооперативов, видеосалонов, бандитских группировок, волнений в национальных республиках, вывода советских войск из Германии, Чехии, Венгрии, Польши. Все это будет еще впереди. Мы выпускались, еще не зная, что через 4-5 лет с развалом Советского Союза из армии уйдет больше половины наших ребят.

Мы очень любили наше училище тогда, благодарны ему за ту подготовку, тот стержень, что был нам здесь дан, за тех друзей, что здесь приобрели. К сожалению, нет уже в живых бывших курсантов 21 роты: нашего старшины – Владимира Молотковца, заместителя командира взвода Сергея Черкасова, Артура Игликова, Сергея Бажана, Игоря Лободы, Семена Кузнецова, Валерия Гладилина. Нет командира взвода Олега Юрьевича Архангельского. Они рано ушли из жизни. Но всегда остаются в нашей памяти.

Становление наше, и как военных, и как политработников, шло не очень-то легко. Однако благодаря опыту преподавателей, командиров и политработников мы постепенно преодолевали трудности военной жизни. Сейчас, вспоминая своих педагогов, не сговариваясь, курсанты нашей роты назовут преподавателя тактики подполковника А.П. Казанцева, преподавателя партийно-политической работы полковника В.М. Маркова, преподавателя психологии и педагогики подполковника Полевого, преподавателя истории подполковника Владимира Шевелева. И, конечно, наших командиров и политработников – Николая Михайловича Бакулина, Николая Шагитовича Закиева, Николая Николаевича Торопцева, Валерия Михайловича Сорокина, Олега Юрьевича Архангельского, Александра Владимировича Митюкова, Алексея Юрьевича Ощепкова, подполковника Богданова и других.

Преподаватели, командиры... Щедрые душой, бесконечно терпеливые, высококвалифицированные педагоги, воспитатели. Вы учили мужеству, честности, подлинному профессионализму, любви к Родине, воспитывали коммунистическую убежденность, интернационализм. Вы прививали навыки и умения организаторов воспитательной работы. Каждый из вас в отдельности и все вместе воспитали из нас настоящих офицеров. Спасибо вам за все!

A.V. Pepeliaev

*Novosibirsk Higher Military Command School
Novosibirsk*

*vbalab@yandex.ru
angur@ngs.ru*

TIME AND WE (SKETCHES BY CADETS IN 1983-1987)

Colonel A.V. Pepeliaev, graduate of NVVPOU in 1987, introduces in the form of brief sketches on life of cadets of 21st company, on everyday life of cadets, on his comrades in the platoon and company, on commanders, political workers and teachers. The author tries to convey an unique spiritual atmosphere of the military school at this time.

Keywords: NVVPOU, graduates, cadets, commanders, political workers, teachers, traditions, Afghanistan.

А.Н. Шилов

г. Екатеринбург

angur@ngs.ru

ВСПОМНИТЬ ВСЕ!

Данная статья представляет собой краткие записки А.Н. Шилова, полковника в отставке, участника боевых действий в Республике Афганистан, ветерана училища, выпускника 1973 года. Автор тепло, с юмором и ностальгией вспоминает далекие курсантские годы, своих командиров и однокашников, различные случаи из курсантской юности. Как и в настоящей жизни, в воспоминаниях ветерана соседствуют героическое и комическое, грустное и смешное. Знакомство с материалами, представленными А.Н. Шиловым, поможет читателям погрузиться в атмосферу тех лет, когда училище переживало период своего становления.

Ключевые слова: Академгородок, абитуриенты, Военная Присяга, курсанты, НВВПОУ, офицеры, преподаватели, спорт, учебный процесс.

Абитуриенты

Учебный, а в первые годы и административный корпус училища, находился на окраине Академгородка. Чистый, уютный, светлый и просторный, он казался нам идеальным местом для учебы. Это здание было построено для одаренных детей, учеников физико-математической школы (ФМШ) при Новосибирском государственном университете. Нам оно досталось в наследство почти новым. Из него даже не выветрился запах и атмосфера престижной школы.

Палаточный городок абитуриентов располагался с тыльной стороны столовой. Это был настоящий полевой лагерь со шлагбаумом, грибочками дневальных и полевыми телефонными аппаратами. Утром подъем, зарядка, завтрак. Затем подготовка к экзаменам или сами экзамены. Готовились, как правило, группами по 2-3 человека, которые складывались стихийно из соседей по палатке. Несмотря на то, что народ собрался разношерстный, атмосфера сохранялась в целом дружелюбной. Всем нам было по 17-19 лет. Все казалось новым, необычным, увлекательным. Мы не чувствовали себя врагами, не толкались локтями, не устраивали друг другу «подлянок». Мы вели честную борьбу за приз. А призом была курсантская форма, учеба в этом престижном для нас военном вузе и лейтенантские погоны на финише.

Преподаватели на экзаменах были предельно вежливы и доброжелательны. Сами экзамены ненамного отличались от только что сданных нами школьных, а знания не успели выветриться из наших голов. Училище было молодым. Оно еще не обрело статуса ведущего военного вуза. Наш набор был всего третьим и впервые набиралось 400 человек вместо 300. Поэтому конкурс был небольшой – 2-2,5 человека на место. Кроме экзаменов пришлось сдавать физическую подготовку («стометровка», подтягивание на перекладине и плавание). Плавание, помнится, сдавали на курсантском пляже «Звезда» лично «дяде Сереже» (тогдашнему начальнику кафедры физической подготовки училища майору С.С. Осипову). Но полученная оценка за выполнение нормативов не стала определяющей для приемной комиссии при решении вопроса о зачислении в училище.

Взвод

30 августа 1969 года – приказ о зачислении. Экзамены и приемная комиссия позади. Мы – курсанты! В 4.30 утра – ранний подъем и марш впотьмах в баню. Здесь после непродолжительных водных процедур нам вручаются «военные» трусы и майки. С волнением надеваем свою первую курсантскую форму.

Первые испытания и разочарования. Ребята, с кем успел сдружиться в «абитуре», распределены по разным ротам и взводам. Ты опять один среди новых незнакомых людей, с которыми предстоит спать на соседних койках, питаться за одним столом, постигать азы военной науки, преодолевать трудности, одним словом, «учиться военному делу настоящим образом».

Первые впечатления. Взвод отчетливо делится на три группы: «служивые», «кадеты» и «молодняк». Первые две выгодно отличаются в лучшую сторону. Они подтянуты, уверены в себе, лучше подготовлены физически и психологически. «Кадеты» более грамотны, сплочены и однородны. Они готовы постоять за себя и своих товарищей. «Служивые» все знают, все понимают. Нацелены на борьбу за сержантские и старшинские должности. Они лучше готовы к конкурентной борьбе за «место под солнцем». «Молодняк» полон энтузиазма, ему все интересно. Он как губка впитывает новые впечатления, осматривается, пытается сориентироваться в новом для себя мире, найти

поддержку среди старших товарищей. На лицах представителей «молодняка» (или «мишек» как величали нас «кадеты») можно без труда прочесть стремление «жрать начальника глазами» и делать все правильно и хорошо.

Праздник закончен. Взвод сформирован. Назначены командиры отделений и заместитель командира взвода. Выбран комсгруппорг. Начинаются курсантские будни и наступают первые трудности.

Строители не успели в срок сдать казарму для нашего батальона. И до «белых мух» нам пришлось жить в палатках. Осень в Сибири наступает рано. Уже в первых числах сентября температура опускается до +5°C, начинается сезон дождей. В палатке ночью нужно дежурить по очереди, поддерживать огонь. Одежда и обувь сырая. Организм большинства не приучен к большим физическим и психологическим нагрузкам. Дает себя знать хронический холод, недосыпание, непривычная грубая пища. Весь день расписан даже не по часам, по минутам. Энтузиазм постепенно угасает. «Молодняк», стиснув зубы, «через не могу», начинает бороться с трудностями. Первые потери. То в одном, то в другом взводе видим, как парень сдает курсантскую форму, переодевается в гражданское и виновато пряча глаза уходит туда, куда мы уже не скоро вернемся. Следует отметить, что таких было немного – буквально единицы.

Наконец, во второй половине сентября переезжаем в казарму. После сырых, темных и холодных палаток, кажется, что ты оказался во дворце – громадном, теплом и уютном. Первое время сапоги снимаем перед входом в расположение роты. В общем жизнь налаживается!

Присяга

5 октября 1969 года – День принятия Присяги. Мы все понимаем, что это рубеж. Вчера еще можно было на всё плюнуть, сдать и вернуться в безоблачную жизнь, на «гражданку». Туда, где нет никаких ограничений, не нужно вскакивать по сигналу «Рота, подъем!» и одеваться за 30 секунд. Там никто не заставит тебя бегать изнурительные кроссы, отжиматься и учиться делать «подъем переворотом». И не надо будет ходить строем на занятия, в столовую и в кино, чистить тонны картошки и мыть горы посуды в наряде по кухне. Завтра назад пути уже не будет. Время «Ч». Время принятия решения. Но мы его уже приняли. Мы дали слово, и мы его сдержим. И нам все равно, кому мы его дали: себе, своим сверстникам, родителям, отцам-командирам. Мы его дали. И значит должны сдержать. Сдержать, хотя бы для того, чтобы не потерять уважение к самому себе.

Слово курсанта

Впрочем, лично я свое слово дал еще до поступления и лично начальнику училища генерал-майору В.Г. Зибареву. Дело было так... Решение о поступлении именно в НВВПОУ я принял за два месяца до окончания школы. В военкомате, куда я обратился с вопросом, что для этого нужно, мне сказали, что принимают в училище только членов ВЛКСМ, имеющих опыт общественной работы. Я не только не имел опыта такой работы, но и не был комсомольцем. Поэтому я быстро «записался» в комсомол. Благо в то время это было несложно. А вот общественной работой заняться не успел. Подоспели выпускные экзамены в школе. Когда я пришел сдавать документы для поступления в училище, кадровик, подполковник, принимать их отказался. «Какой ты, – говорит, – общественник. У тебя и стаж-то в комсомоле всего три месяца. Такие нам не нужны». В растрепанных чувствах я вышел из кабинета и печально побрел по коридору. Завернув за угол, я оказался в тупичке у широкого окна, выходящего во внутренний двор училища. Слева от окна увидел дверь, на которой была табличка: «Начальник училища генерал-майор Зибарев В.Г.» В полной растерянности я отвернулся к окну, держа в руках свои документы и думая о том, что мне делать дальше. Сзади раздались шаги. Я невольно оглянулся и оторопел. Ко мне приближался генерал. Невысокий, плотно сложенный, с внимательными и серьезными глазами. «Ты ко мне? Заходи. – Он быстро открыл дверь, и я молча, как лунатик, последовал за ним. – Садись. Слушаю». Я быстро, но как-то бессвязно, изложил ему суть проблемы. Он задал мне несколько вопросов. Удовлетворенно кивнул головой, когда узнал, что я из интеллигентной семьи и проживаю в Академгородке. Поинтересовался мотивами поступления именно в это училище. В конце разговора сказал: «Вижу, что намерения у тебя серьезные. Но меня беспокоит, выдержишь ли ты. Порядки у нас армейские, строгие. Нагрузки большие. Будет обидно, если ты сейчас займешь чье-то место. А, поступив, сломаешься и уйдешь. Можешь дать мне слово, что этого не случится?». Я вскочил и, сдерживая волнение, сказал: «Да, я даю Вам слово, что никогда по своей воле не уйду из училища!». Генерал улыбнулся и поднял трубку телефона: «Иди в кадры!». С того дня верность данному слову стала для меня одним из жизненных принципов.

С этим сложнее. Воспоминания смутные, но в целом благоприятные. Из командиров взводов персонально запомнился только Ваня Малиновский. Может быть из-за того, что громкая фамилия плохо сочеталась с внешним обликом и какой-то не командирской беспомощностью, безобидностью. Невысокий ростом, неряшливо одетый, с виноватым взглядом, он появился, когда мы учились на третьем курсе и уже могли объективно оценить командирские качества офицера. Авторитетом в курсантской среде он не пользовался, но из уважения к офицерским погонам мы относились к нему благожелательно. Справедливости ради надо заметить, что он был единственной «белой вороной» среди командиров взводов. Остальные остались в памяти как подтянутые, щеголеватые, спортивного телосложения. У них, на мой взгляд, было не так уж много обязанностей. И эти обязанности сводились в основном к осуществлению контрольных функций. Видели мы их нечасто. Они не вмешивались в воспитательный процесс, которым в основном занимались сержанты. Их участие в учебном и воспитательном процессе сводилось к проведению занятий по уставам, строевой подготовке и «физо», проведению утреннего осмотра, вечерней поверки, осуществлению контроля за чисткой оружия. Службу в нарядах командиры взводов несли, как правило, в качестве начальника караула или начальника патруля. Они были своего рода промежуточным звеном между сержантами и «хозяином», коим был командир роты.

Ротных за время нашей учебы было двое. И оба, по моей оценке, достойны высокого звания офицера. Мой опыт говорит, что в армии вообще, и в военном училище, в частности, ротный – это ключевая фигура. На нем держится все: уставной порядок, дисциплина, воспитание и обучение, взаимоотношения в коллективе, дух коллективизма и товарищества.

Первым ротным был у нас капитан Валентин Михайлович Барабаш. Каким он вспоминается мне спустя сорок лет? Общее впечатление об его характере – это требовательность в сочетании с добродушием и житейской хитростью. Вспоминается его бессмертная фраза, которая заставляет меня улыбаться по сей день: «Ну, что ты ходишь вокруг меня, как кот на дырлах». Непосвященным непонятно. А те, кто знают, сразу вспоминают атмосферу ротной казармы накануне выходного дня. Ужасно хочется в увольнение, но всех не отпустят. Есть строгий лимит, а решение принимает ротный. Вот и начинаются «танцы» вокруг «хозяина».

Второй ротный – капитан Павел Кузьмич Немцов, пришел к нам уже на старших курсах (нет, это не родственник известного в наши дни, ныне покойного, скандального политического деятеля). К этому ротному я отношусь с еще большим уважением, чем к первому: серьезный, внимательный, в меру жесткий и справедливый. С ним связан один курьезный случай. Заканчивается зимний отпуск. Курсанты должны прибыть к вечерней поверке последнего дня отпуска. Рота стоит, идет поверка. Несколько человек к указанному сроку из отпуска не вернулись. Ротный нервничает. Дежурный передает ему телеграмму. Немцов пробегает ее глазами, хмыкает и зачитывает вслух с трудно передаваемой интонацией: «Задерживаюсь метеоусловиях Ульяновска тчк Целую тчк Фёдоров тчк». Рота хохочет. Немцов с сарказмом: «Ну я тебя, Федоров, поцелую!».

Командир батальона, подполковник Анатолий Егорович Свинухов, для нас, курсантов – это вообще небожитель. Видели мы его нечасто, в основном на общих построениях, или при разборе какого-либо чрезвычайного происшествия. В силу этого, он представлялся нам вершителем судеб, последней инстанцией. С замполитом батальона, подполковником Александром Тимофеевичем Ракодом они хорошо гармонировали и казались чем-то единым целым.

«Ледовый поход»

Этот эпизод из курсантской жизни запомнился мне как первое серьезное испытание на выносливость в моей жизни. Однокашники меня поправят, если я не прав, но, как мне кажется, было это зимой, когда мы учились на первом курсе. Зимы в тот период были холодные и снежные. Температура даже днем часто зашкаливала за -30°C и держалась по несколько дней, а то и недель.

Однажды, в такую «студеную зимнюю пору» во второй половине дня нас подняли по тревоге. Выдали оружие и ввели в тактическую обстановку, согласно которой условный противник нарушил границу СССР и перешел в наступление, подвергнув бомбардировке расположение воинских частей, промышленные и другие стратегические объекты. Наша задача: выйти из-под удара в район сосредоточения, замаскироваться и ждать дальнейших указаний. Выйти в этот район нам предлагалось своим ходом, для чего всему личному составу были выданы лыжи и валенки. Вещмешки у нас были укомплектованы заранее. Во главе с офицерами мы двинулись в путь, который оказался неблизким. Конечную точку маршрута мы не знали, поэтому просто шли в колонне, поротно и повзводно. Мороз крепчал. А когда вышли из лесного массива в поле, к нему добавился резкий, пронизывающий ветер. Началась поземка, которая переросла в метель. Колонны постепенно теряли стройность. Они

растягивались, дробились на группы. Снег заметал лыжню. Отставшие теряли ориентацию в пространстве. Все, что происходило в дальнейшем, больше походило на спасательную операцию. В каком-то овраге нашей роты был объявлен привал. Провели переключку, кого-то не хватало. Их пошли искать назад по следу. У некоторых были обморожены лица и кисти рук, им потребовалась медицинская помощь. Надвигались сумерки. Наконец, последовала команда «отбой». На этом, в связи с неблагоприятными метеоусловиями, наши учения закончились.

Не помню, как мы вернулись обратно в казарму. Вряд ли своим ходом, скорее всего, на автомобилях. Но в памяти это уже не отложилось. Отставших, вместе с оружием, искали всю ночь. Последних нашли только к утру на какой-то ферме, куда они забрели, спасаясь от холода. Хорошо, что обошлось без потерь. Но надолго осталось чувство опустошенности и своего бессилия перед природой.

Разбор «полетов» продолжался уже без нас, в тихих кабинетах начальников. Но этот опыт проведения учений остался у меня в памяти надолго. Будучи уже замполитом полка в Туркмении, в феврале 1984 г. я испытал чувство «дежавю», когда, возвращаясь с полковых тактических учений, колонна бронетехники попала в метель. Один из БТРов с экипажем сломался. И мы, уже из пункта постоянной дислокации, силами разведроты организовывали их поиск в пустыне Каракум и эвакуацию. Сам БТР обнаружили брошенным около 5 часов утра. А экипаж отыскивали только с рассветом. Как оказалось, солдаты, спасаясь от холода, оставили сломанный БТР и побрели пешком. По счастью, на пути попала заброшенная овечья ферма, где они и заночевали.

500 сибирских километров

Для повышения выносливости курсантов какой-то «мудрец» придумал, что за зиму мы должны пройти на лыжах 500 км. Почему 500, а не 600 и не 400, нам никто не объяснил. Но оформили все это, как комсомольскую инициативу.

В каждой роты на видном месте висел большой график на листе ватмана. На нем отмечалось: кто из курсантов, когда и сколько прошел на лыжах. В зачет шли все передвижения во время занятий по тактической, физической подготовке, а также регулярные 10-ти километровые кроссы, проводимые по субботам и воскресеньям в масштабе батальона или всего училища. Несмотря на то, что сибирская зима была длинной, 500 км пробежать за этот период было невозможно без ущерба для учебы и для здоровья тоже. Да и трескучие морозы часто вносили свои коррективы. Вел учет «покоренных» километров лично командир роты, все попытки приписок и фальсификаций спортивных успехов решительно им пресекались.

Нужно сказать, что кроссы мы бегали на тех же лыжах, на которых выходили на тактическую подготовку. Это были такие деревянные широченные снегоступы. Весили они раза в 3-4 больше, чем беговые лыжи. Да и по размерам лыжи и палки не всегда соответствовали росту спортсмена.

Воскресные забеги обычно начинались около 10 часов утра. В качестве приза нам обещали увольнение в город, естественно, при условии выполнения нормативов. Норматив был также оценкой по физподготовке, поэтому выкладывались мы на трассе, как говорится, «по полной». Большинство после финиша мечтало уже не об увольнении, а о том, как бы доползти до кровати и отлежаться.

После обеда, как правило, молодость брала свое, и вновь возникало желание хоть на несколько часов сменить обстановку, выйти в город, развлечься, поискать приключений. Тут и начинались «танцы на цырлах» перед ротным, о которых я рассказывал выше. Иногда помогало, но чаще нет. И воскресный досуг ограничивался для нас просмотром телевизора, да игрой в настольный хоккей.

Отдых и развлечения

Большие физические, психологические и умственные нагрузки в ходе учебного процесса руководство училища и командование батальона компенсировали хорошо продуманной программой отдыха и развлечений в свободное от учебы и несения службы время. Своего курсантского клуба или Дома офицеров в годы нашей учебы еще не было. Поэтому для курсантов организовывали выезды в театры Новосибирска, на концерты в Дом ученых Академгородка. В курсантской столовой проводились вечера встреч со студентками вузов города (в основном педагогического и медицинского). На этих вечерах, кстати, играл курсантский вокально-инструментальный ансамбль. И играл вполне профессионально. На третьем и четвертом курсах, когда потоком пошли курсантские свадьбы, он пользовался на них большим успехом.

Наш ротный, В.М. Барабаш, присутствуя на подобных курсантско-студенческих «посиделках» и наблюдая за «забойными» танцами курсантов с приглашенными студентками, любил повторять: «Педагог и офицер – лучший брак в СССР!».

В каждом батальоне были команды КВН. Кавээнщики соревновались в остроумии и находчивости не только в стенах училища, но и в городских, точнее студенческих конкурсах. И смотрелись при этом весьма достойно.

В ДК «Академия» в те годы активно работал кино клуб. Регулярно проводились просмотры новинок мирового киноискусства. А перед показом выступали кинокритики, режиссеры, актеры. На эти показы мы уже ходили в индивидуальном порядке, как правило в вечернее время и с расчетом, успеть вернуться к вечерней поверке. До сих пор у меня остались в памяти прекрасные фильмы: итальянская версия «Ромео и Джульетты» с непрофессиональными 16-летними актерами в главных ролях, американская социальная драма «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?» и конечно наш, ставший уже культовым, кинофильм «Офицеры».

В училище четко функционировала отлаженная система обязательного посещения курсантами театров и концертных залов Новосибирска. Если курсант посещал театр самостоятельно, то увольнительная записка выписывалась ему до 1.30 ночи, чтобы он мог спокойно вернуться в училище, проводив перед этим девушку до дому. Командир роты В.М. Барабаш после обращения к нему курсанта с просьбой разрешить увольнение для посещения театра обычно раздражался сентенцией типа: «Что решил культурно подрасти? Наверное, с барышней в «театр» собрался?». Потом он заявлял: «У тебя, товарищ курсант, по учебе есть проблемы», но тут же милостиво разрешал: «Ладно, давай дуй в свой «театр», может быть, от этого действительно будешь лучше!». Правда, для острастки он мог потребовать предъявить входной билет.

В вечернее время, а также в выходные и праздничные дни развлечения мы в основном придумывали себе сами. Ну, за исключением, конечно, различных соревнований на первенство училища по таким видам спорта как волейбол, баскетбол, бокс, борьба и пр. В них принимали участие сборные команды батальонов и курсов, а остальные привлекались в качестве зрителей. Но проводились они не очень часто, да и массовостью не отличались. Сидеть по вечерам в душной казарме и «пялиться» в телевизор желающих было мало. Молодость требовала движения, азарта и приключений «на мягкое место». Их мы находили в самых неожиданных местах. В летние месяцы в нашей роте, в частности, широко практиковались футбольные баталии на крыше казармы. Спортивный азарт здесь усиливался впрыском в кровь адреналина, когда в погоне за мячом приходилось балансировать на краю крыши. Зимой играли в хоккей с шайбой. Коньков, правда, не было, поэтому играли в сапогах на льду. Но азарта тоже было хоть отбавляй! К вечерней поверке мы возвращались в казарму уставшие и умиротворенные.

Начало 70-х годов было временем расцвета советского хоккея. И это не могло не отразиться на наших спортивных пристрастиях. В дни проведения чемпионата мира по хоккею в казарме мало кто спал по ночам. Трансляция начиналась далеко после полуночи. Поэтому, ложась спать, мы привязывали полотенца к спинкам кровати для того, чтобы дневальный нас разбудил перед началом трансляции. В ленкомнате перед телевизором сооружались импровизированные трибуны из стульев и столов. И шум стоял не меньший, чем на трибунах дворцов спорта.

На этой спортивной волне в нашей роте уже на втором курсе стал проводиться свой «чемпионат мира» по настольному хоккею. В складчину была приобретена игра «Хоккей». Энтузиасты написали правила игры. В роте прошли отборочные матчи, в которых слабейшие отсеялись. Каждый из оставшихся взял себе имя одной из ведущих хоккейных держав мира. Провели жеребьевку, нарисовали турнирную таблицу. В общем, все «по-взрослому». И, что называется, понеслось... За два года мы провели не менее десяти своих чемпионатов, обзавелись своими зрителями и болельщиками. Помнится, даже замполит батальона А.Т. Ракоед периодически интересовался нашими успехами на этом поприще.

A.N. Shilov

Ekaterinburg

angur@ngs.ru

REMEMBER ALL!

This article is the sketch by A.N. Shilov, a retired colonel, a member of the fighting in the Republic of Afghanistan, a veteran of military school, graduate in 1973. Author with humor and nostalgic remembers his cadet years, his commanders and classmates, various cases of cadet youth. As in real life, in the memoirs of veteran adjoin the heroic and the comic, sad and funny. Familiarity with the materials submitted by A.N. Shilov, could help the visitors to plunge into the atmosphere of those years when the military school was experiencing a period of development.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

I МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ»

(18 марта 2016 г., г. Новосибирск)

18 марта 2016 г. в Новосибирске прошла I Международная научно-практическая конференция «Евразийская интеграция и безопасность». Ее организаторами выступили Новосибирское высшее военное командное училище (НВВКУ), Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), а также экспертный клуб «Сибирь – Евразия».

В работе конференции приняли участие представители научно-исследовательских институтов РАН, военных и гражданских вузов Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Пленарное заседание открыл директор Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации доктор физико-математических наук, профессор С.Р. Сверчков.

В своем выступлении он подчеркнул уникальность формата проводимой конференции: она объединила потенциал и знания науки, сферы управления и армии – и в этом, на его взгляд, состоит сила подобных форумов.

В приветственном слове к участникам конференции начальник управления международных связей администрации губернатора и правительства Новосибирской области С.В. Санников отметил практический характер подобных мероприятий: по его мнению, в современных условиях социально-гуманитарное знание, практический опыт исследований жизни современного общества так или иначе должны быть направлены на защиту интересов России, а также обеспечение безопасности стран всего Евразийского экономического сообщества.

Начальник отдела (организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров) Новосибирского высшего военного командного училища (НВВКУ) подполковник С.Ю. Свилин подчеркнул общность многих политических и экономических процессов в странах постсоветского пространства, что так или иначе, способствует взаимному стремлению не только к экономической интеграции, но и к тесному военно-политическому и военному сотрудничеству.

Тематика докладов, представленных на конференции, охватывала широкий круг проблем, включая теоретические основы евразийства, вопросы экономической интеграции на постсоветском пространстве, военно-технического сотрудничества стран СНГ и ОДКБ, политические и военно-политические аспекты евразийской

интеграции, борьбу с международным терроризмом, а также вопросы истории взаимоотношений народов и государственных образований на территории азиатской части Евразии.

Интересные доклады на эти темы представили доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета, заведующий сектором Института истории СО РАН М.В. Шиловский; доктор исторических наук, старший преподаватель НВВКУ В.Г. Кокоулин; кандидат исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тюменского государственного университета Н.Ф. Шиляев, доктор экономических наук, заведующий

сектором Института экономики и организации промышленного производства СО РАН В.Ю. Малов, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН Ю.С. Худяков, кандидат культурологии, доцент кафедры философии Института философии и права СО РАН В.А. Бойко, кандидат философских наук, профессор Сибирского института международных отношений и регионоведения А.И. Пальцев, начальник строевого отдела НВВКУ И.А. Челноков и другие.

С докладами о роли и месте республики Казахстан в процессе евразийской интеграции выступили старший преподаватель Инновационного Евразийского университета Д.А. Франк (Республика Казахстан, г. Павлодар) и кандидат философских наук, старший преподаватель НВВКУ И.В. Лихоманов.

По итогам работы конференции её участники пришли к следующим выводам:

в нынешних условиях усиления глобальной нестабильности важным фактором становится проблема безопасности; она может быть решена только в рамках Евразийского пространства, с привлечением органов власти, вооружённых сил, правоохранительных структур, научных организаций, религиозных и национальных объединений, общественных движений;

необходимо развивать дальнейшее сотрудничество между научными и образовательными учреждениями с целью обсуждения ключевых проблем интеграции и безопасности на Евразийском пространстве, для чего предлагается сделать данную конференцию ежегодной;

также необходимо привлекать широкие круги научной и научно-педагогической общественности к обсуждению данной темы. Участники конференции предлагают развивать научную и образовательную деятельность по данной теме в рамках высших учебных заведений стран Евразийского пространства;

конференция поддерживает усилия учёных, направленные на повышение роли экспертного сообщества в принятии ключевых решений по проблемам интеграции и безопасности;

ряд проблем военно-политической и научно-технической интеграции и безопасности на Евразийском пространстве предлагаются к обсуждению на очередной конференции по данной тематике в марте 2017 г.

Указанные выводы легли в основу принятой по итогам конференции резолюции.

Активное участие в работе конференции приняли курсанты Новосибирского высшего военного командного училища Д.Е. Десятов, И.А. Антипов, А.Е. Адам, А.А. Ворон.

Материалы конференции будут опубликованы в следующем номере журнала «Гуманитарные проблемы военного дела».

И.В. Лихоманов

III МЕЖВУЗОВСКАЯ ИТОГОВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВОЕННО-НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА КУРСАНТОВ НОВОСИБИРСКОГО ВЫСШЕГО ВОЕННОГО КОМАНДНОГО УЧИЛИЩА

25 марта 2016 г. в Новосибирском высшем военном командном училище была проведена III Межвузовская итоговая конференция военно-научного общества курсантов НВВКУ.

Уже в третий раз конференция проходила в формате межвузовской – в этом году в ней приняли участие не только курсанты и преподаватели училища, но и преподаватели, адъюнкты и курсанты Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, студенты Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирского государственного университета экономики и управления, также офицеры из войск – слушатели факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации НВВКУ.

Конференция проходила в два этапа: сначала, в ходе пленарного заседания выступили курсанты, чьи работы были представлены для участия во Всесармейском конкурсе 2016 года на лучшие научные работы, выполненные слушателями и курсантами вузов Министерства обороны Российской Федерации, а затем работа конференции была продолжена в рамках тематических секций на кафедрах.

В этом году таких секций было организовано девять:

секция 1 «Актуальные проблемы подготовки курсантов в соответствии с их должностным предназначением» (кафедра тактики);

секция 2 «Актуальные проблемы теории и практики войсковой разведки» (кафедра разведки и воздушно-десантной подготовки);

секция 3 «Профессиональная деятельность офицера-управленца: проблемы и возможности» (кафедра управления подразделениями в мирное время);

секция 4 «Тенденции развития технических средств вооруженной борьбы в современных условиях» (кафедра эксплуатации и ремонта вооружения и военной техники);

секция 5 «Тенденции развития средств вооруженной борьбы в современных условиях» (кафедра вооружения и стрельбы);

секция 6 «Совершенствование физической подготовки военнослужащих в современных условиях» (кафедра физической подготовки);

секция 7 «Гуманитарные проблемы военного дела» (кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин);

секция 8 «Применение общепрофессиональных дисциплин в решении военно-прикладных задач» (кафедра общепрофессиональных дисциплин);

секция 9 «Вооруженные силы страны изучаемого языка» (кафедра иностранных языков).

Пленарное заседание конференции.

Всего в ходе пленарного заседания и работы секций выступило более ста участников конференции из числа курсантов и преподавателей НВВКУ и НВИ ВВ МВД России, а также офицеров из войск, прибывших в училище для прохождения обучения на факультете профессиональной подготовки и повышения квалификации.

По итогам представления курсантами своих научных работ на заседаниях секций лучшие из них были награждены дипломами и грамотами.

Прошедшая конференция показала возросший интерес курсантов к военно-научной работе, а также к проводимым в г. Новосибирске научным мероприятиям: конференциям, олимпиадам, конкурсам научных работ, Дням российской науки и другим мероприятиям научной направленности.

Материалы военно-научной конференции курсантов будут опубликованы в виде сборника в конце апреля 2016 г.

В рамках секция «Гуманитарные проблемы военного дела» (кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин) был проведен «круглый стол» с участием офицеров из войск.

Если говорить о предстоящем финале Всеармейского конкурса на лучшие научные работы, выполненные слушателями и курсантами вузов Министерства обороны Российской Федерации, то следует сказать, что в этом году в вузы-организаторы представлено двадцать две научные работы курсантов нашего училища. В прошедшем году таких работ было шестнадцать. Из числа научных работ курсантов, выдвинутых на Всеармейский конкурс 2016 года, одиннадцать работ направлены в ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ» (г. Москва), девять – в Военный университет (г. Москва) и по одной работе – в Военно-космическую академию имени А.Ф. Можайского и Военный институт физической культуры (г. Санкт-Петербург).

В 2015 году победу во Всеармейском конкурсе одержал курсант 3 роты курсант И.А. Тищенко. Его научная работа была признана конкурсной комиссией ВУНЦ СВ «ОВА ВС РФ» одной из лучших работ, выполненных курсантами и слушателями вузов Сухопутных войск, и он был награжден первой премией Министерства образования и науки Российской Федерации для поддержки талантливой молодежи.

За последние четыре года уже шесть курсантов училища становились победителями Всеармейского конкурса на лучшие научные работы и были награждены премиями Министра обороны и Министерства образования и науки России. Хочется пожелать нашим курсантам успехов и во Всеармейском конкурсе 2016 года.

С.Ю. Свилин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Вадим Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, профессор Академии военных наук Российской Федерации, полковник запаса, г. Новосибирск.

Андрушевич Олег Анатольевич – редактор отдела (организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров) Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, г. Новосибирск.

Аристов Виталий Викторович – слушатель Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», майор, г. Воронеж.

Балабушевич Виктор Юрьевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, профессор Академии военных наук Российской Федерации, подполковник в отставке, г. Новосибирск.

Беловолов Валерий Александрович – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, г. Новосибирск.

Беловолова Светлана Павловна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, г. Новосибирск.

Бочаров Владимир Алексеевич – преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, полковник в отставке, г. Новосибирск.

Вербовой Олег Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории войн и военного искусства ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия» им. Н.Г. Кузнецова, капитан 1-го ранга в отставке, г. Санкт-Петербург.

Винеткина Инесса Владимировна – курсант ФГОУ ВПО «Военная академия связи имени С.М. Буденного», г. Санкт-Петербург.

Герш Борис Геннадьевич – кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, г. Новосибирск.

Гомель Николай Иванович – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры идеологической работы Военной академии Республики Беларусь, Республика Беларусь, г. Минск.

Гурский Анатолий Иванович – кандидат философских наук, доцент, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, профессор Академии военных наук Российской Федерации, полковник в отставке, г. Новосибирск.

Дорошенко Евгений Владимирович – адъюнкт Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, подполковник, г. Новосибирск.

Еремин Игорь Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры историко-культурного наследия Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул.

Зоренко Егор Игоревич – курсант Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, г. Новосибирск.

Зорин Олег Леонидович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника отдела научно-исследовательского центра (образовательных и информационных технологий) Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», подполковник, г. Воронеж.

Калинин Анатолий Федорович – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, г. Новосибирск.

Качан Геннадий Сергеевич – преподаватель кафедры оперативно-тактической подготовки ФГОУ ВПО «Военная академия связи им С.М. Буденного», г. Санкт-Петербург.

Климзов Алексей Геннадьевич – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-тактической подготовки ФГОУ ВПО «Военная академия связи им С.М. Буденного», г. Санкт-Петербург.

Кокоулин Владислав Геннадьевич – доктор исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, профессор кафедры истории России Новосибирского национального исследовательского государственного университета, профессор Академии военных наук Российской Федерации, г. Новосибирск.

Конопацкий Александр Кириллович – кандидат исторических наук, доцент, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, профессор Академии военных наук Российской Федерации, г. Новосибирск.

Курсакова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Барнаульского юридического института МВД России, г. Барнаул.

Литовченко Владимир Анатольевич – начальник учебной лаборатории кафедры разведки (и воздушно-десантной подготовки) Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, капитан, г. Новосибирск.

Лихоманов Игорь Валентинович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, г. Новосибирск.

Лопуха Татьяна Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, г. Новосибирск.

Неверко Марина Викторовна – магистр педагогических наук, преподаватель кафедры идеологической работы Военной академии Республики Беларусь, Республика Беларусь, г. Минск.

Пепеляев Александр Викторович – кандидат философских наук, доцент, заместитель начальника кафедры управления подразделениями в мирное время Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, профессор Академии военных наук Российской Федерации, полковник, г. Новосибирск.

Пиков Геннадий Геннадьевич – доктор культурологии, профессор кафедры всеобщей истории гуманитарного факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета, г. Новосибирск.

Разгонов Виталий Леонидович – начальник Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, полковник, г. Новосибирск.

Рябков Дмитрий Владимирович – адъюнкт кафедры военной педагогики и психологии Новосибирского военного института внутренних войск имени генерала армии И.К. Яковлева МВД России, подполковник, г. Новосибирск.

Салханов Ерхат Рахатович – магистр военно-административного управления, преподаватель Военного института Национальной гвардии Республики Казахстан, майор, Республика Казахстан, г. Петропавловск.

Свилин Сергей Юрьевич – начальник отдела (организации научной работы и подготовки научно-педагогических кадров) Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, подполковник, г. Новосибирск.

Страбыкин Андрей Григорьевич – преподаватель кафедры тактики Новосибирского высшего военного командного училища Министерства обороны Российской Федерации, подполковник, г. Новосибирск.

Чернов Сергей Алексеевич – кандидат педагогических наук, доцент, полковник запаса, г. Новосибирск.

Шапашев Мурат Аскарлович – магистр военно-административного управления, начальник отдела воспитательной и социально-правовой работы Военного института Национальной гвардии Республики Казахстан, подполковник, Республика Казахстан, г. Петропавловск.

Шевченко Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии Юридического института Красноярского государственного аграрного университета, г. Красноярск.

Шекшеев Александр Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, член правления Хакасской республиканской организации «Общество Мемориал», г. Абакан.

Шилов Александр Наполеонович – ветеран училища, выпускник 1973 года, участник боевых действий в Республике Афганистан, полковник в отставке, г. Екатеринбург.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

Перед вами – очередной выпуск военно-научного журнала «ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА».

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность всем авторам, представившим свои статьи для публикации на страницах журнала. Мы надеемся на продолжение и углубление творческого сотрудничества, ждем Ваших писем, советов, предложений и новых материалов.

С архивом журнала можно ознакомиться на сайте издания www.nvku-журнал.рф.

По всем интересующим Вас вопросам можно обращаться по адресу: E-mail: gumproblem@gmail.com

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

НОВОСИБИРСКОЕ ВЫСШЕЕ ВОЕННОЕ КОМАНДНОЕ УЧИЛИЩЕ
НОВОСИБИРСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

18 ноября 2016 г. проводят в г. Новосибирске **III Всероссийскую научно-практическую конференцию «Гуманитарные проблемы военного дела».**

Материалы конференции будут опубликованы до начала конференции в журнале «Гуманитарные проблемы военного дела» № 3 за 2016 г.

Конференция будет работать по следующим направлениям:

- 1) Военная политика, экономика и право;
- 2) Философские проблемы военного дела
- 3) Военная история и культура;
- 4) Военная социология, педагогика и психология.

Заявки на участие в конференции и публикации принимаются до **15 сентября 2016 г.**

С материалами I и II Всероссийских конференций «Гуманитарные проблемы военного дела», а также с журналом можно ознакомиться на сайте Академии военных наук Российской Федерации www.avnrf.ru и на сайте журнала: www.nvku-журнал.рф

Журнал «Гуманитарные проблемы военного дела» индексируется РИНЦ.

Адрес редакционной коллегии журнала «Гуманитарные проблемы военного дела»:

Новосибирское высшее военное командное училище
Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин
ул. Иванова, 49, Новосибирск, 630117
E-mail: gumproblem@gmail.com

Правила оформления текста рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом до 1 печатного листа (текст в формате Word, 20 тыс. знаков с пробелами, Times New Roman шрифт 14, межстрочный интервал 1,5) включая иллюстрации. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только по согласованию с редакцией.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются порядковый номер в списке литературы, страницы. В конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя

страницы – для статьи). Ссылки на архивные документы оформляются в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы).

Размер изображения не должен превышать 190 x 270 мм. Рекомендуемый размер черно-белых фотографий 100 x 150 мм. При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что к электронным версиям рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr) следует приложить их распечатки высокого качества на белой бумаге. Просим Вас не изменять исходный электронный формат создаваемого Вами графического объекта. Все надписи и символы на них следует перевести в кривые. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок. На обороте каждой иллюстрации необходимо написать фамилию автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации.

Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.tff), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения 190 x 270 мм.

В рукописи статьи на последней странице необходимо указать следующие сведения:

- а) фамилия, имя, отчество;
- б) ученая степень;
- в) ученое звание;
- г) место работы (почтовый адрес с индексом);
- д) должность;
- е) воинское звание (если таковое имеется);
- ж) контактный телефон, электронный и почтовый адрес автора (см. образец оформления рукописи и списка литературы).

Кроме того, к тексту статьи прилагаются: а) аннотация на русском языке (не менее 200 слов); б) ключевые слова на русском языке (от 7 до 10 слов); в) фамилия и инициалы автора, название статьи на английском языке; г) аннотация на английском языке; д) ключевые слова на английском языке, а также указывается индекс УДК (см. образец оформления рукописи и списка литературы).

Образец оформления рукописи и списка литературы

УДК 930.1

В.Ю. Балабушевич, В.Г. Кокоулин

*Новосибирское высшее военное командное училище
г. Новосибирск*

*vbalab@yandex.ru
kwladislaw@yandex.ru*

ПРАЗДНИК 23 ФЕВРАЛЯ: «НОВОЕ ВИНО В СТАРЫЕ МЕХА»?

В статье раскрывается история возникновения праздника 23 февраля, ставшая неотъемлемой частью истории страны. Появившись в начале советской эпохи вскоре после Октябрьской революции, он успешно «пережил» крах политической системы социализма, распад СССР и закрепился в календаре постсоветской России. Авторы рассматривают трансформации, происходившие с праздником 23 февраля на различных этапах отечественной истории, прослеживают эволюцию его смыслов, идеологического и политического содержания. Приводятся иллюстративные материалы, которые не только отражают представления о Дне защитника Отечества в современной России, но и прямо влияют на его восприятие гражданами современной России. На основе анализа содержания и смыслового ряда в школьных и вузовских учебниках истории, издававшихся в разные годы в постсоветской России, делается вывод о том, что данные учебники формируют «размытость» исторического сознания. На основе опроса учащихся выпускного класса школы, студентов университета, курсантов военного училища и тех, кто учился в школе в конце 1980-х – начале 1990-х гг. проанализировано их представление о празднике 23 февраля, его истории и традициях. Отмечается, что современное поколение плохо представляет себе как историю праздника, так и его содержание. Предпринимается попытка выявить наиболее распространенные в современной России взгляды на прошлое, настоящее и будущее праздника 23 февраля. Делается вывод, что несмотря на трансляцию западных ценностей и трансформацию системы образования, восприятие праздника 23 февраля как дня Вооружённых сил остается у большинства российских граждан.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, «День Красной Армии», «День Советской Армии и Военно-морского флота», «День защитника Отечества», идеолого-политическое содержание праздника, массовое сознание, Октябрьская революция, традиции праздника.

Многие десятилетия наши соотечественники привычно считают 23 февраля «красным днем календаря». История праздника 23 февраля стала неотъемлемой частью истории нашей страны, многих поколений ее граждан. Появившись в начале советской эпохи вскоре после Октябрьской революции, он успешно «пережил» крах политической системы социализма и закрепился в календаре постсоветской России.

Однако с этим праздником творятся странные метаморфозы: неоднократно изменяется его официальное название, статус, трансформируется идеолого-политическое содержание праздника, изменяется его восприятие широкими массами и определенными социальными группами населения.

Основной текст статьи

Список литературы

Образец оформления списка литературы:

1. Карпов А.В. Формирование массового сознания в постсоветской России // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания. Материалы междунар. науч. конф. 15–17 ноября 2010 г. СПб., 2011. С. 56–59.
2. Ронсон Дж. Массовое сознание. Новосибирск, 1995. 196 с.
3. Dworkin R. Law's Empire. Cambridge MA: Harvard University Press, 1986. 120 с.
4. Hart H. L. A. Are There Any Natural Rights? // Philosophical Review. 1955. Vol. 64. P. 175–191.
5. http://nvo.ng.ru/concepts/2016-02-19/2_red.html; дата обращения: 23.02.2016.

V.Yu. Balabushevich, V.G. Kokoulin

*Novosibirsk Higher Command Military School,
Novosibirsk*

*vbalab@yandex.ru
kwladislav@yandex.ru*

HOLIDAY OF FEBRUARY, 23: «NEW WINE IN OLD BOTTLES»?

The article reveals the history of the holiday of February, 23, that has become an integral part of the history of our country. Appearing at the beginning of the Soviet era shortly after the October Revolution, he successfully “survived” the collapse of the socialist political system, the collapse of the USSR and was fixed in the calendar of post-Soviet Russia. The authors examine the transformation that took place with the holiday of February, 23 in various stages of national history, trace the evolution of his senses, the ideological and political content. We give illustrative material, which not only reflect the views of the Defender of the Fatherland Day in modern Russia, but also a direct impact on his perception of our citizens. Based on the analysis of the content and meaning of a number of school and university history textbooks published in different years in post-Soviet Russia, it is concluded that these textbooks form a “blurring” historical consciousness. Based on a survey of the graduating class of school pupils, university students, military school cadets and those who went to school in the late 1980s – early 1990s, it is analyzed their idea of history and traditions of this holiday of February, 23. It is noted that the current generation bad imagines a history of the holiday and its content. An attempt is made to identify the most common in modern Russian views on the past, present and future of the holiday of February, 23. It is concluded that in spite of the broadcast Western values and the transformation of the education system, the perception of the holiday of February, 23 as the Day of the Armed Forces is the majority of Russian citizens.

Keywords: The Great Patriotic War, “Red Army Day”, “Day of the Soviet Army and Navy”, “Day of Defender of the Fatherland”, ideological and political content of the holiday, the mass consciousness, the October Revolution, the holiday tradition.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОГО ДЕЛА

Военно-научный журнал

Выпуск № 1 (6) 2016 г.

Главный редактор Разгонов В.Л.
Редактор выпуска Андрушевич О.А.
Корректор Пантелеева О.Н.

Издается с ноября 2014 г. Выходит 4 раза в год.

Подписано в печать 30.03.2016. Формат 60x90 1/8 Усл. печ. л. 18,75 Тираж 200 экз. Заказ №137
Свободная цена.

Адрес редакции, издателя и типографии: 630117, г. Новосибирск, ул. Иванова, 49
Новосибирское высшее военное командное училище.

УДК 355.011/.014(082)
ББК 68.01я43
Г94
ISSN 2413-8347